

ISSN 1563-0307; eISSN 2617-5843

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия философии, культурологии и политологии

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

JOURNAL

of Philosophy, Culture and Political Science

№1 (79)

Алматы
«Қазақ университеті»
2022

ISSN 1563-0307; eISSN 2617-5843

ХАБАРШЫ

ФИЛОСОФИЯ, МӘДЕНИЕТТАНУ, САЯСАТТАНУ СЕРИЯСЫ.
№1 (79) наурыз

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16505-Ж

*Журнал жылына 4 рет жарыққа шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)*

Журнал философия, мәдениеттану және саясаттану ғылымдары бойынша диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған // Докторлық диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған ғылыми басылымдардың тізіміне кіреді // ЖАК бюллетені, №3, 1998; Нормативтік және методикалық материалдарын жариялайтын ғылыми басылымдар тізімі Қазақстан ЖАК-нің төрағасының бұйрығы 26.06.2003, №433-3 ж. // Нормативтік және методикалық материалдар жинағы №6 ЖАК. – Алматы, 2003.

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Туарбекова Л.В., PhD докторанты, доцент м.а.
(Қазақстан)
Телефон: +7 702 341 2875
E-mail: l.turarbek@mail.ru

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Масалимова А.Р., филос.ғ.д., профессор – ғылыми редактор (Қазақстан)
Насимова Г.О., саяси ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)
Жолдубаева А.К., филос.ғ.д. профессор (Қазақстан)
Исмағамбетова З.Н., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Қарабаева А.Г., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Мұсатаев С.Ш., саяси ғ.д., профессор (Қазақстан)
Нұрышева Г.Ж., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Сенгирбай М.Ж., PhD докторы (Қазақстан)

Асунсьон Лопез-Варела (Asuncion Lopez-Varela), PhD, профессор, Комплутенс университеті (Испания)
Каплан Синтия (Caplan Cynthia), PhD, профессор, Калифорния университеті (АҚШ)
Кэтлин Адамс (Catlin Adams), PhD, профессор, Лойола университеті (АҚШ)
Петрик Джеймс (James Patrick), PhD, профессор, Огайо университеті (АҚШ)
Питер Финке (Peter Finke), PhD, профессор, Цюрих университеті (Швейцария)
Быков И.А., профессор (Ресей)
Бегалинова К.К., профессор (Қазақстан)
Жансүгірова Ж.А., п.ғ.к., доцент м.а. (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫЛАР

Төлеп Д.М., PhD докторанты (Қазақстан)
Ахмеганбетов Р.С., PhD докторанты (Қазақстан)
Кабдолланова А.А., PhD докторанты (Қазақстан)

Философия, мәдениеттану, саясаттану сериясы. Философиялық ой және сұқбат, толеранттылық мәселесі, мәдениетті зерттеу әдіснамалары, саяси құндылық және интеграция мәселелерін қамтиды.

Жоба менеджері
Гульмира Шахкозова
Телефон: +7 701 724 2911
E-mail: Gulmira.Shahkzozova@kaznu.kz

Компьютерде беттеген
Айгүл Алдашева

Журнал авторлық редакциямен жарыққа шықты.

ИБ № 15383

Пішімі 60x84/8. Көлемі 8,6 б.т. Тапсырыс № 15242.
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің
«Қазақ университеті» баспа үйі.
050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.
«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында
басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2022

1-бөлім
ФИЛОСОФИЯ

Section 1
PHILOSOPHY

Раздел 1
ФИЛОСОФИЯ

Д.Б. Казанцева

Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

e-mail: dinasens@mail.ru

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Проблема самореализации потенциала личности исторически привлекала внимание многих наук. Интерес представлял тот факт, что сущностное проявление потенциала определяет движущие силы, глубинное «Я» человека, его результаты. Решения современных кризисных общественных ситуаций требует изучения особенностей проявления сущностных сил через самореализацию потенциала личности. Целью работы становится рассмотрение комплекса условий, позволяющих обеспечить самореализацию духовно-нравственного потенциала личности, обусловленного ментальностью народа России.

Реализация потенциала личности осуществляется в историческом пространстве российского бытия, создающим для его движения нравственные ограничения. Идентификация и самоопределение по отношению к духовному пробуждает глубинную сущностную духовную часть целостного потенциала личности, разворачивающуюся сущностными силами субъекта для достижения акме – духовных вершин самореализации. Осуществляется это в процессе движения личности по ступеням развития – жизнедеятельностной, социодинамической, социокультурной, деятельности, культурной и духовной.

Обеспечивают полноту общественного бытия, позволяя разворачиваться в духовном пространстве сущности и силе духовно-нравственного потенциала традиционные для России духовно-нравственные стандарты культуры. Способствует этому комплекс мер, включающий организацию индивидуального развития личности с учетом исторического, насыщенного духовно-нравственными ценностями духовного пространства России, организацию перехода личности по лестнице бытия к высшим духовно-сущностным основам развития.

Ключевые слова: духовно-нравственный потенциал, духовное пространство, духовно-нравственные ценности, самореализация, личность, ментальность, общество.

D.B. Kazantseva

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

e-mail: dinasens@mail.ru

Creation of conditions for self-realization of spiritual and moral potential of a personality in russian society

The problem of self-realization of the potential of the individual has historically attracted the attention of many sciences. Of interest was the fact that the essential manifestation of potential determines the driving forces, the deep “I” of a person, his results. The solution of modern crisis social situations requires the study of the features of the manifestation of essential forces through the self-realization of the potential of the individual. The aim of the work is to consider a set of measures to ensure self-realization of the spiritual and moral potential of the individual, due to the mentality of the people of Russia.

The realization of the potential of the individual is carried out in the historical space of Russian life, which creates moral restrictions for his movement. Identification and self-determination in relation to the spiritual awakens the deep essential spiritual part of the integral potential of the individual, which unfolds by the essential forces of the subject to achieve acme – the spiritual heights of self-realization. This is done in the process of movement of the individual along the stages of development – vital, sociodynamic, socio-cultural, activity, cultural and spiritual.

They provide the completeness of social life, allowing the essence and strength of the spiritual and moral potential to unfold in the spiritual space, the spiritual and moral standards of culture, traditional for Russia. This is facilitated by a set of measures, including the organization of individual development of the personality, taking into account the historical, saturated with spiritual and moral values of the spiritual space of Russia, the organization of the transition of the individual along the ladder of being to the higher spiritual and essential foundations of development.

Key words: spiritual and moral potential, spiritual space, spiritual and moral values, self-realization, personality, mentality, society.

Д.Б. Казанцева

Оңтүстік федералды университеті, Ресей, Ростов-на-Дону қ.
e-mail: dinasens@mail.ru

Ресей қоғамында тұлғаның рухани-аңгерлік әлеуетін өзін-өзі жасау үшін жағдайларды жасау

Жеке тұлғаның әлеуетін өзін-өзі жүзеге асыру мәселесі тарихи тұрғыдан көптеген ғылымдардың назарын аударды. Әлеуеттің мәнді көрінісі адамның қозғаушы күштерін, терең «Менін», оның нәтижелерін анықтайтыны қызықты болды. Қазіргі дағдарыстық әлеуметтік жағдайларды шешу жеке тұлғаның әлеуетін өзін-өзі жүзеге асыру арқылы маңызды күштердің көріну ерекшеліктерін зерттеуді талап етеді. Жұмыстың мақсаты – Ресей халқының менталитетіне байланысты тұлғаның рухани-адамгершілік әлеуетін өзін-өзі жүзеге асыруды қамтамасыз ету бойынша шаралар кешенін қарастыру.

Жеке тұлғаның әлеуетін іске асыру оның қозғалысына моральдық шектеулер туғызатын орыс өмірінің тарихи кеңістігінде жүзеге асырылады. Руханиға қатысты сәйкестендіру және өзін-өзі анықтау жеке тұлғаның интегралды әлеуетінің терең маңызды рухани бөлігін оятады, ол акмеге жету үшін субъектінің маңызды күштері арқылы ашылады – өзін-өзі жүзеге асырудың рухани биіктері. Бұл жеке тұлғаның өмірлік, әлеуметтік-динамикалық, әлеуметтік-мәдени, белсенділік, мәдени-рухани даму кезеңдері бойынша қозғалыс процесінде жүзеге асырылады.

Олар рухани кеңістікте рухани-адамгершілік әлеуеттің мәні мен күшін, Ресей үшін дәстүрлі мәдениеттің рухани-адамгершілік нормаларын ашуға мүмкіндік беретін әлеуметтік өмірдің толықтығын қамтамасыз етеді. Бұған Ресейдің рухани кеңістігінің тарихи, рухани-адамгершілік құндылықтарымен қаныққан жеке тұлғаның дамуын ұйымдастыруды, жеке тұлғаның даму жолымен көшуін ұйымдастыруды қамтитын шаралар кешені ықпал етеді. Дамудың жоғары рухани және маңызды негіздеріне болмыстың баспалдағы.

Түйін сөздер: рухани-адамгершілік потенциал, рухани кеңістік, рухани-адамгершілік құндылықтар, өзін-өзі жүзеге асыру, тұлға, менталдық, қоғам.

Введение

Различные аспекты духовно-нравственного потенциала самореализации личности в российском обществе до недавнего времени уже являлись предметом различных дисциплинарных научно-исследовательских практик. Полученные знания создавали для развития личности широкий арсенал возможностей, способствуя вхождению личности в общество и выбор жизненного пути, позволяли определить место в сложном, беспрестанно меняющемся современном мире.

Полноценная и адекватная подготовка человека к жизни включает в себя не только определенную сумму знаний. Сложные условия современной российской реальности актуализируют потребность реализации заложенного в человеке потенциального, индивидуального и неповторимого, требуя максимальной проявленности его на практике. Это может помочь личности не только определить, но и занять достойное место в трансформирующемся мире.

Современные ученые, исследующие социальную природу личности, смысл ее существования в современном обществе, стремятся описать

процесс самореализации и «русскую базовую личность» с российской идентичностью и влиянием ментальности на её формирование. Проясняют феномен духовности и его влияние на развитие личности в российском обществе. Социально-философское осмысление процесса самореализации потенциала личности в пространстве современного российского общества наиболее подробно описано в трудах О.С. Анисимова, Д.Н. Батырева, В.Д. Байрамова, Ю.Г. Волкова, Г.И. Герасимова, А.А. Деркача, И.В. Ватина, Г.И. Колесниковой, В.А. Кирик, А.В. Лубского, М.Б. Маринова, В.С. Малицкого, Е.В. Селезнева, Т.Д. Скудновой, З.М. Хачезукова и А.В. Швеца.

В исследованиях О.С. Анисимова, А.А. Деркача, Н.Б. Трофимовой проявлены и основы духовно-нравственного потенциала личности, осуществлено и соприкосновение с его закономерностями, выраженными в виде возможных рефлексивных составляющих и их сущностных характеристик. Описание сторон духовно-нравственного потенциала, без концептуальной его характеристики, проявляется и в работах ученых разных сфер знания – С.Ф. Анисимова, Л.Х. Газ-

гиреевой, Л.В. Камединой, К.Я. Вазиной, Н.А. Сибиной, Б.С. Братусь, А.А. Тер-Акопова и др. В работах не рассматривается непосредственно «духовно-нравственный потенциал», однако представлена часть его характеристик, представляющая интерес для исследования феномена, его влияния на процесс самореализации личности.

Конкретизация исследования духовно-нравственного потенциала личности претворена в жизнь в работах Д.Б. Казанцевой. Автором описаны его сущностные характеристики и закономерности реализации. В работах делается акцент на необходимость рассмотрения специфики создания комплекса мер, способствующего процессу самореализации духовно-нравственного потенциала личности в условиях современной России.

При этом, современное состояние российского общества XXI в. оценивается всеми учеными как тяжело больное, нуждающееся в срочном духовном оздоровлении. Анализ многочисленных исследований, создающих варианты решения проблемы, показывает отсутствие однозначного ответа на вопрос о механизмах оздоровления общества, обоснованной стратегии такого «лечения». К сожалению, данная проблема не рассматривается учеными через призму духовно-нравственного потенциала, сущностное проявление которого позволяет поставить точный «диагноз» наболевших личностных и общественных проблем. О потенциале, как о главном способе такого «лечения», вопрос вообще не возникает.

Обоснование выбора темы

Вопрос о духовно-нравственном потенциале и особенно аспекте его реализации наименее проработан во всех сферах научного знания. В научных исследованиях можно встретить лишь описание некоторых его сторон. И это не смотря на исторически длительный срок привлечения к данной проблеме внимания многих наук и особенно таких, как философия, психология и социология.

Сложность изучения духовно-нравственного потенциала личности, детерминированного ментальностью народа России при его самореализации обусловлена необходимостью рассмотрения феномена на более высоком метатеоретическом уровне, через синтез научных дисциплинарных и междисциплинарных знаний. Изучение комплекса мер, способствующего самореализации духовно-нравственного потенциала личности

необходимо начинать с учетом того, что личность проходит путь индивидуального развития (онтогенеза) и исторического развития (филогенеза), двигаясь от низших ступеней развития к высшим, от старого состояния к новому. Становление человеческой личности происходит в социальных условиях сложившегося исторического бытия, что обуславливает приобретение личностью черт среды. Содержание и развитие человека детерминировано как внутренними особенностями, так и общением с внешним миром. Интенциональность его мышления, направляясь на предметный мир, заставляет мыслить о конкретном. Определение в мире того, что может быть познано неповторимыми индивидуальными особенностями и способностями, позволяет находить тождественное и сопрягаться с ним.

Полнота общественного бытия создает для развития личности через стандарты современных культур эталонные предметы и образы, актуализирующие внутреннее, сущностное, развивающее. Проявляющиеся через менталитет народа, действующие в окружающем материально-вещественном мире объективные законы, способствуют гармоничной адаптации и социализации, при необходимости создавая психозащитные механизмы. Наличие в ментальности российского (русского) человека духовных основ, делает возможным соприкосновение с духовными, сверхобъективными законами, детерминирующими самоактуализацию духовно-нравственного потенциала личности. Устойчивость духовного в пространстве позволяет прояснять сущностное в развитии и необъяснимые, с точки зрения науки, талантливые явления и прозрения личности.

Цели и задачи

В связи с вышеизложенным **целью работы** становится рассмотрение комплекса условий, позволяющих обеспечить самореализацию духовно-нравственного потенциала личности, обусловленного ментальностью народа России.

Реализуется цель путем постановки следующих **задач**:

- 1) определить духовно-нравственный потенциал личности, как глубинную сущностную духовную часть целостного потенциала личности;
- 2) рассмотреть условия самореализации духовно-нравственного потенциала личности в социокультурном пространстве Российского общества, при которых личность самоопределя-

ется по отношению к духовному, реализуя свой духовно-нравственный потенциал.

Методология исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили культурно-исторический, деятельностный и гуманистический подходы, нормативно-ценностная концепция социального действия. Рассмотрение развития потенциала для самореализации в контексте индивидуального развития (онтогенеза), исторического развития (филогенеза), пути от низшего к высшему, состояния от старого к новому, позволяет использовать рефлексивный подход (Лепский, 2009:208; В.Е. Лепский, 2010:255). Благодаря данному подходу осуществляется переход к позднеклассической рациональности, преодолевающей ограниченность классической и неклассической рациональности – через метасубъекта и саморазвивающуюся среду на основе рефлексивной активности, привлечения культуры, сборки субъектов стратегического управления, критериальной поддержки с глубоким учетом факторов субъективности. В основу исследования положен субъектный подход, подразумевающий концепцию субъекта, как специфического способа организации целостной системы, где его сущность рассматривается через упорядоченность, целостность и гармоничность разрешения противоречий. Позволяет обобщить философскими суждениями метатеорию различных научных дисциплин и объединить единой целью все подходы и теории разработанная А.В. Лубским (Лубский, 2016: 59–73) трансдисциплинарная методология – синтез научных дисциплинарных и интердисциплинарных знаний на более высоком метатеоретическом уровне.

Результаты исследования

Д.Б. Казанцева определила основание потенциала личности, как сущностное, генетически исходное, разворачивающееся потенциальностью сущностных жизненных сил через субъектное становление в движении к акме (Казанцева, 2020:50–55]. Рассматривая в данном ракурсе духовно-нравственный потенциал, выделим его первоосновой духовность и нравственность. Духовно-нравственный потенциал, таким образом, начинает представлять как глубинная сущностная духовная часть целостного потенциала личности, основа, определяющая движущие силы,

глубинное «Я» человека и его потенции, изначально свернутая, познаваемая лишь сакральным мироощущением и выражаемая совестью, разворачивающаяся из глубины потенциальностью сущностных жизненных духовных сил субъекта, в условиях духовного пространства, способствующего актуализации ядра потенциала, его самореализации, достижению акме.

Исследование вопроса реализации духовно-нравственного потенциала показывает первоочередную необходимость наличия социокультурного пространства наполненного духовно-нравственным, пространства формирования метасмыслов. Благодаря нравственным принципам, подчиненным духовности, в таком пространстве вводятся в материальный мир духовные ограничения, создающие единую духовно-материальную канву целостности человеческого бытия, очерчивающие границы движения потенциала. Соблюдение нравственных норм снимает дихотомию внутреннего и внешнего, гармонизирует внутренний мир личности, способствует трансформации физических инстинктов в нормированную нравственностью активность, влияя тем самым на регуляцию всех внутренних и внешних действий. Нравственные нормы являются фильтром, пропускающим все содействующее самореализации духовно-нравственного потенциала. Соединяющееся внутреннее, потенциальное с высшим, сущностным формирует духовно-нравственные отношения личности к миру.

Внутренний (ментальный) мир личности является частью реального, внешнего мира, который существует лишь при условии деятельности в нем личности, как неразрывной интегральной его части (Леонтьев, 2001:266). По мнению ученых, осуществление личных целей и интересов человек достигает лишь при непосредственном соприкосновении с внешним миром (Выготский, 1986:54–59). Во внешней среде реализуется «интраиндивидуальная структура» личности (Ананьев, 2005: 174-286; Ананьев, 1967:235-249; Ананьев, 2001:131-183), а именно индивидуальные особенности высшей нервной деятельности, потребности, установки, чувства, способности, личностные смыслы, ценностные ориентации, система навыков, привычек, знаний, отражающих индивидуальный опыт человека и усвоенный опыт человечества (Шорохова, 1969:363).

Детерминантами развития россиянина (русского человека), фактором социализации личности, помогающим личности самоопределиваться

и при идентификации с духовным, реализовать духовно-нравственный потенциал, становятся духовно-нравственные ценности. Сложившиеся в процессе специфического развития России, обеспечивающие на протяжении многих веков необходимое стабильное существование и развитие общества, как единого социального организма, они гарантированы уникальной традиционностью и нравственными принципами.

Субъективирующиеся духовные ценности, принципы и нормы являются метафизическим основанием духовно-нравственного потенциала самореализации личности. Они усиливают мотивы и побуждают к работе над собой, оказываясь целостной развернутой программой совершенствования личности, принадлежащей определенному ментальному человеческому бытию. В результате, личность, как активный субъект деятельности, становится инициативной в процессе своего совершенствования, не «жертвой обстоятельств», самостоятельно создает условия достижения целей самореализации. Гармонизация ее бытия в мире всегда обеспечена внешним ограничением, а именно системой универсальных трансцендентных ценностей.

Изучение российской ментальности и процесса идентификации личности с основополагающими ментальными смыслами, Д.Б. Казанцевой, Е.Г. Климовой, Т.Е. Чернышевой (Казанцева, Климова, 2015:190; Казанцева, Климова, Чернышева, 2020: 174-188) показало, что духовно-нравственные ценности являются ядром российской идентичности. Механизм формирования идентичности и ее ценностной основы, заключается в присвоении, интериоризации духовно-нравственных ценностей личностью ребенка в ходе воспитания и самовоспитания, при погружении в общественно-полезную и социально-культурную деятельность. Посредством идентификации «в трех плоскостях: эмоциональном (формирование позитивного, эмоционально привлекательного и притягательного образа), когнитивном (становление знаниевых компонентов), поведенческом (формирование установок относительно поведения)» социальная среда влияет на целостное становление личности россиянина и формирование ее субъектности.

Ориентируясь на внутренние убеждения и установки, задействуя субъектность как ресурс, личность развивает свою субъективность благодаря соприкосновению реального действия с затруднением, в результате чего, рефлексировав находит способ преодоления затруднения. Во всех

психических механизмах – интеллектуальном, чувственном, самоорганизационном (волевом) и их единстве при этом происходят изменения. Такое самовоспитание целенаправленно формирует личность, в соответствии с социокультурными, традиционными для России нормами и смыслами.

Именно в процессе воспитания и самовоспитания, заключающемся в освоении знаний культуры и образцов нравственного поведения, происходит освоение духовно-нравственных ценностей, необходимое для самореализации духовно-нравственного потенциала. Личность развиваясь, присваивает духовный опыт своих предков и всего человечества, и воспроизводит этот опыт в своей деятельности. По мнению И.П. Павлова (Ярошевский 2004:358), воспитание есть и механизм обеспечения сохранения исторической памяти популяции.

О.С. Анисимов (Анисимова, 2015:536), осуществляя акцент на влияние духовного на процесс формирования личности, в своих многочисленных работах показал, что объективные воззрения человека на мир и реализацию своего потенциала, своего предназначения формируются в процессе непосредственно духовного воспитания, подразумевающего трансляцию воспитуемым высших духовных критериев самоорганизации. Автор подробно описал проявление потенциального в конкретно исторических условиях развития России. Ученый неоднократно в своих трудах отмечал необходимость в процессе воспитания личности опираться на культурно-духовный код своего народа, как осознаваемое и неосознаваемое средство его самоопределения. Он утверждал, что самосознание себя, специфики этнического и культурно-духовного кода, положительного потенциала славянства, исторического и цивилизационного прошлого определяет возможности будущего каждой личности в данной стране.

Действительно, сложившиеся в России взаимоотношения с социумом, традиционный баланс духовного и материального определяют и формируют состояние потребностей, мотивов, притязаний, способностей, мировоззрения, характера личности. Влияние духовного пространства на биосоциальный фактор обуславливает выбор личностью возможных вариантов развития и детерминирует осознанность выбора способа жизни, наиболее соответствующего ее природным возможностям и особенностям; понимание основ раскрытия потенциала и влияния на

его реализацию условий воспитания и обучения; достижение в духовном пространстве развития состояния целостности, гармонии, позволяющего активно и самостоятельно создавать условия успешной самореализации, решать поставленные задачи; механизм запуска внутреннего источника активности, внутренней мотивации и становление самомотивирующейся личности.

Целостное рассмотрение духовно-нравственного потенциала личности, как потенциала сущностных сил человека, разворачивающихся в духовном пространстве, позволяет интерпретировать сущность потенциала личности, с позиции динамически изменяющегося субъекта, реализующегося в процессе движения по ступеням личностного развития к акме. С точки зрения О.С. Анисимова (Анисимова, 2008:482), этапы такого становления – «лестница типов бытия», включает шесть ступеней – жизнедеятельностную, социодинамическую, социокультурную, деятельностьную, культурную и духовную. Каждая ступень различается характером взаимодействия человека с обществом, его самоорганизацией, имеющей относительную самостоятельность развития и функционирования психических механизмов динамически воздействующих друг на друга.

По мнению автора, на этапе духовного развития появляются особые требования к высшему развитию и динамической гармоничной взаимосвязи всех психических механизмов, совмещенности в их соразвитии. Стремясь к достижению одноуровневого гармоничного состояния, один механизм, развиваясь, вызывает развитие (или доразвитие) других механизмов. При этом, гармоничная организация механизмов предполагает максимальную готовность к воспроизводству внутреннего бытия в разных типах сред, реализацию функций. Положительным моментом при этом могут быть – нахождение организма в «зоне» оптимальных для развития внутренних и внешних условий. На этом этапе большое значение отводится динамике развития субъективности, проявлению духовно-нравственных ценностей. Самореализация потенциального начинает осуществляться с опорой на духовный механизм и высшую развитость психических механизмов. Именно на этом этапе можно говорить о полноте реализации потенциального, как целостного, так и особого, духовно-нравственного.

При этом отметим, что дисгармония в процессе связанности механизмов на одном уровне и при совмещении разноразличных состояний

различных механизмов ведет к снижению потенциальности бытия психофизического и эффективности бытия социального. Длительность дисгармонизации приводит к сбою и появлению ограничений достижения высших уровней субъективного развития, затруднению и даже невозможности возврата в гармоничное состояние. Началом дисгармонизации может выступить яркое преимущественное развитие одного из механизмов, не учитывающее в своем развитии или мало учитывающее необходимость одновременного развития других механизмов. В связи с этим, проявление дисгармонии функционирования и развития становится основополагающей проблемой при самореализации потенциала, нуждающейся в устранении.

Обсуждение

Отсутствие полноты понимания механизмов функционирования потенциального приводит к тому, что создание комплекса условий для достижения самореализации потенциала личности усложнено. В результате не раскрываются в полном объеме движущие силы, глубинное «Я» человека, нивелируются его результаты. Исследования Н.В. Кузьминой (Кузьмина, 1989: 91) показывают низкую самореализацию подавляющего большинства населения нашей страны. Связывая самореализацию с достижением профессионализма, автор делает вывод, что профессионалами становятся только 5 % населения. А.А. Деркач (Деркач, 1993:156), отмечая, что, так как потребности в самореализации у подавляющего большинства людей остаются наименее удовлетворенными, а, следовательно, остроактуальными, это влияет на развитие личности, ее самооценку, приводит к негативным последствиям для нее и для общества. Для того, чтобы изменить ситуацию и личности достичь вершин в развитии – акме, автор предлагает осуществлять целенаправленное воспитание с раннего детского возраста.

Осознание необходимости создания комплекса мер, способствующих самореализации потенциала личности и, непосредственно, самореализации духовно-нравственного потенциала личности, характерного для российской ментальности, достигается рассмотрением понимания его характеристик, механизма и закономерностей реализации. Так, Д.А. Леонтьев (Леонтьев, 1997:156–176), процесс самореализации определил, как процесс опредмечивания сущ-

ностных сил человека, мотивированного стремлением продолжить свое бытие как личности в других людях через их изменение и трансляцию своей индивидуальности в создаваемых произведениях. Под сущностными силами автор понимает определенные универсально-деятельные способности, наполненные конкретно-историческим содержанием. С позиции общества – конкретно-исторические общественные отношения, облеченные в форму деятельных способностей людей, реализующих эти отношения.

Так как в процессе самореализации люди непрерывно обмениваются сущностными силами и, таким образом, взаимно обогащают друг друга, они создают цепочку поступательно развивающегося исторического процесса, способствуя его развитию через сохранение сущностного. Единичные человеческие ресурсы складываются, увеличивая общественные возможности. При этом, по мнению Э.В. Галажинского (Галажинский, 2000:30–33), самореализации достигает именно тот, кто развил сущностные силы до уровня превосходящего исторически накопленные родовые способности человечества и обогатил их.

Сбалансировать ситуацию и осуществить формирование продуктивной личности в социуме, реализующей свой потенциал, с точки зрения Е.В. Селезневой (Селезнева, 2004:84–95) помогают процессы, регулирующие движение по специфическим этапам или стадиям саморазвития, которыми выступают самоактуализация, самосовершенствование и самореализация. Сущность самоактуализации состоит в процессе самоорганизации, упорядочивании компонентов системы потенциала саморазвития в состоянии неустойчивости. Сущность самосовершенствования – в опредмечивании сущностных сил человека, трансляции его индивидуальности через результаты труда, изменения в себе самом. Сущность самореализации в противоречивом движении человека к раскрытию потенциала саморазвития в ходе жизненного пути, представляющего собой социально-историческое, специфическое для человека качество индивидуального бытия, жизни человека как личности.

Таким образом, с точки зрения ряда авторов, можно определить, что остроактуальная потребность личности в самореализации, как опредмечивании сущностных сил человека, удовлетворяется при целенаправленном воспитании, с раннего возраста, продуктивной личности, чьи универсальные способности наполняются кон-

кретно-историческим содержанием, реализуемым в дальнейшем в конкретно-исторических общественных отношениях, в пространстве которых организован обмен взаимно обогащающими людей сущностными силами. Необходимыми этапами развития становятся изменения в себе самом и самоорганизация компонентов системы потенциала, опредмечивание сущностных сил и их трансляция в результаты труда, раскрытие потенциала саморазвития в ходе жизненного пути, в специфичном социально-историческом, для человека качестве индивидуального бытия, достижение профессионализма и вершин в развитии – акме.

А. Маслоу подчеркивал, что самоактуализированные индивидуумы мотивированы перспективой развития, управляемы высшими мотивами, принимают высшие духовные ценности, поэтому они более зрелы и человечны и являются неким образцом «качественного человека», максимально выражающего человеческую сущность (Маслок, 1999:77-105). Анализ работ О.А. Анисимова (Анисимова, 2015:132) позволяет сделать вывод, что личность, следует законам и нормам самореализации потенциального только при условии самоопределения по отношению к духовному, существующему и хранящемуся в традиционной культуре России, принимая, таким образом, себя частью высшего, духовного. Именно такое самоопределение запускает процессы формирования субъекта, самодетерминированного сущим, процесс самореализации его потенциала и развитие основных психических механизмов.

Раскрывая потенциализацию, как процесс перехода «нечто» из состояния проявленности в состояние непроявленности, а потенциальность как суммарную изменяемость нефиксированного множества «нечто» в пространстве и времени, автор подчеркивает, что адекватность бытия человека и сообществ может быть лишь при соответствии первопричинам бытия, в универсуме и при вписанности в универсум. Именно это, а также следование «законам», вытекающим из первопричины, позволяет достичь «идеала» духовного бытия, что и является общим предназначением и смыслом жизни как отдельно взятого человека, так и всего сообщества людей. Опорой при этом является потенциал высших психических механизмов, имеющийся у людей, а также внутренняя «универсумальная» интуиция, присущая от рождения. Способствуют духовному самоопределе-

нию и выявлению духовного «требующего Я» частные механизмы, а именно мышление, сознание, самосознание, воля, самоопределение, рефлексия и т. п.

Показывая закономерности самореализации потенциального в особенностях российского бытия, имеющего духовно-нравственные основания, отмечая, что реализация потенциала осуществляется в благоприятных условиях поэтапного движения по лестнице бытия к достижению духовного уровня, автор, в какой-то мере затрагивает и основы духовно-нравственного потенциала.

Многочисленные научные исследования создают особую призму комплексного анализа данной проблематики. В них особо ясно проявляется то, что для человека интеллектуальной мыслительной культуры раскрытие духовно-нравственного потенциала сопряжено с постижением духовной культуры, позволяющей осуществить исследование данного потенциала глубже, сущностно. Такой подход позволяет разграничить такие феномены как «потенциал» и «духовно-нравственный потенциал», постичь их общее и специфичное, особенное.

Заключение и выводы

Самореализация духовно-нравственного потенциала личности выступает средством, способом достижения общественного результата. Выражая духовное и сущностное через материальное, личность сопрягает индивидуальную цель своего развития с созидательной целью развития общества. Для достижения такого результата и его стабилизации:

1. Духовно-нравственный потенциал необходимо рассматривать как глубинную сущностную духовную часть целостного потенциа-

ла личности, основу, определяющую движущие силы, глубинное «Я» человека и его потенции.

2. Процесс создания комплекса условий для самореализации духовно-нравственного потенциала личности подразумевает в первую очередь организацию индивидуального развития личности (онтогенеза) и учет исторического развития (филогенеза), в духовном пространстве российского общества. При социализации в таком социокультурном пространстве личность самоопределяется по отношению к духовному, реализуя духовно-нравственный потенциал.

3. Социокультурное пространство и все сферы жизни личности должны быть насыщены духовно-нравственными ценностями. Традиционное создание в России полного ресурсного пространства, наполненного духовным, выступает главным фактором процесса самореализации духовно-нравственного потенциала личности. Именно исторически выверенная идентичность и ментальность Российского общества, с характерными для него, духовно-нравственными ценностями, влияет на становление личности и реализацию её потенциала.

4. Реализация осуществляется в социальных условиях сложившегося исторического бытия при организованном движении личности к высшим духовным сущностным основам ее развития по ступеням лестницы бытия, – жизнедеятельностной, социодинамической, социокультурной, деятельностной, культурной и духовной.

5. Полнота общественного бытия, обеспеченная традиционными духовно-нравственными стандартами культуры, позволяет поэтапно разворачиваться в духовном пространстве сущности потенциала и его глубинной сущностной духовной части, раскрывающейся сущностными силами именно субъекта ради достижения акме – духовных вершин самореализации личности.

Литература

- Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2009. – 208 с.
- Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Когито-Центр, 2010. – 255 с.
- Лубский А.В. Особенности интердисциплинарных и трансдисциплинарных исследований // Междисциплинарность в современном научном дискурсе: теория и практика: материалы научного семинара Южного федерального университета. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. – С. 59–73.
- Казанцева Д.Б. Самореализация духовно-нравственного потенциала личности в России: монография. – Прага: Vědeckovýdatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – С. 50–55.
- Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – С. 266.
- Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского ун-та, 1986. – Сер. 14. – № 1. – С. 54–59.
- Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Б.Г. Ананьев; под ред. А. А. Бодалева. – М.; Воронеж, 2005. – С. 174–286.

- Ананьев Б.Г. Психологическая структура человека // Человек и общество. – Л.: ЛГУ, 1967. – Вып. 2. – С. 235–249.
- Ананьев Б.Г. О Проблемах современного человекознания. – 2-е изд., СПб.: Питер, 2001. – С. 131–183.
- Шорохова Е.В. Проблема сознания в философии и естествознании. – М.: Соцэкгиз, 1969. – 363 с.
- Казанцева Д.Б., Климова Е. К. Развитие российской идентичности как фактор возрождения русской культуры // Возрождение производства, науки и образования: вызовы и решения / под ред. Яковлевой Н. Г. – М.: Культурная революция, 2015. – С. 190.
- Казанцева Д.Б., Климова Е.К., Чернышева Т.Е. К вопросу о формировании духовно-нравственной основы российской гражданской идентичности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020, Т. 20, No.2, – С. 174–188.
- Мозг и психика : избранные психологические труды / И.П. Павлов; под ред. М.Г. Ярошевского; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. – М.: Московский психолого-социальный ин-т ; Воронеж: МОДЭК, 2004. – 358 с.
- Анисимов О.С. Методологические проблемы проектирования будущего России. – М., 2015. – 536 с.
- Анисимов О.С. Рефлексия и методология. – М., 2008. – 482 с.
- Кузьмина Н.В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища // Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся. – М.: Высш. шк., 1989. – 91 с.
- Деркач А.А. Реализация концепции «Я» в системе жизненных отношений личности (акмеологический аспект). – М.: РАУ, 1993. – 156 с.
- Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. – М.: Смысл, 1997. – С. 156–176.
- Галажинский Э.В. К вопросу о методологии изучения самореализации личности в системе родственных понятий // Сибирский психологический журнал. – Томск, 2000. – Вып. 13. – С. 30–33.
- Селезнева Е.В. Развитие акмеологической культуры личности / под ред. А. А. Деркача. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – С. 84–95.
- Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 77–105.
- Анисимов О. С. Аналитический словарь. – М., 2015. – 132 с.

References

- Lepskij V. E. Sub"ektno-orientirovannyj podhod k innovacionnomu razvitiyu [Subject-oriented approach to innovative development]. – М.: Изд-во «Kogito-Centr», 2009. – 208 s. 2. Lepskij V. E. Refleksivno-aktivnye sredy innovacionnogo razvitiya [Reflexive-active environment of innovative development]. – М.: Kogito-Centr, 2010. – 255 s.
- Lubskij A. V. Osobennosti interdisciplinarnyh i transdisciplinarnyh issledovanij [Features of interdisciplinary and transdisciplinary research] // Mezhdisciplinarnost' v sovremennom nauchnom diskurse: teoriya i praktika: materialy nauchnogo seminaru YUzhnogo federal'nogo universiteta. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU, 2016. – S. 59–73. Kazanceva D. B. Samorealizaciya duhovno-nravstvennogo potenciala lichnosti v Rossii [Self-realization of the spiritual and moral potential of the individual in Russia]: monografiya. – Praga : Vědeckovýdavatel'ské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – S. 50–55. 5.
- Leont'ev A. A. Deyatel'nyj um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost') [Active mind (Activity, Sign, Personality)] / A. A. Leont'ev. – М.: Smysl, 2001. – S. 266. 6.
- Vygotskij L. S. Konkretnaya psihologiya cheloveka [Concrete psychology of a person] // Vestnik Moskovskogo un-ta, 1986. – Ser. 14. – № 1. – S. 54–59. 7.
- Anan'ev B. G. Psihologiya i problemy chelovekoznanija [Psychology and problems of human knowledge] / B.G. Anan'ev; pod red. A. A. Bodaleva. – М.; Voronezh, 2005. – S. 174–286. 8.
- Anan'ev B. G. Psihologicheskaya struktura cheloveka [Psychological structure of a person] // CHelovek i obshchestvo. – L.: LGU, 1967. – Vyp. 2. – S. 235–249. 9.
- Anan'ev B. G. O Problemah sovremennogo chelovekoznanija [About the Problems of Modern Human Science]. – 2-e izd., SPb.: Piter, 2001. – S. 131–183. 10.
- Shorohova E. V. Problema soznaniya v filosofii i estestvoznanii [The problem of consciousness in philosophy and natural science]. – М.: Socekiz, 1969. – 363 s.
- Kazanceva D. B., Klimova E. K. Razvitie rossijskoj identichnosti kak faktor vozrozhdeniya russkoj kul'tury [Development of Russian identity as a factor in the revival of Russian culture] // Vozrozhdenie proizvodstva, nauki i obrazovaniya: vyzovy i resheniya / pod red. Y.Akovlevoj N. G. – М.: Kul'turnaya revolyuciya, 2015. – S. 190. Kazanceva D. B., Klimova E. K., Chernysheva T. E. K voprosu o formirovanii duhovno-nravstvennoj osnovy rossijskoj grazhdanskoj identichnosti [On the formation of the spiritual and moral basis of the Russian civil identity] // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2020, T. 20, No. 2, S. 174–188. 13.
- Mozg i psihika : izbrannye psihologicheskie trudy [Brain and psyche: selected psychological works] / I. P. Pavlov ; pod red. M. G. Y.Aroshevskogo; Rossijskaya akad. obrazovaniya, Moskovskij psihologo-social'nyj in-t. – Moskva : Moskovskij psihologo-social'nyj in-t ; Voronezh : MODEK, 2004. – 358 s.
- Anisimov O. S. Metodologicheskie problemy proektirovaniya budushchego Rossii [Methodological problems of designing the future of Russia]. М. 2015. 536 s.
- Anisimov O. S. Refleksiya i metodologiya [Reflection and methodology]. М. 2008. 482 s. 16.

Kuz'mina N. V. Professionalizm deyatel'nosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya proftekhuchilishcha [Professionalism of the teacher and the master of industrial training of vocational school] // Pedagogicheskoe masterstvo uchitelya kak faktor razvitiya sposobnostej uchashchihsya. – M. : Vyssh. shk., 1989. – 91 s.

Derkach A. A. Realizaciya koncepcii «YA» v sisteme zhiznennyh otnoshenij lichnosti (akmeologicheskij aspekt) [Realization of the concept of “I” in the system of life relations of the individual (acmeological aspect)]. – M. : RAU, 1993. – 156 s.

Leont'ev D. A. Samorealizaciya i sushchnostnye sily cheloveka [Self-realization and essential forces of a person] // Psihologiya s chelovecheskim licom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoj psihologii / pod red. D. A. Leont'eva, V. G. SHCHur. – M.: Smysl, 1997. – S. 156–176. 19.

Galazhinskij E. V. K voprosu o metodologii izucheniya samorealizacii lichnosti v sisteme rodstvennyh ponyatij [On the question of the methodology of studying the self-realization of the individual in the system of related concepts] // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. – Tomsk, 2000. – Vyp. 13. – S. 30–33. 20.

Selezneva E. V. Razvitie akmeologicheskoy kul'tury lichnosti [Development of the acmeological culture of personality] / pod red. A. A. Derkacha. – M. : Izd-vo RAGS, 2004. – S. 84–95. 21.

Maslou A. Motivaciya i lichnost' [Motivation and personality]. – Spb.: Evraziya, 1999. – S. 77–105. 22.

Anisimov O. S. Analiticheskij slovar' [Analytical dictionary]. – M., 2015. – 132 s.

И. Оздемир¹ , А.Б. Кельдинова^{2*}

¹Университет Ускюдар, Турция, г. Стамбул

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: aimana_th@mail.ru

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА, БОГА И ПРИРОДЫ

Философы обсуждают вопрос о взаимосвязи человека, Бога и природы на протяжении тысячелетий. Мусульманин он или нет, вопросы одни и те же: есть ли у нас, людей, неизменная или изменяющаяся основная природа? Если да, то на что это похоже? Какова связь Бога с человеческой природой? И как ответы на эти вопросы влияют на то, как мы думаем о политике, экономике, психологии, социологии, теологии, философии и даже науке? В этой научной статье авторы попытались ответить на эти вопросы и привести примеры с точки зрения исламских философов, рассматривая священные писания (Коран и Сунну), как фундаментальный набор предпосылок. Они классифицируют и формулируют различные взгляды на человеческую природу по трем категориям, каждая из которых имеет свое историческое происхождение. Этими категориями являются – соотношение мира и природы, соотношение природы и человека, соотношение природы и Бога. В контексте таких размышлений также рассматриваются основные философско-религиозные идеи и представителей казахской философии. В заключении исследования говорится о значимости данных философских концепций для современной философии.

Ключевые слова: философия, ислам, человек, Бог, природа.

I. Ozdemir¹, A.B. Keldinova^{2*}

¹Uskudar University, Turkey, Istanbul

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: aimana_th@mail.ru

Philosophical understanding of the relationship between man, God and nature

Philosophers have been discussing the relationship between man, God and nature for thousands of years. Muslim or not, the questions are the same: do we humans have an unchanging or changing basic nature? If so, what does it look like? What is God's connection with human nature? And how do the answers to these questions affect how we think about politics, economics, psychology, sociology, theology, philosophy, and even science? In this scientific article, the authors tried to answer these questions and give examples from the point of view of Islamic philosophers, considering the holy scriptures (the Quran and the Sunnah) as a fundamental set of premises. They classify and formulate different views on human nature into three categories, each of which has its own historical origin. These categories are – the ratio of the world and nature, the ratio of nature and man, the ratio of nature and God. In the context of such reflections, the main philosophical and religious ideas and representatives of Kazakh philosophy are also considered. The conclusion of the study speaks about the significance of these philosophical concepts for modern philosophy.

Key words: philosophy, Islam, man, God, nature.

И. Оздемир¹, А.Б. Кельдинова^{2*}

¹Ускюдар университеті, Түркия, Ыстамбұл қ.

²Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: aimana_th@mail.ru

Адам, Құдай және табиғат қатынасын философиялық түсінік

Философтар мыңдаған жылдар бойы адам, Құдай және табиғат арасындағы қарым-қатынасты талқылап келе жатыр. Ол мұсылман ба немесе мұсылман емес екендігіне қарамастан, туындайтын сұрақтар қатары бірдей: адамдарға тиесілі өзгермейтін немесе өзгертін негізгі табиғат бар ма? Бар болса, ол неге ұқсас? Құдайдың адам табиғатымен байланысы қандай? Бұл

сұрақтарға жауаптар саясат, экономика, психология, әлеуметтану, теология, философия және тіпті ғылым туралы тұжырымдарға қалай әсер етеді? Бұл ғылыми мақалада авторлар ислам философтарының идеяларын және қасиетті жазбалардағы (Құран мен Сүннетті) бастапқы алғышарттарды пайдалану арқылы жоғарыда көрсетілген сұрақтарға жауап беруге және мысалдар келтіруге тырысты. Олардың әрқайсысының өзіндік тарихи шығу тегі бар екені ескеріле отырып, авторлар адам табиғаты туралы әртүрлі көзқарастарды үш категория бойынша жіктейді және тұжырымдайды. Бұл категориялар – әлем мен табиғаттың арақатынасы, табиғат пен адамның қатынасы, табиғат пен Құдайдың қатынасы ретінде анықталады. Мұндай ойлар контекстінде қазақ философиясының көрнекті өкілдерінің негізгі философиялық-діни идеялары да қарастырылады. Зерттеу қорытындысында жоғарыда көрсетілген философиялық тұжырымдамалардың қазіргі философия үшін маңызы туралы да айтылады.

Түйін сөздер: философия, ислам, адам, Құдай, табиғат.

Введение

Идея природы является одной из самых пространенных в философии и одной из самых строго определенных. Такие великие философы, как Аристотель и Декарт, опирались на понятие природы, чтобы объяснить основные принципы своих взглядов. По Аристотелю философская традиция использует идею природы для объяснения, которая определяет сущность одной вещи. Одна из основных метафизических концепций – сущность, она показывает свойства, которые определяют то, что является смыслом. Сущность воды, например, ее молекулярная структура, значение человека, его сознание или душа. Согласно аристотелевской традиции, чтобы действовать в соответствии с природой, при обращении с ней необходимо учитывать четкое определение каждой вещи.

Традиционно философия религии фокусировалась почти исключительно на специфически философских вопросах религии. К ним относятся существование Бога и божественных атрибутов, религиозный язык и обоснование религиозных убеждений, и это лишь некоторые из них. В последнее время многие ученые в этой области начали более непосредственно заниматься научными результатами. С этой целью, не традиционное исследование категорий Бога, природы и человека, а также их взаимосвязи является одним из современных, актуальных тем. Мы попытаемся разъяснить, что это перспективное направление для философии религии. Тем не менее, мы хотим предостеречь философию религии от чрезмерного внимания к методологии, которое занимает «диалог науки и религии» в теологии. Вместо того чтобы пытаться сформулировать общую методологию для всех возможных взаимодействий между философией религии и науками, философам религии было бы лучше со-

средоточиться на местных и конкретных темах. Поскольку в философии нет единого метода и поскольку научные дисциплины, имеющие отношение к религии, также различаются по своим методам, прогресс может быть достигнут только в том случае, если философские инструменты будут использоваться для анализа конкретных и четко разграниченных вопросов.

Актуальность темы, определяется потребностью проанализировать соотношение природы, человека и Бога в ракурсе современных представлений философии религии. В этом ракурсе выделение и исследование взаимосвязи природы, человека и Бога, как категории в философии, реконструкция его онтологической модели на основе концепта «природа – человек – Бог», является важной мировоззренческой задачей, способствующей пониманию единства мира и человека.

Объектом исследования являются природа, человек и Бог, как философские категории. Предмет исследования – природа, человек и Бог.

Обоснование выбора темы. Цели и задачи

Научная статья направлена на выработку важнейших философско-религиозных идей в результате взаимоотношения следующих категорий: природа, Бог и человек. Данная научная статья ставит целью – размышление о соотношении природы с человеком или природы с Богом на философском уровне, приводя примеры и основываясь на религию. Для достижения этой цели предлагается всестороннее изучение опыта предшественников по теме исследования, рассмотрение условий и причин зарождения этих философско-религиозных идей.

Основываясь на цель исследования, мы обрисовываем способ понимания того, как взаимодействие между природой, Богом и человеком

могло бы осуществляться более эффективно, рассматривается их роль в философии и в религии.

Научное исследование опираясь на цель, ставит следующие задачи:

Во-первых, проанализировать теоретико-философскую концепцию выделенных объектов исследования.

Во-вторых, сформулировать формы осмысления природы во взаимосвязи компонентов: мир – человек – Бог.

В-третьих, раскрыть смысл соотношения природы, человека и Бога, как способа мышления (философствования), его особую взаимосвязь между собой. Помимо этого, в научном исследовании мы попытаемся привести конкретные примеры некоторых тем, кратко упоминаемых в работе.

Методология исследования

Методологические основания научной статьи, учитывая объект и предмет исследования, прежде всего, использует междисциплинарные принципы и научные методы. Как сама тематика статьи, так и ее содержательная часть охватывает тесный симбиоз несколько отраслей гуманитарных дисциплин, таких как философия, религия, теология. Методы и вопросы определяются индивидуально и основаны на характере рассматриваемой проблемы. Следовательно, в исследовании применялись диалектические, историко-философские, феноменологические методы.

Основная проблема исследования обусловлена необходимостью осмысления природы во взаимосвязи компонентов: мир – человек – Бог, как направления в философии религии. Данная проблема может быть выражена в ряде вопросов: есть ли у нас, людей, неизменная или изменяющаяся основная природа? Если да, то на что это похоже? Какова связь Бога с человеческой природой? И как ответы на эти вопросы влияют на то, как мы думаем о политике, экономике, психологии, социологии, теологии, философии и даже науке?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы рассмотрим три категории природы в разных формах:

Во-первых, в соотношении мира и природы. Иногда идея природы используется во Вселенной для обозначения того, что существует как часть физического мира. В этом смысле идея охватывает естественные науки, все, от физики

до биологии до изучения окружающей среды. В мире природы существуют натуральные и искусственные вещества. Понимание «естественный» также относится к процессу, который происходит от самого себя, в отличие друг от друга, который является результатом человеческого обсуждения. Таким образом, рост растения происходит естественным образом, когда он не запланирован рациональным путем, либо он растет искусственно. Яблоко – это искусственный продукт, основанный на понимании идеи природы, или яблоко – это продукт природы (то есть части естественного мира, изучаемого учеными-естественниками). Каждая частица Вселенной подчиняется энергетическому полю и создается не сама по себе, а по законам внутренней гармонии и красоты. По мнению известного естествоиспытателя Анри Пуанкаре мир также имеет божественный характер с совершенством гармонии (Пуанкаре, 1990).

Во-вторых, в соотношении природы и человека. Природа и человек, жизнь и смерть являются совершенно непонятными, удивительными, загадочными явлениями для сознательного понятия. Главное чудо природы – человек. Человек – это живое существо, обладающее необыкновенной способностью мыслить, это чудо творения, которое умеет ориентироваться. Судьба человека привязана к природе. Без природы человек не может существовать. Помимо этого, не можем не согласиться с выражением «великое богослужение». Потому что, Аллах создал и самого человека, и его богатство, и все его принадлежности (Нафиков, 2017).

Проблема единства природы и человека рассматривалась в широком философском смысле у казахских мыслителей. Эту особенность мы отчетливо ощущаем в работах Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева, Ыбырая Алтынсарина, Машхур Жусуп Копеева и Султанмахмута Торайгырова. Особенно Султанмахмут Торайгыров в большинстве случаев проповедует всемогущество человека и призывает его использовать окружающую среду по назначению, используя достижения науки. Он написал следующее в эпитафии своей поэмы «Бедный»: «Все что существует в мире, есть результат известных действий, условий и среды. Человек может творить эти условия, что и отличает его от животных. На этом основано все, что и изобретено человеческим умом» (Торайгыров, 2003).

Эти характеристики соотношения Бога и мира также используются для понимания связи

между человеком и Богом. Человек, созданный любовью, принципиально отличается от других существ с душой и занимает особое место в мире. Его превосходство над другими заключается в том, что он наделен волей и умом. Его цель – познать Аллаха через духовное совершенство (Шагырбаев, 2018).

Казахская интеллигенция XX века, рассматривает проблему человеческого бытия с позиций философского натурализма, исследуя на основе этого нового мотива многообразные тайны единства человека и природы. Этот вопрос они поднимают до истинно философского уровня, не оставляя его на уровне диалектики человека и природы, в сочетании с политико-социальным климатом своего времени. Рассмотрение гармонии природы и души человека в нравственном аспекте является одной из давно сложившихся тенденций в казахской философии. Таким образом, можно указать, что натурализм еще один подход к философии, который подчеркивает управление через естественные силы. Натуралисты считают, что изменения в мире являются результатом взаимодействия этих сил. Они опровергают утверждение, что миром правят сверхъестественные силы. Одно из главных различий между идеализмом и натурализмом заключается в том, что в то время, как натурализм уделяет больше внимания материалу, идеализм фокусируется на материальности.

В-третьих, идея природы в соотношении природы и Бога. Ведь Писание, посвященное природе, не может отрицать самого широко употребляемого в прошлом тысячелетии объяснения термина: творение как выражение Бога. Во многих религиях идея природы является центральной. Он получил множество объектов, охватывающих все сферы, в которых он живет, от определенных людей или процессов (гора, солнце, океан или огонь).

Важные осмысления о Боге и о природе толковал в своей философии казахский мыслитель Абай Кунанбаев, по его мнению, в первую очередь «Природа – это сокровище». Также он делился мнением, что природа – это живопись, то есть мир красок и звуков, которое словно часы, не перестают свой механизм работы ни на секунду. По видению мыслителя три основные задачи, которые человечество должно освоить – во-первых, научиться слушать природу; во-вторых, подчиняться ей, брать на себя ответственность; в-третьих, относится к природе с умом и уважением. Ведь в ней заключаются – великая

гармония и художественное согласие. Строго соблюдается внутренний баланс, в структуре живого-неживого мира существует универсальное взаимодействие, существует система тысяч, миллионов связей и отношений.

В поэзии Абая Кунанбаева отдается значение передовому взгляду по естествознанию, гласят красивые мотивы о тайной красоте природы, которые таятся в глубинах и дифференциациях сложных связей между явлениями, предметами, частицами и интерпретациями сущности, раскрываются основы мировой гармонии. Этому служат в качестве примера его поэтические стихотворения о временах года, которые получили соответствующие наименования «Зима», «Весенний период», «Лето» и «Осень». Отдельная история-описание природы Абая, написание стихов для всех четырех времен года. Для нашего народа, который ведет кочевой образ жизни и живет в гармонии с природой, все это привычно. Поэтому наш народ внимательно относился к каждому сезону года, отмечая каждый из них по своему, например, лето – выходит, осень – падает, зима – наступает, весна – рождается. Кроме этого, он лирично писал о природе и природных явлениях, например его «Ясная луна в безветренной ночи» («Желсіз түнде жарық ай») популярна и по сей день как музыкальная композиция.

В философии Абая последовательно постигалось великое служение Богу, он описывал его как «обладателя разума», «неиссякаемой пищи для непреодолимой расы человеческого рода» (Барлыбаева, 2018).

В двадцать седьмом слове назидания Абая Кунанбаева с такой бездонной глубиной логично изложены тайны мироздания и творения, тайны человеческого бытия во имя учителя мудрого Сократа. Сократ говорит своему ученику Аристотелю следующее философское трактование, точнее заключение о теле человека, о том, откуда у него зародился разум: «Ты видишь эту вселенную, ты не можешь измерить ее, ты видишь, что она сотворена по закону достойной гармонии, и ни одно из них не нарушено» (Абай, 1982). Действительно, существует особая сложная связь и порядок, система в мире природе. По мнению Сократа «Творец – это обладатель лишнего разума» (Соловьева, 2016).

Результаты и обсуждение

В своей книге «Современная мысль в мусульманском мире: тенденции, темы и пробле-

мы» Кэрл Керстен представила автора данной статьи – Ибрагима Оздемира в качестве самого выдающегося исламского защитника окружающей среды в Турции на протяжении многих лет (Керстен, 2019).

Ибрагим Оздемир, подчеркивая космологическое и метафизическое измерение Корана, также подчеркивает экологические послания этого учения для нас: цель создания Вселенной не является исключительно антропоцентрической; прежде всего, вселенная – это послание, книга, показывающая ее Создателя. Поэтому у него есть измерение, которое превосходит человеческое (Оздемир, 2003).

На самом деле, когда мы смотрим на первые главы и стихи Корана, которые были открыты в мекканский период, мы видим, что его главной целью было – пробудить в человеке высшее сознание его многообразных отношений с Богом и вселенной. Таким образом, пробуждая в человеке более высокое и глубокое сознание, оно сначала изменяет его общее мировоззрение, затем конструирует его образ самого себя. Следовательно, его установки, чувства, настроения и модели его отношений с реальностью начинают соответственно меняться. Все это следует рассматривать как результат мировоззрения Корана.

Таким образом, Коран с его акцентом на метафизическом измерении природы заменил концепцию природы арабов-язычников новой и яркой концепцией. Сегодня Коран вновь готов бросить вызов современной материалистической концепции природы, которая также доминирует в мусульманских обществах в рамках образовательной программы, и предложить и обеспечить более всеобъемлющий и целостный подход к разработке экологической этической теории.

Ибрагим Оздемир убежден, что как только метафизическая основа экологической этики будет найдена в рамках системы ценностей Корана, будет нетрудно разработать экологическую этику на этой основе. Кроме того, понимание метафизического измерения послания Корана даст нам возможность понять и оценить развитие чувствительных идей и взглядов, касающихся окружающей среды, в ходе исламской истории, первым примером этого, я думаю, является поведение и отношение Пророка к окружающей среде (Оздемир, 2013).

Пророк Мухаммад, например, как в своей практике, так и во многих своих хадисах прида-

вал большое значение посадке деревьев, защите существующих, посадке лесов, а также их сохранению. Поэтому его действия и поведение, связанные с сохранением окружающей среды, следует рассматривать с точки зрения Корана. Для нас его действия являются источниками вдохновения, составляющими его Сунну или практики, которым мы обязаны следовать. Иными словами, как и во всех других вопросах, примером исламского поведения, связанного с окружающей средой, и человеком, который проявил его самым совершенным образом, был Посланник Бога (Оздемир, 2013).

Как мы видим, существует много различных точек зрения про взаимосвязь человека, Бога и природы. Мы считаем, что лучший способ объяснить эту взаимосвязь помогут следующие концепции, направленные на осмысление и роли природы.

Первая концепция гласит о том, что природа «создает причины». Во-первых, функции, роль и значение причин в природе, т.е. под воздействием причин создаются условия для появления каких-либо явлений или вещей в природе. Вопрос заключается в определении созданных причин, которые могут зарождаться совершенно случайно, но под влиянием каких-либо обстоятельств. И во-вторых, специально созданные причины. Эти причины создаются не сами по себе, а от рук и под воздействием человека. И во многих случаях они являются специально созданными действиями, зародившиеся не естественным путем. Например, вопрос о причинах и процессе возникновения *Homo sapiens* как биологического вида, о случайности или закономерности его появления волновал лучшие умы человечества. В.И. Вернадский подчеркивал, что жизнь – явление в мировой эволюции неслучайное. И по стечению специально созданных обстоятельств мы улучшаем качество жизни изо дня в день (Вернадский, 1967).

Если говорить о созданных в природе причин, то в современном мире они могут быть не случайны. И носить они могут, как и положительный оттенок, так и негативный. Например, это коснулось даже природных явлений, как дождь и землетрясение. Дождь, как пример положительный, в Японии ученые-метеорологи изобрели инновационное оборудование для вызова дождя в сухой период времени и в аномальную жару. Землетрясение может быть вызвано под воздействием взрывов, или ядерных испытаний и по причине повреждения земной коры

в отрицательном ключе с самыми негативными последствиями. Также, если привести в пример горную лавину, то можно обнаружить две стороны медали, во-первых, спасатели и служба безопасности спускают лавины в горах намеренно перед весенним сезоном, чтобы уберечь от наводнения горную местность. В примере негативного ключа, лавины могут быть вызваны совершенно случайно по вине необдуманных действий человека. Если посадить вертолет в горах, либо громко шуметь и не соблюдать правила поведения в горной местности можно столкнуться с нежелательными последствиями не только для окружающей среды, флоры и фауны, но и для безопасности человеческой жизни.

Вторая концепция говорит о том, что природа «возникает сама по себе». Во-вторых, они возникают сами по себе, не подвергаются действиям человека. Объяснить эту фразу можно с помощью догмата о предопределении в исламе. Одним из важнейших в исламе является догмат о предопределении, пронизывающий все мусульманское вероучение. Согласно этому вероучению, в мире не существовало и не существует ничего не зависящего от воли Аллаха. По мусульманским представлениям, еще до сотворения мира было сотворено Перо, которому Аллах повелел написать о всех делах божественных и творениях, вплоть до времени страшного суда. Выполняя волю всевышнего, Перо записало то, чему суждено случиться в грядущей истории человечества, и все это не дано изменить никому. Следовательно, каждый человек зависит от бога. Каждому предначертана определенная судьба, которая неотвратима. Даже смерть наступает лишь по божественному предначертанию.

Таким образом, люди с рождения обречены на то, чтобы идти путем, предначертанным свыше. Им не дано роптать на жизненные невзгоды. Ведь и невзгоды предопределены Аллахом. Им не дано сетовать на бедствия. И бедствия от бога. Им надлежит терпеливо идти своим путем, который указал всевышний. Истинный смысл учения о предопределении заключается в принятии, в терпении и в смирении. Потому что каждый праведный мусульманин знает, что трудности и невзгоды наступают в судьбе человека не просто так, не для того, чтобы сломать человека, а для того, чтобы сделать его сильнее (Кныш, 1984).

Догмат о предопределении ярко выражен и в мире природы. Ни один лист не падает с дерева по своей инициативе или по своей воле и выбору, ни один камень не сдвигается с места по сво-

ему желанию – все по воле Всевышнего. Многое в этом мире, в окружающей нашей среде, в мире природы возникло само по себе. Этому нет никакого объяснения, кроме как назвать это «подарком Всевышнего». Круговорот природы, времена года, природные явления, полезные ископаемые, флора и фауна – это прекрасные явления, созданные Аллахом во благо всего человечества.

Исходя из этой концепции о природе, мы можем сделать вывод, что человечество не может научно подтвердить, как создавалась Вселенная, зародился космос и планеты, как начала функционировать солнечная система. Все это творение от Всевышнего, которое возникает само по себе. Роль человека в этом процессе заключается только в том, чтобы изучить эти природные процессы и научиться жить с ними, научиться подстраиваться под них.

Третья концепция объясняет природу, как «естественная необходимость». В-третьих, естественная необходимость появлений вещей в природе. Всемогущий Аллах творит не просто так, каждому мелкому жучку или у каждой разновидности растения есть свое логическое объяснение существования в нашем мире. Например, это можно увидеть в том, что каждая отдельная разновидность растений, как ромашка, облепиха, алоэ, гвоздика и многие другие имеют личный отдельный способ в применении в лечебной практике, каждая из них отдельно функционирующая и неповторимая.

Начнем с того, что ислам, природа и естественно тесно взаимосвязаны. Ведь религия ислам является естественной религией. Она будет вечно существовать вместе с природой. Религия ислам предприняла все усилия для того, чтобы направить человечество на всестороннее использование природных ресурсов себе во благо, она указала пути для использования всего, что есть на суше и на море. Те законы, которые предписал ислам, были основаны на законах природы. Те правила, которые были установлены предыдущими религиями и которые противоречили законам природы, ислам заменил иными, более удобными и приносящими пользу. Провозглашенные прежде законы, которые не были согласованы с природой, были отменены в соответствии с требованиями блага и пользы. Весь комплекс созданных исламских законов согласуется со строем Вселенной и основоположениями природы, и им в Коране дается название «Установление Аллаха» (Бартольд, 1966). Ислам запретил, объявил, «харамом» те вещи в

природе, которые несут с собой в духовном или физическом смысле великий вред. Однако это не противоречит природе. Поскольку умение защищаться и отстраняться от имеющихся в природе бедствий и вреда само по себе является одним из законов природы. Те установления, которые являются содержанием поклонения или правил взаимного общения, также основаны на законах природы. Хотя пост внешне и кажется подавлением природного инстинкта, разрешение принятия пищи в ночное время снимает это противоречие и означает лишь перемену времени принятия пищи. Многоженство также не противоречит природе, скорее являясь подтверждением существующего в природе закона. Коротко говоря, все законы, имеющиеся в исламской религии, построены на законах природы и соответствуют ее устройству. Ни один закон не противоречит природе. Более того, исламская религия считает правильным пользование тем, что существует в природе. Совершенно обоснованным будет поэтому назвать исламскую религию религией естественности, призывающей к этой естественной жизни. А раз так, то исламская религия – это религия, соответствующая природе. Это и есть объяснение третьей фразы «естественная необходимость», т.е. естественное: природа, вызывая необходимость, творит вещи. В продолжении этой темы, важно остановиться о мысли, где рассуждаются естественное зарождение этих вещей в природе. Существуют основные четыре идеи:

Первая идея основывается на то, что эти вещи были созданы по определенной причине или по совокупности причин.

Вторая идея объясняет, что все вещи и действия в природе зарождаются сами по себе.

В-третьих, эти вещи являются необходимостью природы, поэтому появляются под ее воздействием.

В-четвертых, все вещи сотворяются могуществом одного Всемогущего Творца.

Заключение и выводы

В этой статье мы рассмотрели несколько взаимосвязанных вопроса. Первый из них связан с методами взаимодействия природы и философии религии. Мы представили некоторые методологические размышления о том, как осуществлялось это взаимодействие с природой и как это можно было бы сделать лучше. Извлекая уроки из теологии, особенно из философии и религии,

мы предлагаем, чтобы философы религии не придерживались одного-единственного метода взаимодействия или не придерживались одной методологической позиции для всех таких взаимодействий.

В результате, соотношение природы и человека зародило общество. В своей очередности, применяя теоретическую терминологию, можно утверждать, что общество – это результат длительного эволюционного развития природы, иными словами, возникновение общества – это переход движения материи к высшему, социальному типу. Здесь может возникнуть один законный вопрос. Природе, ее изменению способствует не только человек, но и животные. Так в чем же заключается качественная специфика человеческой деятельности? Ведь, животные тоже способствуют.

При этом человек целенаправленно меняет природу, подчиняя ее работе на благо общества. Во – вторых, животные в процессе общения с природой используют свои части тела, то есть зубы, рога, копыта и т.д. А человек использует орудие труда. Главное, чтобы он это делал сам. В-третьих, деятельность животных исходит из чисто биологических потребностей, носит звериный характер, а труд человека изначально носит общественный, коллективный характер, осуществляется целенаправленно.

Таким образом концепции о природе, роль Бога, проблема человека, его происхождение, сущность, место в природе и роль в общественной жизни – фундаментальные философские темы, как по отдельности, также и в совокупности. Ведь, с момента возникновения философии и до настоящего времени данные философские концепции находятся в центре ее внимания. Как для материалистов, рассматривающих материю, природу – первичную, сознание как их творение, образ, так и для идеалистов, рассматривающих дух и сознание – первичную, материя и природа не могут существовать вне них, так и для идеалистов, считающих их конечными, нет философии без человеческого вопроса.

Переходя к выводам, мы считаем этот поворот к расширению взаимодействия с этими философскими категориями позитивным. Это не только делает философию религии более плюралистичной и междисциплинарной, но и привносит в устаревшие дебаты новые идеи и перспективы.

Литература

- Абай. (1982) Слова Назидания. – А.-Ата. – 38 с.
- Барлыбаева Г.Г. (2018) Философская этика казахов / Под общ.ред. А.Х. Бижанова. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, – 274 с.
- Бартольд В.В. (1966) Работы по истории ислама и арабского халифата. – М., – 345 с.
- Вернадский В.И. (1967) Биосфера. – М.: Мысль. – 376 с.
- Kersten C. (2019) Contemporary Thought in the Muslim World. Trends, Themes, and Issues, by Routledge, 228 p.
- Кныш А.Д. (1984) Некоторые проблемы изучения суфизма. Ислам. религия, общество, государство. – М.: Наука, – С. 87-95.
- Нафиков Д.А. (2017) Сборник избранных хадисов: хрестоматия. – Уфа: Издво БГПУ, – 309 с.
- Ozdemir I. (2003). Towards an Understanding of Environmental Ethic from A Qur'anic Perspective, Islam and Ecology, ed. Richard Foltz. Harvard University Press, pp. 1-37.
- Ozdemir I. (2013). «Kur'an'a Göre Çevre», http://www.cekud.org.tr/h_img/KuranveCevre.pdf
- Ozdemir I., Demirbaş D., Alpay S. (2013). Environment and Islam. Journal of Economic Cooperation & Development, pp. 22-45.
- Пуанкаре А. (1990) О науке. – М: Наука. – 202 с.
- Торайғыров С. (2003) Кедей. Үш томдық шығармалар жинағы. 2-т. – Алматы: Жібек жолы. –110-134 б.
- Соловьева Г.Г. (2016) Часть первая. Знание, вера, диалог. – Алматы, – 308 с.
- Шағырбаев А.Д. (2018) Мәшһүр Жүсіп Көпейұлының діни көзқарасы: Жеке монография. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, – 223 б.

References

- Abaj. (1982) Slova Nazidaniya. – A.-Ata. – 38 s.
- Barlybaeva G.G. (2018) Filosofskaya jetika kazahov / Pod obshh.red. A.H. Bizhanova. – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, – 274 s.
- Bartol'd V.V. (1966) Raboty po istorii islama i arabskogo halifata. – M., – 345 s.
- Vernadskij V.I. (1967) Biosfera. – M.: Mysl'. – 376 s.
- Kersten C. (2019) Contemporary Thought in the Muslim World. Trends, Themes, and Issues, by Routledge, 228 p.
- Knysh A.D. (1984) Nekotorye problemy izuchenija sufizma. Islam. religija, obshhestvo, gosudarstvo. – M.: Nauka, – S. 87-95.
- Nafikov D.A. (2017) Sbornik izbrannyh hadisov: hrestomatija. – Ufa: Izdvo BGPU, – 309 s.
- Ozdemir I. (2003). Towards an Understanding of Environmental Ethic from A Qur'anic Perspective, Islam and Ecology, ed. Richard Foltz. Harvard University Press, pp. 1-37.
- Ozdemir I. (2013). «Kur'an'a Göre Çevre», http://www.cekud.org.tr/h_img/KuranveCevre.pdf
- Ozdemir I., Demirbaş D., Alpay S. (2013). Environment and Islam. Journal of Economic Cooperation & Development, pp. 22-45.
- Puankare A. (1990) O nauke. – M: Nauka. – 202 s.
- Torajyrov S. (2003) Kedej. Ysh tomдық shyғarmalar zhinary. 2-t. – Almaty: Zhibek zholy. –110-134 b.
- Solov'eva G.G. (2016) Chast' pervaja. Znanie, vera, dialog. – Almaty, – 308 s.
- Shagyrbaev A.D. (2018) Mëshhür Zhysip Kөpejұлынң dini көзқарasy: Zheke monografija. – Almaty: ҚР БҒМ ҒК Filosofija, sajasattanu zhəne dintanu instituty, – 223 b.

Л.В. Турарбекова (Турарбек) Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
e-mail: lturarbek@gmail.com**ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ОБЪЕКТА:
РЕАЛИЗАЦИЯ ХАЙДЕГГЕРИАНСКОГО
ЯДЕРНОГО ФАНТАЗМА И ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ**

Возрастание роли цифровых технологий в современном мире вызывает неоднозначную реакцию гуманитарного сообщества и смежных областей знания. С одной стороны, неоспоримым представляется тот факт, что в будущем частичная или полная цифровизация и виртуализация большинства сфер повседневной человеческой деятельности (трудовой, экономической, культуральной, сферы социальных, межличностных взаимоотношений и т.д.) будет возрастать. С другой стороны, скорость, с которой развиваются дигитальные технологии, вызывает различный спектр настроений – от восхищения до паники – и заставляет нас задумываться о последствиях для человечества столь стремительного технического развития, способного подчинить себе любые, даже самые интимные аспекты жизни современного человека.

Новейшее время знает как минимум два трагических эпизода, две мировые войны, последствия которых заставили мыслителей XX века усомниться в адекватности идеи научно-технического прогресса в её применении к представлениям о благе для человека. Одновременно возникают два четко очерченных абриса основных решений данной проблемы. Первый – это технофобический идеал отказа от дальнейшего научно-технического развития, призыв к возвращению в минимально-окультуренное состояние человека во имя сохранения «человека» как гуманитарного идеала. Второй – попытка рассмотрения вероятных новых путей для понимания «человека», «человеческого», «гуманного» с перспективой выработки новых этических принципов ввиду признания неизбежности технического развития как части культуры, неизбежно и сугубо человеческого мира.

Статья посвящена анализу идеи исчезновения объекта и смены субъект-объектного вектора внимания в трудах Мартина Хайдеггера («Бытие и время», «Вопрос о технике», «Вещь») в контексте развития современных цифровых технологий и возникающих в этом процессе новых бытийственных установок.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, техника, культура, субъект и объект, человек, человечество, цифровая философия, бытие.

L. Turarbekova (Turarbek)

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: lturarbek@gmail.com**The Disappearance of the Object: The Implementation
of the Heideggerian Nuclear Phantasm and the Internet of Things**

The increasing role of digital technologies in the modern world causes an ambiguous reaction of the humanitarian community and related fields of knowledge. On the one hand, it is indisputable that in the future the partial or complete digitalization and virtualization of most spheres of everyday human activity (labor, economic, cultural, social, interpersonal relations, etc.) will increase. On the other hand, the speed with which digital technologies are developing causes a different range of moods – from admiration to panic – and makes us think about the consequences for humanity of such a rapid technological development, capable of subjugating any, even the most intimate aspects of modern human life.

Modern times know at least two tragic episodes, two world wars, the consequences of which made the thinkers of the XX century doubt the adequacy of the idea of scientific and technological progress in its application to ideas about the good for man. At the same time, there are two well-defined outlines of the main solutions to this problem. The first is the technophobic ideal of abandoning further scientific and technological development, a call for a return to a minimally cultivated state of man in the name of preserving “man” as a humanitarian ideal. The second is an attempt to consider possible new ways to understand “man”, “human” with the prospect of developing new ethical principles in view of the recognition of the inevitability of technological development as part of culture, inevitably and purely human world.

The article is devoted to the analysis of the idea of the disappearance of the object and the change of the subject-object vector of attention in the works of Martin Heidegger ("Being and Time", "Question of Technology", "Thing") in the context of the development of modern digital technologies and the new existential attitudes arising in this process.

Key words: digital technologies, digitalization, technology, culture, subject and object, person, humanity, digital philosophy, being.

А.В. Турарбекова (Турарбек)

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

e-mail: lturarbek@gmail.com

Объектінің жоғалуы: Хайдеггердің ядролық фантазмының жүзеге асуы және заттар интернеті

Қазіргі әлемде цифрлық технологиялар рөлінің күшеюі гуманитарлық қоғамдастық пен білімнің аралас салаларының әртүрлі реакциясын туындатып отыр. Бір жағынан алғанда, болашақта толық немесе жартылай цифрландыру және адам қызметінің күнделікті салаларының (еңбек, экономика, мәдениет, әлеуметтік, тұлғаралық өзарақатынастар) басым көпшілігінің виртуалдануы өсе түседі. Басқа жағынан қарастырғанда, дигитал технологиялардың даму жылдамдығы әртүрлі көңіл-күй – тәнті болудан бастап, үрейленуге дейін – тудырып, бізді соншалықты күшті, қазіргі адам өмірінің кез келген, тіпті ең тылсым қырларын өзіне бағындыруға қауқарлы техникалық дамудың адамзат үшін салдарлары туралы ойлануға мәжбүрлейді.

Жаңа заман олардың салдарлары XX ғасыр ойшылдарын ғылыми-техникалық прогресс идеясын адам игілігіне қолданудың дұрыстығына күмәндануға мәжбүр еткен ең аз дегенде екі трагикалық мысал, екі дүниежүзілік соғысты басынан кешті. Бұл мәселенің негізгі шешімдерінің екі жіті айқындалған абрисі бір уақытта қатар пайда болды. Біріншісі – ғылыми-техникалық дамудан бас тартудың технофобиялық идеалы, «адамды» гуманитарлық идеал ретінде сақтап қалу үшін минимал-мәдени күйге қайта оралуға шақыру. Екіншісі – техникалық дамуды мәдениеттің бөлігі ретінде мойындап, жаңа этикалық ұстанымдар жасау үшін «адам», «адами», «гуманды» ұғымдарын түсінудің жаңа мүмкін жолдарын қарастыру талпынысы.

Мақала Мартин Хайдеггердің еңбектеріндегі («Болмыс және уақыт», «Техника туралы сұрақ», «Зат») объектінің жоғалуы және назар аударудың субъект-объект векторының ауысуы идеясын қазіргі заманғы цифрлық технологиялардың дамуы және осы процесс барысында жаңа болмыстық тұғырнамалардың пайда болуы аясында талдауға арналған.

Түйін сөздер: цифрлық технологиялар, цифрландыру, техника, мәдениет, субъект және объект, адам, адамзат, цифрлық философия, болмыс.

Введение

*But where danger is, grows
The saving power also.*

*Но где опасность, там вырастает
Также и спасительное¹.
(Heidegger, 1977: 28)*

Эти слова Гельдерлина Мартин Хайдеггер приводит как резюмирующие для иллюстрации своего видения сущности техники как сугубо человеческой деятельности, способной в своем осуществлении помочь нам достичь *aleteia*. Хайдеггеровская алетейя – состояние нескрывтости сути вовлеченных в процесс окультуривания окружающего мира объектов – материала, его продиктованной волей мастера и предназначени-

ем предмета формы, сложившегося из материала предмета – вещи, способной служить определенной цели и таким образом наполнять смыслом созидательную деятельность человека при техническом производстве вещей. Пережившему безумие мировых войн поколению предельной в своей ясности предстала идея о губительности научно-технического прогресса.

Техника как объект философской рефлексии притягивает внимание мыслителей со времен по крайней мере Платона и Аристотеля. Рассматриваемая как особый вид подражания природе, у Аристотеля *techne* или *artificial* – это то, что природа закончить не смогла. В «Физике» II, 8, например, Аристотель рассуждает следующим образом:

Например, если бы дом был из числа природных предметов, он возник бы так же, как теперь [создается] искусством; а если бы природные [тела] возникали не только благодаря природе, но и с помощью

¹ Перевод стиха Гельдерлина из английского перевода текста Хайдеггера «Вопрос о технике» (Heidegger, 1977: 28)

искусства, они возникали бы так, как им присуще быть по природе. Следовательно, одно [возникает] ради другого. Вообще же искусство в одних случаях завершает то, что природа не в состоянии произвести, в других же подражает ей. Если, таким образом, [вещи], созданные искусством, возникают ради чего-нибудь, то, очевидно, что и существующие по природе, ибо и в созданных искусством и в существующих по природе [вещах] отношение последующего к предшествующему одинаково. (Аристотель, II, 8)

Однако сама идея связи искусственного, рукотворного, технического в аристотелевском смысле и естественного, природного в наши дни, как никогда, выглядит сомнительной, ложной. Именно техника отвращает современного человека от естественного хода вещей, самой жизни. Техника создает то, что Бруно Латур называет «трансцендентальностью второго порядка» (Latour, 2010), новую, настораживающе неизвестную и неизведанную трансцендентальность, в которой вещи (хайдеггеровская «Вещь») начинают вдруг жить в своем вещном, искусственном, неодушевленном мире, угрожая и поглотить природу (так, например, создаются острова пластика в океане, так поглощаются микропластические частицы, становясь частью нашего белкового мира, угрожая и ему отравлением, мутациями и т.д.), и извратить естественный ход событий (как, например, все формы неорганически возникшего интеллекта).

Эта статья затронет некоторые (разумеется, далеко не все) аспекты вопроса о вещности, как ставил его Хайдеггер, в контексте проблемы исчезновения объекта в интернете вещей, своего рода практической реализации ядерного фантазма одного из самых противоречивых и значительных философов XX века.

Обоснование выбора темы

Тема мутации понятия вещности в эпоху развития цифровых технологий является одновременно ультра-современной, но и древней, как сама философия. Мы не сможем обозначить конкретные временные рамки для возникновения тех субъект-объектных представлений, с которыми вели такой ожесточенный спор философы второй половины XX века. Четко сформулированное представление об объекте как предмете человеческой деятельности, активности, возникает, наверное, у Фомы Аквинского вместе с формулировкой его представления об *objectum*: каждая из человеческих способностей, досто-

инств и недостатков, обладает своим объектом, но также и каждое человеческое действие, научная дисциплина, каждая из страстей обладают своим объектом (Duarte Sousa-Lara, 2008, p.244). Ясно, что, несмотря на обвинения (Deleuze, 1968) платонизма как изобретателя метода деления на виды и подвиды, приведшего в итоге к созданию разрушающих наши связи с миром субъект-объектных представлений и отношений, все же временным и идеологическим фундаментом для этих представлений послужила идея авраамического единобожия, трансцендентальности творца по отношению к созданному им миру, по сути сама трансцендентальная модель как модель мышления.

Марксистско-ленинская интерпретация субъект-объектных отношений предполагала первичность субъекта познания по отношению к объекту: без субъекта нет объекта. Однако хайдеггерианский подход, о котором пойдет речь в нашем кратком исследовании, предполагает первенство объекта, вещи, качества вещности. Вещь исчезает – субъекту не остается места для деятельности.

Тема вещности в современной философии безусловно связана с виртуализацией большей части деятельности (существования, способов быть) человека. Вот почему наряду с сугубо техническими аспектами так называемой цифровизации (за неимением лучшего философского термина) мы должны осмысливать и аспекты аксиологические, суть, манеру, способы взаимоотношений человека и мира. Философская цифровая гуманитаристика, которой еще предстоит сказать свое слово в общем хоре самых актуальных течений, должны быть сосредоточена на том, чтобы проанализировать тип таких взаимоотношений, примерную схему их возникновения, построения и существования, качественно оценить и попытаться обратить внимание на некоторые, возможно, мало изученные, плохо видимые элементы, способные вознести или поглотить человека.

Обращение при реализации этой задачи к философским находкам хайдеггерианского анализа позволит нам глубже понять источник и будущее отношений человека (современного человека) и техники (современной техники).

Цели и задачи

Целью и задачей при написании статьи является анализ некоторых текстов Мартина Хай-

деггера («Бытие и время», «Вопрос о технике», «Вещь») и попытка применения его выводов к современной нам ситуации, связанной с цифровизацией и виртуализацией многих аспектов человеческой жизни и деятельности.

Материалы и методы

Материалами для выводов, полученных при написании статьи, послужили как непосредственно тексты самого Мартина Хайдеггера («Бытие и время», «Вопрос о технике», «Вещь»), так и труды, монографии и статьи многих других исследователей философских, социальных, исторических, антропологических вопросов, связанных с техникой вообще и современными цифровыми технологиями в частности. Так, например, чрезвычайно интересными представляются тексты специалистов, корифеев цифровой мысли, не имеющих отношения к собственно гуманитарным дисциплинам: *Berners-Lee T. (2003). New issue – Meaning of URIs in RDF documents* или Roy Thomas Fielding, «*Architectural Styles and the Design of Network-based Software Architectures*». Претензии создателей цифровых технологий современности на основании новых мета-вселенных, новых миров не являются, как нам представляется, пустой претензией на величие, но исходят из глубоко, подтвержденно-практической жизнью убеждения о том, что цифровой мир способен создать новую вселенную, новую материальность и вещьность.

Еще одним источником для наших построений послужили различные статьи и монографии, комментирующие этические находки Хайдеггера с точки зрения современности и современных технологий. Так, например, статья Michel Maffesoli, «La question de la technique» de Martin Heidegger, *Sociétés* n° 129 – 2015/3 дает некоторые ориентиры в вышеозначенном вопросе. Многие другие авторы, имена которых обозначены в списке литературы, предоставляют нам своего рода ультра-актуальную трактовку понимания хайдеггеровских подходов к проблеме техники.

Отдельно обозначить необходимо имена таких классиков постмодернистской философской и социологической традиций, как Фуко («Les mots et les choses», «Des espaces autres») или Бруно Латур (Latour B. (2010). *Prendre le pli des techniques*. Réseaux, vol. 5, p. 11-31.)

В целом, выбор источников и метода (историко-философский анализ текстов) подчинены

единой цели – достижению большей ясности для казахстанского и, если такой появится, международного читателя в вопросе современной, актуальной оценки значимости цифровых технологий с точки зрения их воздействия на человека, его образ жизни и мышления, его взаимоотношений в мире и с собой. Мы надеемся на то, что представленная статья в некоторой, пусть небольшой степени позволит нам приблизиться к ее достижению.

Результаты и обсуждение

Неудачный, как нам кажется, перевод хайдеггерианского *Ge-stell* на русский язык (Постав) отражает тем не менее суть подразумеваемого семантического *standing reserve*. Хайдеггер видит в современности фундаментальную двусмысленность, а не монолитное единство эпохи, в отношении к человеку и бытию. Иногда мы можем видеть некий общепринятый образ Хайдеггера – врага современности и технологий, презирающего науку. Для такого Хайдеггера современная технология извратила самое греческое понимание технологии как естественного улучшения человеком того, что природа не смогла закончить, как *aleteia* (состояние несокрытости сути материала, но также самого предмета, создателя вещи – человека и, наконец, предназначения вещи – как, например, жертвенная серебряная чаша). Вся современная технология вынуждает нас делать из природы и из самого человека некий резерв, запас, некий, как неудачно выразился переводчик «Вопроса о технике» Постав. Ге-штелл, Постав денатурализует взаимодействие человека с миром посредством созданных им вещей, все становится индустрией, энергией, массовым производством.

В отличие от идеи, высказанной в «Бытии и времени», которая односторонне ориентирована на исследование человеческого Умвелта (*Umwelt* – окружающий мир, среда; *die Umwelt* – окружающий мир, состоящий из значений, мир подручного сущего) и его структуры, мысль Хайдеггера после рубежа тридцатых годов заново открывает вопрос о вещи и о мире. Мутация научного представления о мире, произошедшая в начале XX века, определяет новую структуру опыта. Как замечает философ в своей лекции в «Вещь» (первой из цикла четырех лекций прочитанных им в Бремене в декабре 1949 года под глобальным названием «Взгляд на то, что есть»), сегодня все расстояния исчезают в пространстве

и времени, все уносится и путается в потоке единого без расстояния, но, несмотря на все победы, одержанные над расстоянием, близость вещей отсутствует (М. Heidegger, 1958: 194). Взрыв ядерной бомбы, этот образ становится для философа образом современной науки; мы назвали его фантазмом уничтожения всего во всем, спекшиеся друг с другом и потерявшие себя в этом пекле вещи.

Как объясняет Хайдеггер, знания современной науки уже уничтожили вещь как таковую, задолго до взрыва атомной бомбы (М. Heidegger, 1958: 194). Для современной науки все вещи предстают в виде объекта. Объект претендует на достижение реального в его истинной реальности. Мы окружены объектами, но остаемся неспособны к тому, чтобы заставить их проявиться в их близости. Никакие ухищрения не могут помочь вещи проявиться в современном мире не в виде объекта, невозможно по желанию взять и поменять отношение к вещи. Любая вещь сегодня – объект без расстояния.

«(...) никогда вещи не приходят только как вещи, потому лишь, что мы просто стоим в стороне от объектов и то, что мы вспоминаем о старых предметах прошлых лет, которые, возможно, были в процессе становления вещами и даже присутствия как вещей» (М. Heidegger, 1958: 194)

Мы можем только надеяться, что когда-нибудь вещи станут такими, но мы не можем жить в ностальгии по их исчезновению.

То, что Хайдеггер называет о «поворотом» в *Kehre* (Heidegger, 1958: 185), происходит в реальности в виде исчезновения как объекта, так и субъекта, т.е. любого существа, понимаемого как существующее присутствие, такое как *Vorhandenheit* (наличная вещь, наличность). Это «деконструкция» настоящего в физике, в науках о человеке, в этике интегральной вычислимости всего существующего. Интегральная вычислимость есть безразличие к объекту и субъекту, она представляет собой развертывание бытия современной техники и определяет то, что Хайдеггер называет «радикальная бесчеловечность» современной науки, которая «низводит человека до ранга доступного и упорядоченного элемента для мысли, которая мыслит по моделям и оперативный характер которой не знает границ». То, что Хайдеггер назвал еще в 1936 г. в *Beiträge zur Philosophie* (Вклад в философию) *Ereignis* (Событие), а позже *Ge-stell*.

Что парадоксально предвещает эру интегральной вычислимости, это неисчислимость самого События (*Ereignis*), то есть то, что природа, как и человеческий мир решительно ускользают от всякой эйдетики (зрительной, образной памяти – от гр. *eidos*). Конец современной науки, который также принимает вид конца истории – События – во время которого основные понятия онтологии, как и естественнонаучные понятия, обретают лишь метафорическое значение. Событие есть как выход из метафизической мечты о существующем присутствии.

То есть здесь не требуется волюнтаризм. Сказать, что метафизика – это «прошлое», значит сказать, что она составляет настоящее по самой своей сути и в этом причина, по которой для Хайдеггера эпоха преодоления метафизики – это также метафизика ее абсолютного господства (Heidegger, 1958). Мы действительно находимся во времена становления мира метафизики, на этапе завершенной, то есть реализованной метафизики. Для этого завершения метафизики, Хайдеггер понимает это как «упадок истины бытия», то есть как тот факт, что проявление бытия теряет. Метафизика репрезентативна и преемственна, от Платона (идея) до Декарта и Гегеля (познание себя). Ницше представляет, по Хайдеггеру, последний этап метафизики – истина субъекта как единственная реальность и единственная правда. После этой единственной правды субъекта как завершающего этапа развертывания метафизики наступает царство интегральной вычислимости, все сущее организуется в бесцельную неисторичность, абсолютный нигилизм и эпоху техники с завершением в том самом ядерном фантазме, призрак которого маячит перед нами и по сей день.

Размышление о сути техники Хайдеггер продолжает в других лекциях, прочитанных в 1949 году под общим названием «Взгляд на то, что есть», в частности, в лекции, получившей название «Das Ge-stell» (уже упомянутый нами неудачный перевод «По-став»), которую Хайдеггер позже опубликует в измененной версии в 1953 году под названием «Вопрос о технике». На горизонте современных технологий отношения человека и объекта больше не позволяют определять себя классическим способом: потому что ничто не представлено в виде *ob-jectum* (*Gegenstand*) или «лежащее перед (субъектом как цель)», то есть по отношению к предмету, но все оказывается, наоборот, средством и ре-

зервом мощности субъекта. Исчезновение объекта в интегральной вычислимости идет рука об руку с исчезновением самого субъекта, поскольку современный «субъект», индустриальное общество в целом, также подвержен провокационной силе того, что Хайдеггер называет *Ge-stell*. Гештелл – это способ раскрытия, противоположный *aleteia*, то есть такой, который дает нам все бытийственное как потенциально пригодное для производства энергии. Парадокс современной техники заключается в том, что, с одной стороны, кажется, что это царство воли к воле, абсолютное господство над бытием, но, с другой стороны, такое раскрытие реальности как потребляемого фонда приводит к исчезновению самого субъекта. Современные технологии ставят человека в такое положение, что он может как предаваться безумию господства, так и обратить внимание на ту часть, которую можно принять за «алетейя», раскрытие потаенности сущего. Ибо господство операциональной мысли простирается на всю область бытия и, следовательно, также касается самого человека, который таким образом сам становится востребованной частью Ге-штелла.

Можем ли мы теперь, после проведенного краткого анализа, обратиться к вопросу о современных технологиях? Современные цифровые технологии в еще большей, наверное, степени, чем фантазм ядерного удара у Хайдеггера ставят субъекта в ситуацию «быть энергетическим резервом» для Ге-штелла. *Standing reserve*, проявляется в том факте, что мы, цифровые существа, теряем вещь и объект в мире цифровых симулякров симулякров. Претензии создателей новых цифровых миров (мета-Вселенных, цифровых онтологий, виртуальных миров для обитания полного или частичного) делают из нашего полнокровного биологического, социального и политического «я» резерв для виртуального мира. В таком мире возможно прожить почти всю жизнь, передвигаясь по виртуальным пространствам, обладая виртуальными предметами, вступая в виртуальные социальные, трудовые или личностные, отношения. В виртуальных мирах обитают виртуальные личности – так называемые «тролли» – создающие виртуальные дискуссии на виртуальные темы. Страх исчезновения проявляется в страхе «фэйка», обмана, словно изначально мир не предстает как фэйковый, как последняя вершина в развертывании платоновской метафизики, царстве взгляда.

Интернет вещей является результатом долгой работы по созданию таких виртуальных миров и сетей. Тимоти Джон Бернерс-Ли, создатель протоколов URI, URL, HTTP, HTML и один из создателей Всемирной паутины, глава Консорциума Всемирной паутины, автор концепции семантической паутины и др. разработок утверждает:

(...) we are not analyzing a world, we are building it. We are not experimental philosophers, we are philosophical engineers. We declare « this is the protocol ». When people break the protocol, we lament, sue, and so on. But they tend to stick to it because we show that the system has very interesting and useful properties. (Berners-Lee T., 2003)

Мета-вселенные всех видов – не анализ мира, это настоящий искусственный мир. Такая претензия на создание мира – создание «складки в складке» по Бруно Латуру – ведет нас к еще более окончательному исчезновению объекта в традиционном его понимании, как лежащего перед субъектом, как цели его деятельности. Интернет вещей, еще один виртуализированный мир, создает уже отношения между самими вещами, между объектами, которые более не объекты, а объединенные в сеть вещи, способные на поддержание бесцельной связи помимо субъекта, в обход субъекта. Вещь полностью растворяется в себе самой, не имея более начала в субъекте. В этом смысле интернет вещей реализует хайдеггеровский ядерный фантазм, в котором близость вещей обеспечивается всепоглощающей ядерной катастрофой, в которой сплывались воедино все вещи. Удивительно ли, что мы живем во времена новой ядерной угрозы? Нет, ведь виртуализация наших отношений с миром зашла так далеко, что реальность сама воспринимается как продолжение некой мета-вселенной, после потери которой всегда найдется запасной вариант.

Выводы

Где же выход? «Где опасность, там кроется и спасение». Вопрос об отношении виртуализированного мира интернета вещей и мета-вселенных возвращает нас к вопросу об отношениях человека и бытия. Это вопрос об этике. Отношения человека и бытия должны пониматься как взаимная принадлежность бытия и человека, как *Sorge*, забота о бытии, которую никоим образом нельзя понимать как заботу о себе, как *Selbstsorge*:

Забота не может означать первично и исключительно поведение (Verhalten), изолированное от себя, в отношении самого себя. Выражение «забота о себе» по аналогии с заботой (Besorgen) и внимание (Fürsorge) были бы тавтологией. Забота не может означать особое поведение по отношению к себе, потому что самость уже характеризует онтологически вперёд-себя-бытие Dasein (Sich-vorweg-sein) и в этом определении также совместно поставлены два других структурных момента заботы, бытие-уже-в... и бытие-с-из... (Heidegger, 1963: 393.).

То, что относится к *Dasein*, это не только его собственное бытие, место самости, но и то, где находится другой. Это двойное определение озбоченности, как *Besorgen* и *Fürsorge* реагирует на двойное значение немецкого *Sorge*, которое так же, как и в латыни *cura* означает как заботу, так и заботливость и характеризует любое отношение к бытию как таковое.

Определение *Dasein* как оригинального открытия для другого составляет то, от чего бежит «неаутентичный» *Dasein* и перед чем открывается «аутентичный» *Dasein*, вот почему любой побег понимается как побег в фамиллярность и убежище в интимности у-себя, в то время как, напротив, подлинный *Dasein* противостоит в тревоге тому, что составляет его само по себе: *не-быть-у-себя*, *das Un-zuhause sein*, из которого только и можно понять бытие-в-мире. Фамиллярность – это способ остраннения (*étrangeté* на французском, русскими переводчиками Хайдеггера переводится как «жуткое») (*Unheimlichkeit*), экспатриации, в том смысле, что *Dasein* никогда не найдет свой истинный *oikos*, свой истинный *Heimat* (родину), как только в не-бытии-у-себя, что и представляет настоящий *potos*, закон его пребывания в мире. Именно эта парадоксальное устройство *Unheimlichkeit* обсуждается Хайдеггером в «Письме о гуманизме» при цитировании фрагмента 119 Гераклита *ethos anthrôpô daimon* (Heidegger, 1964: 145).

Обитать в буквальном смысле – это то подлинное жилище, которое звучит по-гречески как *êthos* – не означает простое знакомство с миром, простое бытие-у-себя в мире, в спокойствии наслаждений, а наоборот открытость к странности бытия в мире и к боли заброшенности *Geworfenheit*, что лежит в основе любого обитания. Вот почему «этика» это не о том, как «наслаждаться жизнью», устанавливать свое пребывание в знакомом, но об открытии себя, подвергании себя странности и боли, которые кроются внутри всякого знакомства и наслаждения. Об этом напоминает нам Гераклит, когда указывает любопытным, жаждущим ощущений *que einai gar kai entautha theous*, «боги присутствуют и здесь». (Heidegger, 1964: 149).

У Хайдеггера нет конфликта между онтологией и этикой. Этика для него – не свод правил, а буквально этос, этос пребывания человека. Место пребывания человека – открытость миру – мысль, поэтому этика и есть мысль.

К концу «Вопроса о технике» Хайдеггер упоминает о том, что «технэ» в греческом когда-то означало не просто технику, но и в целом раскрытие потаенного, «про-из-ведение истины в красоту, поэзис» (Heidegger, 1977). Хайдеггер противопоставляет искусство и «неистовую техническую гонку», следствие неправильного отношения к технике. Существо техники – не нечто техническое, а поэзис, в области которого и должно произойти решающее размежевание с современной техникой. Хайдеггерианская утопия и хайдеггерианский ужасающий фантазм все сплавившего ядерного удара, вот два полюса, между которыми колеблется наше отношение к технике, наши отношения с техникой.

Чем глубже, однако, задумываемся мы о существовании техники, тем таинственнее делается существо искусства. Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы становимся. Ибо вопрошание есть благочестие мысли. (Heidegger, 1977: 35)

References

- Aristotle, Physics II
 Berners-Lee T. (2005). «Spinning the Semantic Web: Bringing the World Wide Web to Its Full Potential», The MIT Press
 Berners-Lee T. (2003). New issue – Meaning of URIs in RDF documents
 Deleuze, G. (1968) Différence et répétition, Paris, P.U.F.
 Derrida, J. (1998). Of grammatology. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press.
 Foucault, M. (1966). Les Mots et les Choses : Une archéologie des sciences humaines. Paris, Gallimard.
 Fielding R. T., «Architectural Styles and the Design of Network-based Software Architectures». (<https://www.ics.uci.edu/~fielding/pubs/dissertation/top.htm>)

- Harnad, S. "Post-Gutenberg galaxy: The fourth revolution in the means of production of knowledge." *The Public-Access Computer Systems Review* 2.1 (1991).
- Heidegger, M. (1977). *The Question concerning Technology*. Harper Torchbooks.
- Heidegger M. (1963) *Sein und Zeit*, Niemeyer, Tübingen
- Heidegger M. (1964) *Lettre sur l'humanisme*, Paris, Aubier.
- Heidegger M. (1959). *Qu'appelle-t-on penser ?* Paris, PUF.
- Heidegger M. (1959). « *La chose* », *Essais et conférences*, Paris, Gallimard.
- Heidegger M. (1958). « *La chose* », *Essais et conférences*, Paris, Gallimard.
- Hotois, G. (2014). *Le transhumanisme est-il un humanisme ?* Académie royale de Belgique.
- Latour B. (2010). *Prendre le pli des techniques*. *Réseaux*, vol. 5, p. 11-31.
- Liotard, J. F. *State of Postmodernity*. SPb.: Aleteya, 1998.
- Luhmann, N. "What is communication / Per. with him. D. V. Ozirchenko //". No 3. " *Sociological Journal* (1995).
- Maffesoli M. (2015) « *La question de la technique* » de Martin Heidegger. *De Boeck Supérieur « Sociétés »*, 2015/3, n129 pp. 11-15

2-бөлім
МӘДЕНИЕТТАНУ

Section 2
CULTURAL STUDIES

Раздел 2
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

A.T. Sariyeva , A.K. Zholdubayeva* ,
John A. Sweeney

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: albin.sariyeva@gmail.com

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE MODERN INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Changes in the external environment can have a significant transformational impact on the service sector. The crisis caused by the COVID-19 pandemic has affected all sectors of the economy, contributing to the urgency of new forms and technologies of work, including remote access and employment at home. The education system was one of the first to face global changes and the need to develop distance learning technologies for security purposes. In this regard, it is important to consider what the consequences and results of the educational process can be in a crisis. The study of changes in the education system in the context of a pandemic, the creation of a comparative assessment is important in terms of further adaptation of the education system to crisis phenomena, the development of effective technologies of remote interaction of participants in the educational process and the impact on the quality of education.

Key words: education, COVID-19 pandemic, distance learning technologies, virtual space, telecommunications, social consequences.

А.Т. Сариева, А.К. Жолдубаева*, Джон А. Суини

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: albin.sariyeva@gmail.com

Пандемияның қазіргі ақпараттық және білім беру ортасына әсері

Сыртқы ортадағы өзгерістер қызмет көрсету саласына елеулі трансформациялық әсер етуі мүмкін. COVID-19 пандемиясынан туындаған дағдарыс экономиканың барлық салаларына әсер етті, жұмыстың жаңа нысандары мен технологияларының, соның ішінде қашықтан қол жетімділік пен үйде жұмыспен қамтудың өзекті болуына ықпал етті. Білім беру жүйесі алғашқылардың бірі болып жаһандық өзгерістерге және қауіпсіздік мақсатында қашықтықтан оқыту технологияларын дамыту қажеттілігіне тап болды. Осыған байланысты дағдарыс жағдайында білім беру процесінің салдары мен нәтижелері қандай болуы мүмкін екенін қарастырған жөн. Пандемия жағдайындағы білім жүйесіндегі өзгерістерді зерттеу, салыстырмалы бағалау жасау білім беру жүйесін дағдарыстық құбылыстарға одан әрі бейімдеу, білім беру процесіне қатысушылардың қашықтықтан өзара әрекеттесуінің тиімді технологияларын дамыту мен білім сапасына әсері тұрғысынан маңызды болып табылады.

Түйін сөздер: білім беру саласы, COVID-19 пандемиясы, қашықтықтан оқыту технологиялары, виртуалды кеңістік, телекоммуникациялар, әлеуметтік салдар.

А.Т. Сариева, А.К. Жолдубаева*, Джон А. Суини

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: albin.sariyeva@gmail.com

Влияние пандемии на современную информационную и образовательную среду

Изменения во внешней среде могут оказать существенное трансформационное воздействие на сферу услуг. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, затронул все отрасли экономики, способствуя актуализации новых форм и технологий работы, в том числе удаленного доступа и занятости на дому. Система образования одной из первых столкнулась с глобальными изменениями и необходимостью развития дистанционных технологий в целях безопасности. В связи с этим следует рассмотреть, какими могут быть последствия и результаты образовательного процесса в

условиях кризиса. Изучение изменений в системе образования в условиях пандемии, проведение сравнительной оценки являются важными с точки зрения дальнейшей адаптации системы образования к кризисным явлениям, влияния на качество образования и развитие эффективных технологий дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса.

Ключевые слова: сфера образования, пандемия COVID-19, дистанционные технологии обучения, виртуальное пространство, телекоммуникации, социальные последствия.

Introduction

Education is a powerful driver of development and one of the most powerful tools for reducing poverty and improving the situation in the field of health, gender equality, peace and stability. Today, education has significant and sustainable benefits, in particular, has a positive impact on income and prevents the growth of inequality. Providing quality education that will help all children get the education they need to work is crucial to eradicating poverty by 2030. Although significant progress has been made over the past decade, about 121 million children in the world still do not attend primary and junior high school classes, and 250 million children cannot read or write, although they go to school. And in the world, which took place in 2020, the covid-19 coronavirus pandemic affected all spheres of public life, Production was suspended, borders of many countries were closed, quarantine and restrictive measures were introduced. Radical changes have also affected the education sector, and students and students have switched to a distance learning format. All students stopped attending school and higher education institutions at some point, and due to restrictive measures, they were banned from walking and attending sports and entertainment events.

The COVID-19 pandemic has caused disruptions in the educational process around the world and has had a huge negative impact on students and teachers around the world and the work of pre-school institutions, secondary schools, technical and vocational education and training institutions, universities, adult education institutions and advanced training centers. The crisis exacerbates the problem of previously existing inequality in education, reducing the opportunity for the most vulnerable segments of the population, young people and adults, a significant proportion of people living in poor or rural areas, girls, refugees, disabled people to continue their education. In addition, the cost of Education threatens to cover future generations and destroy the progress made over decades, which contributes to the access of girls and young women to education and the continuation of their studies. If we talk about the economic consequences of the pandemic,

in 2021, another 23,8 million children and young people (from preschoolers to university students) may drop out or become inaccessible to education (UN). In addition, the disruption of the educational process leads to serious consequences outside the educational system: the closure of educational institutions affects children and other communities, including complicating the organization of proper nutrition, affects the ability of many parents to do their job, and contributes to an increased risk of violence against women and girls. The global pandemic has consequences that threaten the success achieved at a high price in terms of improving global education [1, p. 12].

However, it should be noted that the crisis has stimulated innovation in the field of Education. To ensure the continuity of training and professional training, innovative approaches are used, from radio and television broadcasts to the provision of a set of materials for home study. Thanks to the rapid response measures taken by governments and partners around the world, including within the framework of the Global Education Coalition under the auspices of UNESCO, to organize the continuous learning process, distance learning solutions have been developed. In addition, this situation reminded us of the important role of teachers and reminded us that the government and other key partners are tasked with caring for education workers.

Results and Discussion

By mid-April 2020, the pandemic had affected 200% of students in 94 countries around the world, i.e. 1.58 billion children and young people (from preschoolers to university students) (World Bank).

Even if there is a response to the spread of COVID-19, it is clear that school closures will in any case cause educational losses for children and young people studying at school. Data on the consequences of the polio pandemic of 1916 [3, p. 22]; World War II [4, p. 58]; and various natural disasters show that disrupting the normal learning process in school has long-term consequences. According to research, school closures have a negative impact on learning for two reasons: first, students receive less learn-

ing material when schools are closed. Secondly, stopping attending school usually leads to a loss of previously acquired knowledge and skills, which is reflected in the loss of knowledge of vulnerable groups of students during the summer holidays [5, p. 3].

The pandemic also has a side effect on education. This is the financial well-being of the people. Due to budget tax problems and an increase in the burden on development assistance systems, education funding can pose a serious threat, exacerbating the huge deficit of funds allocated for education before COVID-19.

All these cases indicate the importance of analyzing the impact of the COVID-19 pandemic on the information and educational environment that occurred in 2020. To find out how the education system of Kazakhstan has changed, it is necessary to conduct a detailed statistical analysis. In addition, in order to consider the global consequences of this pandemic situation, we can determine the level of

impact of the covid-19 pandemic on education by conducting a comparative analysis for the countries of Central Asia and Europe.

What is the impact of the pandemic on the information and educational environment?

In September 2015, at the world high-level meeting on Sustainable Development under the auspices of the United Nations in New York, Member States officially adopted the Sustainable Development Agenda for the period up to 2030. This goal is to provide comprehensive and fair quality education and encourage lifelong learning opportunities for everyone (including seven tasks and three methods). This agenda included 17 goals, including the new global education goal (SDG 4 – sustainable development goal 4). SDG 4 – provide comprehensive and fair quality education and encourage lifelong learning opportunities for all. And in the picture below, you can see the deficit in the amount of funds planned to reach the SDGs 4 [1, p. 17].

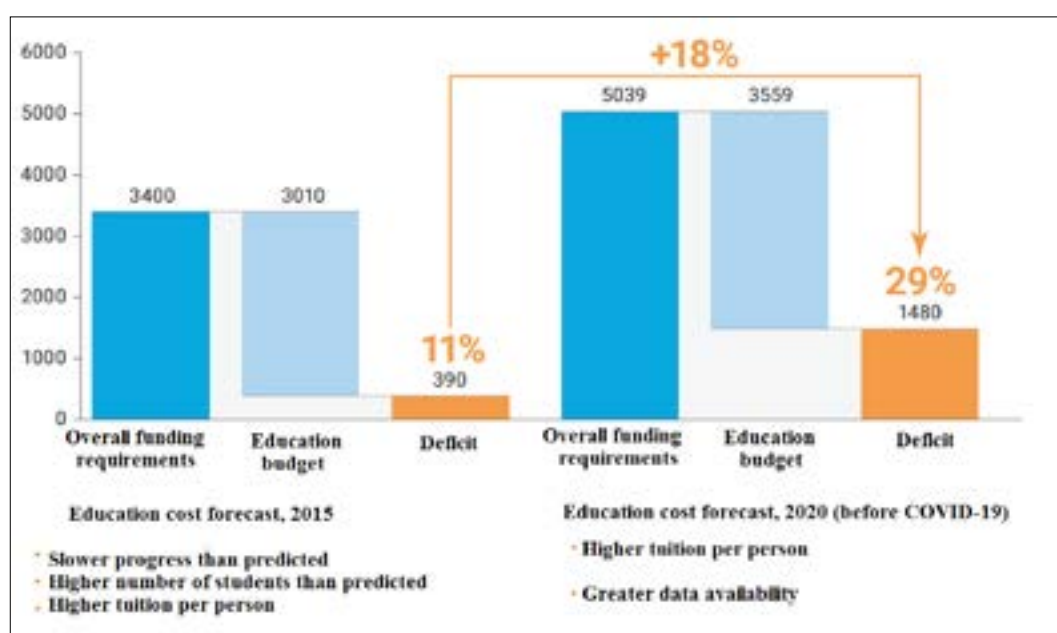

Figure 1 – Shortage of funds to achieve SDGs before COVID-19 (million. US dollar)

In addition to closing schools, the economic downturn caused by the pandemic could lead to more students leaving, leading to a further increase in education costs. Currently, government agencies and educational institutions are doing everything possible to reduce the consequences of school closures, ensuring the possibility of switching to distance learning. There were huge differences be-

tween the countries in the level of preparation for the transition to distance learning, in some cases the transition to distance learning was carried out urgently. There is little data to assess the effectiveness of distance learning at the basic general education level, and it is difficult to assess the effectiveness of these cost reduction measures. However, it is now becoming increasingly clear that distance learning

differs from full-time learning by “inequality of opportunities”. In this case, an important role is played by such characteristics as the availability of the internet and the necessary technical means, as well as the presence of family members who can help children during classes.

UK experience shows that during school closures in March-May 2020, children from wealthy families spent 30% more time studying at home than children from low-income families [6, p. 7]. According to other studies, differences in homeschooling have shown significant inequality in opportunities between regions and social groups. Thus, a pandemic can eventually lead not only to a decrease in average academic performance, but also to an increase in inequality in educational outcomes.

In Europe and Central Asia, girls ‘education results are higher than boys’, but in distance learning, girls have less time to study if they have to work more at home than boys, so they may lose this advantage. In addition, if school dropouts increase, boys may fall even further behind. Students with special needs may also suffer, as not all forms of distance learning are possible for them [2, p. 12].

Due to the closure of schools, the ability of the pandemic to respond depended on the level of development of the country: for example, in the second quarter of 2020, in countries with a low Hu-

man Development Index, 86% of primary school children stopped studying, and in countries with a very high Human Development Index, this figure was only 20%. The deficit in funding for education was 1 148 billion for low-income and low-income countries. According to calculations, in a year and in the current conditions, this amount may increase by a third.

Academic performance in Central Asia and Europe in the context of the COVID-19 pandemic

On the eve of the pandemic, almost all countries of the world completely closed all institutions of their educational systems, thereby trying to increase social distancing and prevent the spread of infection. In countries that have closed educational institutions, the number of Lost study days varies from 38 in Denmark, to about 120 in Azerbaijan and Georgia (Table 1). Previously, schools in the region were closed during a severe outbreak of seasonal flu, as well as during a pandemic known as swine flu (H1N1) in 2009. According to epidemiological data, the closure of schools helped reduce the spread of infection. Data on the effectiveness of this measure in the case of coronavirus infection are contradictory. The results of one study show that school closures had little or no effect on the spread of COVID-19. However, this is one of the most effective non-medicinal measures [2, p. 4].

Table 1 – Impact of the COVID-19 pandemic on academic performance for Central Asian and European countries

Countries	Assessment of the potential of mobilization	Number of schools closed	Duration of school education, years (current state)	Scenarios for changing the duration of school education		
				Optimistic	Intermediate	Pessimistic
Central Asia	2,3	104	8,8	-0,63	-0,6	-0,9
Kazakhstan	3	108	9,1	-0,3	-0,6	-1,0
Kyrgyzstan	2	108	8,7	-0,4	-0,6	0,9
Tajikistan	2	74	6,8	-0,3	-0,5	0,7
Uzbekistan	2	108	9,1	-0,3	-0,6	-1,0
Eastern Europe	2,2	74	9,9	-0,4	-0,6	-0,9
Ukraine	2	87	9,9	-0,4	-0,6	-0,9
Northern Europe	5	33	11,4	-0,2	-0,7	-1,1
Denmark	5	38	11,1	-0,2	-0,7	-1,1
Russian Federation	4	101	10,9	-0,3	-0,7	-1,0
Azerbaijan	3	121	8,3	-0,3	-0,6	-0,9
Georgia	3	122	8,3	-0,3	-0,7	-1,1
Southern Europe	4,9	93	10,5	-0,3	-0,7	-1,1
Western Europe	4,7	62	11,3	-0,2	-0,6	-1,1
* World Bank report on the economy of Europe and Central Asia						

According to the estimates of the World Bank specialists of the Department of global practice in education in Europe and Central Asia, when differentiating the effectiveness of distance learning regimes, a tool was used to simulate the impact of school closures on the inequality of educational outcomes (efficiency for the poorest students – 25%, for the average students – 50% and for the richest students – 75%). As a result, it was found that in the course of distance learning, the gap in the educational achievements of the richest and poorest groups of students should increase by 8-30% in Central Asia, by 11-18% in the South Caucasus, by 11% in the Western Balkans and by 9% in Central Europe (World Bank). The impact of such a failure on higher education is more difficult to model due to the lack of an estimate of the «amount» of knowledge gained in a normal academic year.

Universities in almost all countries of the world have also switched to online learning. Therefore, the quality of education in higher education institutions is also influenced by factors in the basic general education system, namely: access to technical means for the use of it, the availability and quality of internet communication, a place for classes or training, and the necessary training and content for training in an online environment. The transition to full online learning can be an obstacle to high school graduates' timely admission to higher education institutions. In case of delay in admission to the university, there are such problems as the inability of some of these students to study at the university (or do not enroll in the University). Universities where many international students usually study can lose a significant portion of their income if enrollment decreases.

The economic downturn caused by the pandemic can also have negative consequences for university graduates. The experience of Canada shows that during a recession, students who graduate from college for at least a decade face constant difficulties from low wages, mainly limited opportunities in the labor market, which exacerbates the initial problem of inequality.

There is no clear understanding of the impact of the recession on the outflow of students from higher education institutions. On the one hand, families may not be able to support adult children due to a decrease in household income. On the other hand, in times of economic downturn, especially in places with high unemployment rates, the cost of studying at a higher educational institution decreases. Data on the outflow of students from colleges in Italy dur-

ing the recession of 2008-2009 show that these two effects (the recession and the decline in tuition fees) compensate for each other, and there was no change in the rate of dropout [7, p. 51].

Information and educational system of Kazakhstan in the context of a pandemic

The education system in Kazakhstan made every effort to ensure high-quality education for all students before the COVID-19 global pandemic began. However, in PISA 2018 (program for International Student Assessment), student performance decreased compared to 2012 (in 2012-393 points, in 2018 – 387 points) and was lower than the OECD average. Two-thirds of the students tested by PISA showed low results in functional literacy. Despite these problems, the COVID-19 pandemic has forced Kazakhstan to close schools and switch to emergency distance learning using online platforms and television broadcasts. Due to the extreme nature of distance learning initiatives, the effectiveness was expected to be lower than that of full-time education.

In Kazakhstan, the COVID-19 pandemic has led to significant learning costs and has not pushed many students into functional illiteracy. It is estimated that the student will receive 40 points from PISA during the year, schools will be closed for an average of about four months, and, considering that distance learning in the country is twice as effective as full-time education, it is estimated that the PISA rate of study in Kazakhstan will decrease to the equivalent of 8 points (Figure 2). In addition, according to estimates, the percentage of students with low functional literacy increases by 3% (from 64% to 67%) [8, p. 3].

The differentiated accessibility and effectiveness of distance learning expands the learning gap between students. Distance learning may not be effective for all students, but it is extremely inefficient for students from the lower socio-economic group. When parents work from home, the need for parental work prevails, and only students from well-connected families and those who have multiple computers, electronic devices, and TVs can take full advantage of distance learning. Students with special needs may face unique access problems to distance learning content. According to PISA 2018 data on access to learning forms and forecasts of differentiated effectiveness, the gap in academic performance between children from poor and rich families is expected to increase by 18% after the short-term closure of the school (PISA 45 to 53 points) (Figure 3).

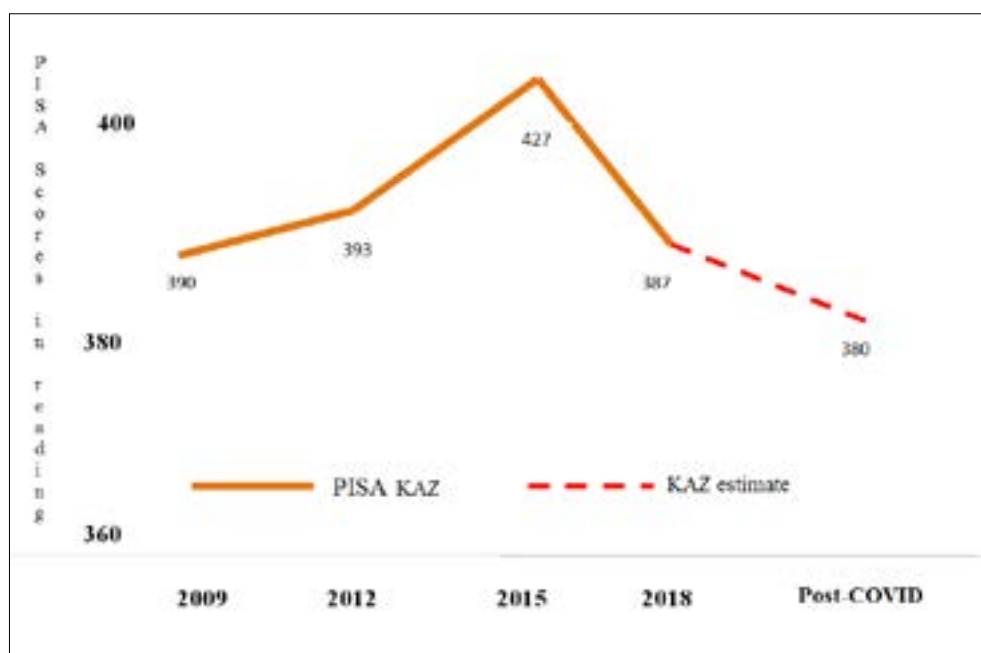

Figure 2 – Assessment of PISA scores related to COVID-19

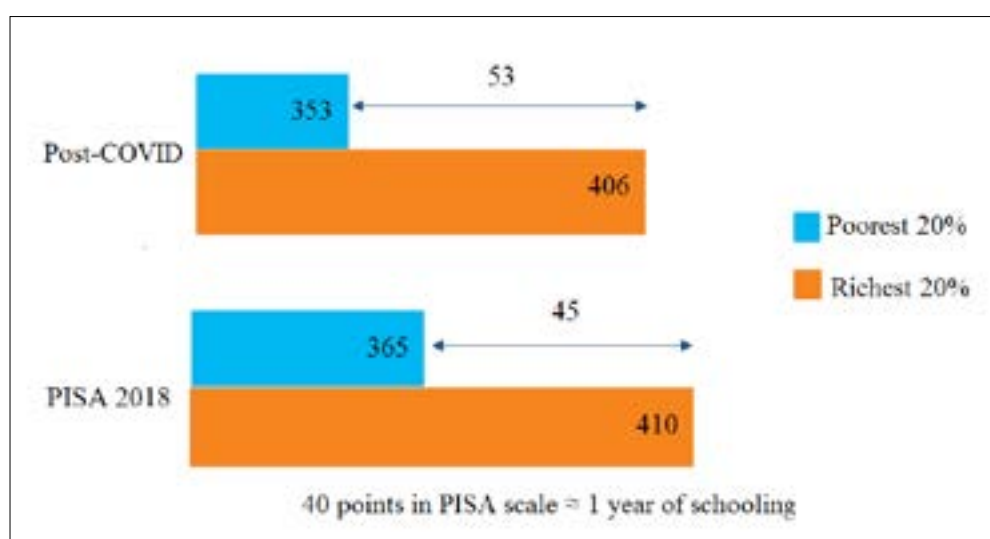

Figure 3 – The impact of COVID-19 on the difference in socio-economic achievements

Geographical inequality often worsens the social situation. Experts have divided Kazakhstan into four regions with different income levels, life expectancy, birth rate and other indicators that affect the Human Capital Index (HCI). The difference between four different regions is large: for example, there is a four-fold difference between regions with high efficiency in terms of income and low efficiency, the north of the country in terms of birth can be compared with Europe, the South shows the trends of countries with low income, and the north-west of

Kazakhstan in terms of life expectancy is similar to sub-Saharan Africa.

The results of the PISA also confirm the differences in human capital across Kazakhstan, according to which low-performance regions lag behind high-performance regions by four years and show weak results in rural and urban schools. Regional performance is high, and the gap between urban and rural schools shows that the indicators of the smallest North Kazakhstan region show that there are opportunities for other regions (Figure 4).

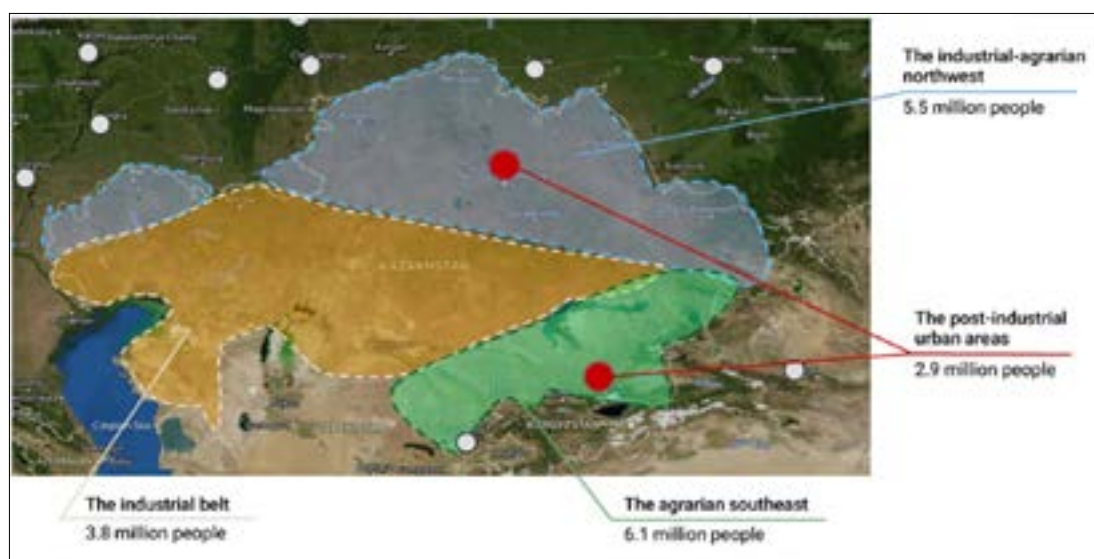

Figure 4 – Geographical features of human capital in Kazakhstan

Another concern is the gap between the best and low-performance students. Take Nazarbayev Intellectual Schools (NIS), a network of 22 highly competitive schools for the best students aged 5 to 18 years. NIS students were ahead of their peers by 124 points according to PISA, which indicates almost three years of study time.

As for functional literacy, the academic performance of NIS students also differs significantly: according to the PISA results for 2018, only 6.2% of NIS students were recognized as functionally illiterate (out of 67% across the country).

The impact of academic performance and income shocks caused by the current pandemic can lead to higher school dropout rates in the medium term. Students who lag behind in their studies are more likely to be demotivated and have a higher risk of dropping out of school. The loss of household income due to COVID-19 also tests the ability of households to pay for the maintenance of students in school, increases the number of young people who do not attend school, and prevents the transition to post-secondary education. If the authorities do not take measures to compensate for the cost of training and protecting human capital in the affected group, the impact of COVID-19 on education will have a decade-long impact on the economy. Since years and quality of school education are associated with the possibility of generating income in the future, closing schools can lead to a decrease in the income of those affected. According to estimates, in Kazakhstan, four months after the closure of schools in March-June 2020, future revenues may decrease by

2.9%, which is equivalent to a total economic loss of 1 1.9 billion per year.

Kazakhstan needs to increase the cost of education and Justice, ensure recovery to compensate for the cost of Education, prevent the expulsion of students and invest in the creation of a sustainable education system for other crises in the future, as well as the need to achieve the level of development that the country strives for.

The HCI value shows how productive the child will be in the future if he is healthy and educated. In the period from 2010 to 2020, Kazakhstan's HCI index, although average, showed a slight increase from 59 to 63 points. This increase was mainly due to improved health: increased survival rates for adults and reduced growth retardation among children under the age of five [9, p. 53].

Conclusion

The pandemic has clearly shown that in times of crisis, there can be a significant increase in inequality in access to quality education. Distance learning, which has become a necessity as a result of the pandemic, has posed a challenge both for teachers, who have not always had the necessary skills for this form of learning, and for students, who have not always had access to the digital technologies necessary for distance learning. School closures can lead to educational losses even when alternative forms of education are provided. Their closure can be particularly detrimental to children from socially vulnerable families. In addition, today's labor markets

require a higher level of human capital development than in the past; therefore, having a solid foundation becomes increasingly important, since basic education will not be enough.

Strengthening human capital is an urgent task for a country that seeks to enter the top 30 most developed countries by 2050. Kazakhstan is the largest landlocked and sparsely populated country in the world, and it cannot rely solely on natural resources or densely populated markets to ensure growth. For this purpose, Kazakhstan plans to increase funding for education from the current 3.4% to 7% of GDP by 2025. This is a long-awaited initiative that will bring the country to the average level of OECD spending, but it is important to ensure that these investments are used wisely and effectively, and that they benefit all children.

The projected significant impact of the current pandemic on educational outcomes requires commitment and constant monitoring at the highest levels of Public Administration. Strengthening control, evaluation, mentoring, and accountability can help schools and teachers achieve results.

Central Asian countries, including Kazakhstan, can ensure a significant increase in labor productivity by improving the quality of basic general and higher education. To achieve this goal, it is necessary to: 1. modernize the basic general education system to create a solid foundation; 2. improve the quality and relevance of vocational education and higher education; 3. eliminate the inequality of educational opportunities and outcomes, which remains an unresolved problem at both levels of education systems. All strategic initiatives should be made taking into account the post-crisis context in which distance learning plays an important role during the pandemic. The first task that needs to be solved is to provide all students with technical means for using it and the ability to connect to communication channels necessary for full distance learning. The second task is to improve the quality of distance learning. It is necessary to train teachers and school principals to make the most effective use of distance learning mechanisms and provide them with appropriate resources to ensure that children actually master knowledge and skills. The third task is to prevent distance learning from becoming a cause of inequality in educational outcomes.

The main task for world leaders and the entire educational community should be to prevent the education crisis from turning into a generational catastrophe. This is the best way not only to protect the rights of millions of students, but also to promote

economic progress, sustainable development and lasting peace. The UNESCO-led Global Coalition on Education, which includes United Nations entities, international organizations, private sector actors and representatives of civil society, is currently taking active steps to support the education response of countries in response to COVID-19.

To reduce the impact of the pandemic on the information and education system, the following recommendations are being developed:

1. Suppressing the spread of the virus and carefully planning the reopening of schools. The most effective measure that countries can take to reopen schools and other educational institutions as soon as possible is to suppress transmission of the virus in order to contain outbreaks at the national or local level. If they have achieved this, they should then follow the parameters set out below and conduct a thorough preparatory consultation process as they tackle the difficult task of returning to school.

2. Protecting sources of education funding and coordinating actions to achieve results. The pandemic has caused the deepest global economic crisis in modern history. It will have a lasting impact on the economy and public finances. The impact has been particularly severe for low-income and lower-middle-income countries. Despite the constraints on public spending, national authorities must take measures to mitigate the long-term impact on children, with education measures, along with health, social protection and economic recovery initiatives, to be part of national stimulus packages in response to COVID – 19. The international community also needs to take measures to protect the sources of funding for education. The expansion of the budget space, which is already high on the international agenda, especially with regard to education, is becoming a matter of paramount importance. In this regard, several mutually reinforcing aspects should be highlighted: increased domestic revenue mobilization, maintaining the priority share of education spending and addressing inefficiency in spending; strengthening international cooperation to resolve the debt crisis; and protecting sources of official development assistance for education.

3. Improving the viability of education systems for equitable and sustainable development. Education, which is an inalienable human right — is the foundation for a just, equitable and inclusive society and one of the most important factors for sustainable development. Improving the resilience of education systems enables countries to address the immediate

challenges of safely reopening schools and prepares them to better cope with future crises.

4. Rethinking education and accelerating positive change in teaching and learning. Against the backdrop of widespread school closures and the end of non-formal learning, an impressive and innovative response has been put in place to support learning and teaching. But the response also revealed significant gaps, primarily the digital divide. Educational losses resulting from prolonged school closures are jeopardizing numerous educational

achievements. For several reasons, the world will not be the same again. As the “resilience-focused recovery” progresses, education systems must be made more flexible, fair and inclusive.

The titanic efforts made in a short time to respond to the upheaval in education remind us that changes that were previously considered difficult or unattainable are still possible. We must seize this opportunity to find new ways to overcome the education crisis and develop a set of long-term solutions.

Литература

- Концептуальная записка: Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период / Доклад ООН. – 2020. – 32 с.
COVID-19 и человеческий капитал /Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. – Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. – 2020. Doi: 10.1596/978-1-4648-1643-7.
Meyers K., Thomasson M.A. Paralyzed by Panic: Measuring the Effect of School Closures during the 1916 Polio Pandemic on Educational Attainment. – Cambridge, MA 02138. – 2017. – 29 p.
Ichino A., Winter-Ebmer R. The Long-run Educational Cost of World War Two // Journal of Labor Economics – № 22(1). – P.57-86. DOI: 10.1086/380403
Alexander K., Pitcock S., Boulay M. The Summer Slide: What We Know and Can Do About Summer Learning Loss. – New York: Teachers College Press. – 2016. ISBN 0807775096
Andrew A. Learning During the Lockdown: Real-Time Data on Children’s Experiences during Home Learning. – London. – 2020. – 57 p.
Adamopoulou E., Tanzi G.M. Academic Drop-Out and the Great Recession // Human Capital. – № 11 (1). – 2017. – P. 35-71.
PISA 2018 Results / OECD 2019. [electronic resource] URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf
The human capital index / International Bank for Reconstruction and Development. – The World Bank, 2018. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

References

- Konceptual'naya zapiska: Obrazovanie v epohu COVID-19 i v posleduyushchij period / Doklad OON. – 2020. – 32 s.
COVID-19 i chelovecheskij kapital /Doklad ob ekonomike regiona Evropy i Central'noj Azii. – Vsemirnyj bank, Vashington, okrug Kolumbiya. – 2020. Doi: 10.1596/978-1-4648-1643-7.
K. Meyers, M.A. Thomasson. Paralyzed by Panic: Measuring the Effect of School Closures during the 1916 Polio Pandemic on Educational Attainment. – Cambridge, MA 02138. – 2017. – 29 p.
A. Ichino, R. Winter-Ebmer. The Long-run Educational Cost of World War Two // Journal of Labor Economics – № 22(1). – P.57-86. DOI: 10.1086/380403
K. Alexander, S. Pitcock, M. Boulay. The Summer Slide: What We Know and Can Do About Summer Learning Loss. – New York: Teachers College Press. – 2016. ISBN 0807775096
A. Andrew. Learning During the Lockdown: Real-Time Data on Children’s Experiences during Home Learning. – London. – 2020. – 57 p.
E. Adamopoulou, G. M. Tanzi. Academic Drop-Out and the Great Recession // Human Capital. – № 11 (1). – 2017. – P. 35-71.
PISA 2018 Results / OECD 2019. [electronic resource] URL: https://www.oecd.org/pisa/Combined_Executive_Summaries_PISA_2018.pdf
The human capital index / International Bank for Reconstruction and Development. – The World Bank, 2018. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3.

Zh.K. Rystan* , **R. Kemberbay**

L.N. Gumilyov Eurasian national university, Kazakhstan, Nur-Sultan

*e-mail: rystan1994@mail.ru

METHODS USED IN THE GROUNDING OF EPISTEMOLOGY IN THE XX CENTURY: THE CASE OF HEIDEGGER AND HARTMANN

The article examines the methods used in contemporary epistemology, we will focus on ontologically based epistemology made by Hartmann and Heidegger. The traditional philosophy which is under big critics should be re-examined and given its original meaning by giving it a new direction. The article is not about how Hartmann and Heidegger were doing it, but it rather about why it is necessary to switch to an ontology structure instead of the main search of traditional philosophy. Mainly it sprouted in the XIX century and took its true form in the XX century. The positivist understanding of science, in the XIX century, argued that science and philosophy had great responsibilities in changing and transforming the world, and accordingly, it reduced philosophy to a discipline based solely on natural sciences, logic and mathematics. According to this understanding, western-based concepts such as 'universality', 'objectivity', and 'rationality' were glorified as indispensable values of modern science.

However, since XX century the positivist understanding has been subjected to serious criticism. One of these general transformations is that Heidegger and Hartmann tried to reconstruct the way of thinking in the search for the absolute in traditional philosophy.

Key words: Epistemology, ontology, method, positivism, objectivity, Hartmann, Heidegger.

Ж.Қ. Рыстан*, Р. Кемербай

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

*e-mail: rystan1994@mail.ru

XX ғасырда эпистемологияны негіздеу мақсатында қолданылған әдістер: Хайдеггер мен Хартманның мысалы

Мақалада қазіргі эпистемологияда қолданылатын әдістер қарастырылады, біз неміс ойшылдары Николай Хартман мен Мартин Хайдеггер жасаған онтологияға негізделген эпистемологияға тоқталамыз. Байыпты сынға ұшыраған дәстүрлі философияны қайта қарап, оған жаңа бағыт бере отырып, бастапқы мағынасына қайтадан оралу керек деген пікірлерін қарастырамыз. Мақалада Хартман мен Хайдеггер мұны қалай жасағаны туралы емес, дәстүрлі философияның негізгі ізденісінің орнына онтологияның құрылымына көшу қажет екені туралы ойларын не себептен пайда болғанына сараптама жасалады. Негізінен бұл үрдіс XIX ғасырда пайда болып XX ғасырда өзінің шынайы күшін алған болатын. XIX ғасырдағы ғылым туралы позитивистік түсінік, ғылым мен философияның әлемді тану және өзгерту жолында үлкен жауапкершілік жүктелген салалар екендігін дәлелдеді, сәйкесінше олар философияны тек жаратылыстан логика мен математикаға негізделген пәнге айналдырды. Осы түсінікке сәйкес «универсиализм», «объективтілік» және «рационалдылық» сияқты батыстық ұғымдар қазіргі ғылымның таптырмайтын құндылықтары ретінде жарияланды.

Алайда, XX ғасырдан бастап позитивистік түсінік ауыр сынға ұшырады. Жалпы түрлендірулердің бірі – Хайдеггер мен Хартман дәстүрлі философияда абсолютті іздеудегі ойлау тәсілін қайта құруға тырысты.

Түйін сөздер: Эпистемология, онтология, әдіс, позитивизм, объективтілік, Хартман, Хайдеггер.

Ж.К. Рыстан*, Р. Кемербай

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан

*e-mail: rystan1994@mail.ru

Методы, используемые в обосновании эпистемологии в XX веке: пример Хайдеггера и Хартмана

В статье исследуются методы, используемые в современной эпистемологии, в этой статье мы сосредоточимся на онтологически обоснованной эпистемологии, разработанной Хартманом и Хайдеггером. Традиционную философию, которая подвергается серьезной критике, следует пересмотреть и придать ей первоначальный смысл, придав ей новое направление. Статья не о том, как Хартман и Хайдеггер хотели реализовать это, а о том, почему было необходимо перейти к структуре онтологии вместо основного поиска традиционной философии. В основном он зародился в XIX веке и принял свой истинный вид в XX веке. Позитивистское понимание науки в XIX веке утверждало, что наука и философия несут большую ответственность за изменение и преобразование мира, и, соответственно, они свели философию к дисциплине, основанной исключительно на естественных науках, логике и математике. В соответствии с этим пониманием такие западные концепции, как «универсальность», «объективность» и «рациональность», были провозглашены незаменимыми ценностями современной науки.

Однако с XX века позитивистское понимание подвергается серьезной критике. Одна из этих общих трансформаций заключается в том, что Хайдеггер и Хартман пытались реконструировать образ мышления в поисках абсолютного в традиционной философии.

Ключевые слова: Эпистемология, онтология, метод, позитивизм, объективность, Хартман, Хайдеггер.

Introduction

The main focus of contemporary epistemology, unlike what is generally seen in history, has been to give an analytical definition of knowledge and to explain its conceptual elements. J.L. As Pollack states in his book 'Contemporary Theories of Knowledge', he says that 'the primary issue at the center of epistemology is informational justification'. However, in another contemporary period, a significant part of the philosophers who produced ideas on epistemology argued that the concept of justification in the definition of knowledge is not illuminating at all. And they had acted on the assumption that it caused quite the opposite major problems and responses. As a result, the informational justification literature has been the scene of critical debates and conflicting theories revolving around the axes of interiority-externality, foundationalism-cohesionism, and contextualism. (Mehdiyev, 2011, page 31)

As for contemporary methods of epistemology, they are: an act of analytical knowledge imparted by such figures as G. Frege, B. Russell, and G. Moore, who opened up against Hegelian influence. Here Russell and Whitehead's 'Principia Mathematica' is an important turning point. That is, their method must confine itself to careful analysis of concepts, since it is not a branch of philosophy, logic, or mathematics, nor a natural science comparable to physics or biology. In other words, it is a method

of acquiring science that centers on mathematics. The other method derived from this method is more generally XX. It is a method of acquiring science, which includes the analysis of language, carried out by the philosophers of the XIX century (West, 1998, s. 14-15). This view in English-speaking countries has been threatened by continental European approaches. They are hermeneutic, structuralist, post-empiricist, deconstructionist, etc. approaches (Skinner, 1997, page 14).

Knowledge problems initially constitute one of the main fields of philosophy; Issues such as the source of information, how it is formed, its accuracy and precision are among the most discussed information problems. However, XX. If we look at the opinions of Hartman and Heidegger, who lived in the 19th century, we realize that their thoughts have undergone a profound change. That is, it differs from the thinking of classical philosophers and their executing approaches.

Results and Discussion

Ontology: N. Hartmann

Many modern philosophers have explored the limits and foundations of human knowledge; Along with Descartes, Locke saw the source, precision and scope of human knowledge as its main purpose. Moreover, for Berkeley, philosophy consists of the search for wisdom and truth. With him, Hume laid

some kind of foundation for the sciences, but denied the possibility of explaining the ultimate principles of human knowledge. Under the influence of Hume, Kant attempted to give a critique of human cognition, that is, many philosophers, including Descartes, examined the limits and foundations of human knowledge in very different directions (Çüçen, 2011, page 50).

Ontology has been treated together with phenomenology as a self-science in our age, and it has been revived by Hartmann, who takes the independence of the existing from knowledge as a starting point, especially in the field of values. However, he is accepted as the founder of the new ontology, as he accepts that the ontological structure is the basis of all philosophical problems. Hartmann says that there is a unity and integrity of the being that stands in front of us innumerable and constitutes a multiplicity, which also carries this multiplicity and diversity within itself. What provides this integrity or unity is that the existent has a stratified structure (Hartman, 1998, page 17).

Knowledge problems initially constitute one of the main fields of philosophy; Issues such as the source of information, how it is formed, its accuracy and precision are among the most discussed information problems. However, XX. If we look at the opinions of Hartman and Heidegger, who lived in the 19th century, we realize that their thoughts have undergone a profound change. That is, it differs from the thinking of classical philosophers and their executive approaches (Hartman, 1998, s. 1). An advanced expression of this relation of categories was found by Kant on the basis of transcendental idealism and expressed as the identity thesis. But this thesis was later completely overshadowed by the fictional systems of German idealism, and it was forgotten as a result of the years-long struggle of Positivism against German Idealism. Later, however, the wiser New Kantians pulled him out of this oblivion and brought him into the position he deserved; but this too was done on the basis of idealistic assumptions and without a full grasp of what Kant had accomplished; because the thesis of the identity of the categories of knowledge and existence gains full meaning only on the basis of ontology. Although not positively exhausted to the end, it is only here, on the basis of ontology, that a preconception of the knowledge connection in all its dimensions can be achieved, as the theories of the Ancient philosophers clearly saw and the Skeptics grasped the insolubility in this relation. (Hartman, 1998, page 1).

This view of knowledge, which we have mentioned above, as a 'transcendental' view has since become more entrenched, and a number of other important conclusions have been drawn from it. Because this view is not only based on idealist theories, correlativism also starts from the point of inseparability of the connection of subject and object from each other, phenomenology bearing Husserl's mark (which he put forward in "Ideen"), and even the view of historical relativity regarding truth and existence are based on this. Lastly, what we call righteousness is counted as being very different; but the main idea is always the same: we cannot know things 'as they are', all we have of them is variable understandings. (Hartman, 1998, page 1).

This view of knowledge, which we have mentioned above, as a 'transcendental' view has since become more entrenched, and a number of other important conclusions have been drawn from it. Because this view is not only based on idealist theories, correlativism also starts from the point of inseparability of the connection of subject and object from each other, phenomenology (which he put forward in "Ideen") bearing the stamp of Husserl, and even the view of historical relativity regarding truth and existence are based on this view. Lastly, what we call righteousness is counted as being very different; but the main idea is always the same: we cannot know things as they "are", the only thing we have left of them is variable understandings (Hartman, 1998, page 2).

Hartmann says that at the end of these analyzes that comprehend knowledge in all its dimensions, the knowledge relationship is basically an entity relationship. Knowing is an act that goes beyond the subject; It is revealed that the object has an existence of its own beyond being an object. The ontological foundations of knowledge are exhibited in all its dimensions. Knowledge of these fundamentals is capable of illuminating many knowledge problems. Because it is its ontological foundations that determine the quality of knowledge and ultimately its accuracy and certainty. For this reason, these ontological analyzes are needed in order to discuss the problem of accuracy-precision in knowledge (Hartman, 1998, page 9).

Looking at today's epistemological problems with Hartmann's new ontology will reveal the reasons for the deadlocks that some of today's common knowledge views have fallen into, and will end many discussions. Because, Hartmann's view of knowledge and his view of knowledge are the clearest indicator of how this kind of a look, which is

almost forgotten today, can be in the light of many epistemological questions, especially the problem of relativity of accuracy, and looking at information from its object, from the ontological structure of the object. are the successes of those who take steps in philosophy? Hartmann's philosophy is to remind once again the ontological view and achievements of the views of knowledge that forget the object of knowledge. (Tepe, 1998, page viii).

Ontology: M. Heidegger

What is the meaning of being, what is being, his study of being and his etymological studies on being led Heidegger to pre-Socratic natural philosophers? He started to question this question, which he has asked from today, from the very beginning of humanity's philosophical adventure, and that natural philosophers grasped existence a priori and directly, and became the initiator of the metaphysics of this kind of comprehension of existence, together with Plato. Philosophy has now become the universe of explaining the existence of metaphysics. This metaphysical understanding of existence, which continued with Aristotle, gained a linguistic meaning in the Middle Ages and turned into the field of divine existence. Heidegger, who claimed that the existence of modern western philosophy, which started with Descartes, was handled with a metaphysical understanding of its epistemological basis, made his biggest objection to the Cartesian tradition. Heidegger's aim is to develop an ontology-based theory of being (existence) by reinterpreting the dualist understanding of being based on epistemology, which is based on the Cartesian tradition. (Güçen, 2003, page 14).

According to Heidegger's interpretation, the scientific mind of the West gets to work after these attempts fail. But scientific reason retains, if not normative, at least the fundamental metaphysical belief that it makes sense to speak of its causal foundations as absolute or unconditional real grounds. This scientific ontology leads to the concession of natural science to its assumptions about what is real, to our culture's bias in favor of science and scientific method as the only true knowledge. In order to question the dominance of scientific reason, it is necessary to start with the basic assumptions of modern philosophers, since the idea of western metaphysics, which is absolutely and unconditionally true, is rooted in them for the first time. (West, 1998, page 138).

According to Heidegger, the pre-Socratic philosophers Parmenides, Heraclitus and Anaximander are primarily those who think and question Being. These thinkers asked the question 'What is Being?' directly and in a priori way. Heidegger calls these thinkers 'primordial thinkers'. But, he says, post-Socratic thinkers took the question of Being in the background. Therefore, the question of 'What is Being?', which is the subject of traditional philosophy, has left its place to the question of 'What are existing objects and objects?'. As a result, the separation of the world of ideas from the world of appearances, which started with Plato, led to the separation between being and objects. This distinction caused the devaluation of ontology, which is the main subject of philosophy. Because, according to Heidegger, the history of philosophy has brought wrong explanation and interpretation to the question of "Being" with a traditional and metaphysical approach. Thus, the history of philosophy left its place to traditional (Aristotle) metaphysics, and 'Being' separated from objects and 'existence' from 'essence'. As a result of this differentiation, these concepts remained under the influence of assumptions that did not have a clear character. For Heidegger, because of the primacy of essence over existence, the meaning of existence as being-as absolute and prior was lost and forgotten. Here we can see similar elements of Heidegger with Hartmann. Like Heidegger and Hartmann, 'Being', history of philosophy According to Heidegger, post-Socratic thinkers explained the real meaning of 'Being' with metaphysical concepts and made them forget its original meaning. According to Heidegger, traditional philosophy must be studied and given its original meaning (Çüçen, pages 8-9).

Heidegger says that we can grasp being only in its ontological priority. Being that is comprehended and questioned, Dasein finds its meaning not in the light of theories and hypotheses consisting of propositions, but in the existential structure of the being called Dasein, which is the meaning of being in itself. The existential structure of Being, then, can only be grasped by fundamental ontology. Mathematics, theology, natural sciences or human sciences cannot give the meaning of Being. Because all these fields of knowledge are disciplines that deal with existence conceptually. These disciplines, which see Being as an object of knowl-

edge, give a conceptual description of beings, not the meaning of Being. Making Dasein an object of knowledge means explaining it not from its existential structure, but from its conceptual structure. Dasein is first of all not the object of knowledge, but the Being that gives modes of being in itself. Only its own existence can give Dasein's being. (Çüçen, 2003, pages 11-12).

Heidegger defines the analysis of Dasein, which is unfolded in the World of Being, as a dominant subject in his work 'Being and Time'. In The Letter on Humanism, Heidegger speaks of 'Being and Time', of time and the return to being. It asks the question of being understood in time. He emphasizes that the idea that things have an essence has determined Western thought since the Greeks and laid the groundwork for metaphysics. The existence of Essence also requires the existence of a non-essence. Whereas, there is no openness in a subject-object relationship by the self-existing human. Man cannot determine the existent with the epistemological possibility of knowing, the existent being intelligible by the human is only possible by the existence revealing itself in some way. (Pöggeler//Aleman, 1994, pages 26-27).

For Heidegger, if he grasped not only the possibility of being-there, but the possibility of making his existence transparent not only to himself, but of interrogating the meaning of existentialism itself in advance of the meaning of being-there in general, and if in such an inquiry the eyes of being-there were opened for his essential historicity, then in relation to being-there- The insight that the investigation, exhibited in terms of ontological necessity, is itself determined by historicity, is inevitable (Heidegger, 2004, page 45).

In Heidegger's own words, the existence of Being-there finds its meaning in temporality. But temporality is also the condition of the possibility of historicity as a temporal kind of being-there itself, regardless of whether and how being-there is something that exists in 'time'. The determination of historicity lies before what is called history (world-historical events). Being-there is its own past in the way of its being, which, roughly speaking, in any case "becomes" from its own future. Being-there is on its way to being-there and thus has grown into and in a traditional interpretation of being-there, with its understanding of being-there. He constantly under-

stands himself from this, most closely and within a certain range. This understanding reveals and organizes the possibilities of its being. His own past, and that means always the past of his 'generation' does not follow the presence there from behind, but on the contrary in any case already goes ahead of him. (Heidegger, 2004, pages 44-45).

This elemental historicity of being-there may remain hidden from him. But it can also be exposed in a certain way and get the attention it deserves. Being-there can reveal tradition, hide it, and examine it explicitly. Uncovering the tradition and revealing what it conveys and how it conveys can be taken as a task that stands in its own right. Being-there thus brings itself to historical-scientific investigation and research in the type of being. But the science of history, or more precisely, historiography, as the type of being-there-inquiring questioning, is possible only because the being-there is determined through historicity on the basis of its being. As long as this historicity is hidden and hidden from the-there, historical-scientific research and the revealing of history will be rejected. The lack of historical science is not an argument against the historicity of being-there; on the contrary, it is an introduction to it as the incomplete mode of the state of being. A period of time may not be scientific only because it is 'historical'. (Heidegger, 2004, page 45).

Conclusion

These two thinkers drew attention to the fact that science is based on unscientific and irrational elements, which contradicts both the rational, cumulative and progressive understanding of science of the positivists, and the "historical" understanding of science, which is placed on a purely rational basis. This revolution was carried out by the struggle of many thinkers of the second half of the twentieth century. Heidegger and Hartmann argued that instead of building scientific activity on a single basis, such as an unchanging abstract human thought (or mind), they tend to view it in terms of its variability and dynamism in different historical periods. Ontological analysis of the nature of science and knowledge was influential and later it changed the traditional epistemology point of view into existential view.

References

- Çüçen Kadir, 2011. Modern Epistemolojinin iki geleneği. B N. Mehdiyev, Çağdaş Epistemolojiye Giriş. İstanbul, «İnsan Yayınları», 266 s.
- Çüçen Kadir, Heidegger ve Felsefe. <https://docplayer.biz.tr/4689447-Heidegger-ve-felsefe.html>.
- Güçen Kadir. (2003). Heidegger'de Varlık ve Zaman . Bursa, «Asa Kitabevi», 220 s. Hartman Nikolai. (1998). Ontolojinin Işığında Bilgi. (H. Tepe, Çev.). Ankara, «Türkiye Felsefe Kurumu», 264 s.
- Heidegger Martin, (2004). Varlık ve Zaman. (A. Yardımlı, Çev.). İstanbul, «İdea Yayınevi», 101 s.
- Heidegger Martin, (2009). Metafizik Nedir? (Y. Örnek, Çev.). Ankara, «Türkiye Felsefe Kurumu», 264 s.
- Mehdiyev Nebi, (2011). Çağdaş Epistemolojiye Giriş. İstanbul, «İnsan Yayınları», 266 s. Pöggeler//Aleman, (1994). Heidegger Üzerine İki Yazı. (D. Özlem, Çev.). «İnsan Yayınları», 180 s.
- Skinner Quentin, (1997). Teorinin Dönüşü. B Q. Skinner, Çağdaş Temel Kuramlar (A. Demirhan, Çev.). Ankara, «Vadi Yayınları» 196 s.
- Tepe Harun, (1998). Nicolai Hartman ve Bilgiye Ontolojik Bakış. B N. Hartman, Ontolojik Işığında Bilgi (H. Tepe, Çev.). Ankara: «Türkiye Felsefe Kurumu» 78 s.
- West David, (1998). Kıta Avrupası Felsefesine Giriş. (A. Cevizci, Çev.). İstanbul, «Engin Yayıncılık», 318 s.

3-бөлім
САЯСАТТАНУ

Section 3
POLITICAL SCIENCE

Раздел 3
ПОЛИТОЛОГИЯ

Faiz Muhammad Zaland^{1*}, **B.K. Rakhimbekova²**

¹Kabul University, Afganistan, Kabul

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: email: rahimbekovabakyt@gmail.com

COMPLEXITIES OF THE PEACEBUILDING PROCESS IN AFGHANISTAN

The long-lasting conflict in Afghanistan leads to an aggravation of the socio-economic crisis in the country. This is a serious obstacle to the stable development of Afghan society and a challenge to regional security. The peace talks in Qatar in September 2020 between the Government of the IRA and the Taliban movement could contribute to ending the conflict and implementing measures for the peaceful construction and development of the country. However, the events following the announcement of the withdrawal of international forces from Afghanistan and the coming to power of the Taliban government have once again put on the agenda the issue of finding ways to resolve the conflict as soon as possible by peaceful means.

The article analyzes the fundamental principles of establishing the peace process in Afghanistan. Exploring the interaction of all parties involved in the peace process, the authors pose research questions: "What are the main difficulties in establishing a peace process in Afghanistan?" and "is there a prospect of achieving peace and stability in modern Afghanistan?"

The role of national, regional and international actors in establishing peace in Afghanistan is considered based on the content-analysis and review of the opinion of the expert community (using the Delphi method), as well as their own observations (the included observation method) of one of the authors of the article, who was a direct participant in the Doha negotiation process.

Key words: Peacebuilding, nation building, stability, US withdrawal, Afghanistan.

Фаиз Мухаммад Заланд^{1*}, Б.К. Рахимбекова²

¹Кабул университеті, Ауғанстан, Кабул қ.

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: rahimbekovabakyt@gmail.com

Ауғанстанда бейбітшілік орнату процесінің күрделілігі

Ауғанстандағы көпжылдық қақтығыс елдегі әлеуметтік-экономикалық дағдарыстың шиеленісуіне әкеледі. Бұл тұрақты дамуға елеулі кедергі болып табылады, сондай-ақ өңірлік қауіпсіздікке қатер төндіреді. Қатардағы 2020 жылдың қыркүйегінде АИР Үкіметі мен «Талибан» қозғалысы арасындағы бейбіт келіссөздер қақтығысты тоқтатуға және елдің бейбіт құрылысы мен дамуы жөніндегі шараларды жүзеге асыруға ықпал етуі мүмкін. Бірақ Ауғанстаннан халықаралық күштердің шығарылуы және «Талибан» Үкіметінің билікке келуі туралы хабарланғаннан кейінгі оқиғалар қақтығысты бейбіт жолмен тез арада шешу жолдарын іздеу мәселесін тағы да күн тәртібіне қойды.

Мақалада Ауғанстандағы бейбітшілік үдерісін құрудың негізгі принциптері талданған. Бейбіт құрылыс процесіне қатысушы барлық тараптардың өзара әрекеттесуін зерттей отырып, авторлар келесі зерттеу сұрақтарын қояды: «Ауғанстанда бейбітшілік процесін орнатудағы негізгі қиындықтар қандай?» және «қазіргі Ауғанстанда бейбітшілік пен тұрақтылыққа қол жеткізу перспективасы бар ма?».

Дохадағы келіссөздер процесінің тікелей қатысушысы болған мақала авторларының бірінің сараптамалық қоғамдастықтың пікірін (Дельфи әдісі арқылы), сондай-ақ өз бақылауларын (енгізілген байқау әдісі) талдау негізінде, контент-анализ және эксперттік әдіс арқылы Ауғанстанда бейбітшілік орнатудағы ұлттық, аймақтық және халықаралық субъектілердің рөлі қарастырылды.

Түйін сөздер: Бейбітшілік орнату, мемлекеттік құрылыс, тұрақтылық, АҚШ әскерлерін шығару, Ауғанстан.

Фаиз Мухаммад Заланд^{1*}, Б.К. Рахимбекова²

¹Кабульский университет, Афганистан, г. Кабул

²Казахский национальный университет, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: rahimbekovabakyt@gmail.com

Сложности процесса установления мира в Афганистане

Многолетний конфликт в Афганистане ведет к усугублению социально-экономического кризиса в стране. Это является серьезным препятствием для стабильного развития афганского общества и вызовом региональной безопасности. Мирные переговоры в Катаре в сентябре 2020 года между правительством ИРА и движением «Талибан» могли бы способствовать прекращению конфликта и реализации мер по мирному строительству и развитию страны. Но события вслед за объявлением о выводе международных сил из Афганистана и приходом к власти правительства «Талибан» поставили вновь на повестку дня вопрос поиска путей скорейшего разрешения конфликта мирными средствами.

В статье проанализированы основополагающие принципы налаживания мирного процесса в Афганистане. Исследуя взаимодействие всех сторон-участниц процесса мирного устройства, авторы ставят перед собой исследовательские вопросы: «каковы основные сложности в установлении мирного процесса в Афганистане?» и «есть ли в современном Афганистане перспектива достижения мира и стабильности?»

На основе контент-анализа и экспертного метода (посредством метода Дельфи), а также собственных наблюдений (метод включенного наблюдения) одного из авторов статьи, являвшегося непосредственным участником переговорного процесса в Дохе, рассмотрены роль национальных, региональных и международных субъектов в установлении мира в Афганистане.

Ключевые слова: Миростроительство, государственное строительство, стабильность, вывод войск США, Афганистан

Introduction

During past few months, numerous qualitative changes have taken place in the political and Peace building process of Afghanistan due to on-going high level of violence, lack of political consensus in Kabul, trust deficit in all sides, US hasty troops withdrawal till sept 2021, conquering strategy of Taliban and due to some national, regional spoilers playing a more proactive role in destabilizing the current momentum of the peace process. The Peacebuilding complexities have proven been much right as with the fall of Kabul on 15th August, still there is not peace in Afghanistan. ISIS is attacking Taliban across the country, in addition, there are target killing of Shia minority by the same group. US/EU and NATO have not decided yet to recognize Taliban's government in Kabul, in addition, regional powers are pushing Taliban for a more inclusive government, women rights, human basic rights are at the stake where Western powers are seeking Taliban to respect such universal rights to be engaged in regional and international political, economic matters.

Therefore, in this research paper we will comprehensively analyze the complexities of the formal peace process in Afghanistan. in fact, these

complexities affected the general optimism for the Afghan peace process, so far. To respond to this question, the paper will initially provide a theoretical foundation describing peacebuilding efforts, the main actors of the peace process in Afghanistan. Next, the paper provides an account of the historical events, regional, and international efforts for the peace building support in Afghanistan, that brought about the Doha Peace Process and are trying to open a new venue for Afghan peace talks in Istanbul, Turkey.

With these immense accounts and international efforts in place, the paper will then examine the role of national, regional and international actors in bringing peace to Afghanistan; specifically, the US and Taliban peace agreement in 29th Feb 2020 in Doha, Qatar which paved way to an intra Afghan dialogue in Doha which still faces stalemate to make any significant decision in making a ceasefire viable and pave way to a peace agreement between all fighting sides in Afghanistan.

The paper will then seek to answer the question, in modern day Afghanistan “Do we have hope for Afghan peace?” And will support the main argument of the paper; that while the role of the historical perspective of peace has changed over the last two decades.

Research methods

This paper will account for the types of sources that are used in collecting the data and the research methods that have been applied in analyzing the collected data. The choice of sources and methods are mainly guided by the research questions and the aim of the study. The research is based on variety of sources of data: A – internet websites- journal reports, recent analysis regarding Complexities of Peacebuilding Processes across the world. C – reading literature regarding peacebuilding process in Afghanistan. We have supplemented the sources by reflecting with personal observation of working in the peace process, attending many conferences and meeting many of the elites combining own experience of eight years with international aid agencies which supported peace and nation building development.

Rationale for choosing a topic. Goals and objectives

Document/Content analysis

Secondary source of data collection, in the form of research documents and other written material, were also applied to form part of the analysis. The secondary data came from a variety of documented sources;

- NGOs research documents like USIP, UN or World Bank research papers.

- Recently written reports on the development of state and tribe communication in the region

- Reading local newspapers- News stories

- A vast list of books, journal reports and recent research papers on the topic which are listed in the bibliography of the paper.

Content Analysis Table:

No	Terms with the definition and analysis	Code/word used	Sources, authors, main ideas	Content details
1	-A process to end war in Afghanistan. -Letting Taliban to be back to share power with all other Afghan political parties, political influential and ethnic groups. -redefining the power share, and inclusivity.	Peacebuilding	1.To reach a peace deal, Taliban say Afghan president must go By Katty Gannon 2.Minatti, W. (2020, 9 28). The Challenges of The Afghan Peace Talks. 3.Peace, Reconciliation and Tolerance in the Middle East 4-Afghan Government Could Collapse Six Months After U.S. Withdrawal, New Intelligence Assessment Says <i>Taliban advances prompt agencies to revise outlook for how long Kabul can hold out</i>	To check the link: 1. https://apnews.com/article/middle-east-only-on-ap-taliban-fb-bce635cf19ce4874700fd2d81a0f39 2.Retrieved 2 2021, From Euiideas: https://Euiideas.Eui.Eu/2020/09/28/The-Challenges-Of-The-Afghan-Peace-Talks/ The book is outlined by Natalie Weder , Rebeca Garcia-Nieto & Daphna Canneti-Nisim <i>A detailed situation analysis and its future impact on the peace process</i> By Gordon Lubold and Yaroslav Trofimov on June 23, 2021
2	After war situation where reconciliation amongst all Afghan parties is pertained	Stability	1 Minatti, W. (2020, 9 28). The Challenges of The Afghan Peace Talks. 2- Peace, Reconciliation and Tolerance in the Middle East 3- Afghan Government Could Collapse Six Months After U.S. Withdrawal, New Intelligence Assessment Says <i>Taliban advances prompt agencies to revise outlook for how long Kabul can hold out</i>	1.Retrieved 2 2021, From Euiideas: https://Euiideas.Eui.Eu/2020/09/28/The-Challenges-Of-The-Afghan-Peace-Talks/ 2.The book is outlined by Natalie Weder, Rebeca García-Nieto & Daphna Canneti-Nisim 3.A detailed situation analysis and its future impact on the peace process By Gordon Lubold and Yaroslav Trofimov on June 23, 2021
3	US/NATO troops withdrawal	Withdrawal	1.Afghan Government Could Collapse Six Months After U.S. Withdrawal, New Intelligence Assessment Says <i>Taliban advances prompt agencies to revise outlook for how long Kabul can hold out</i> 2. Joe Biden announced the full withdrawal of US forces from Afghanistan in a news briefing.	1. A detailed situation analysis and its future impact on the peace process By Gordon Lubold and Yaroslav Trofimov on June 23, 2021 2- (2021, 04 14). france24.com. Retrieved from France 24: https://www.france24.com/en/asia-pacific/20210414-live-biden-announces-afghan-withdrawal-says-time-to-end-america-s-longest-war

Table continuation

No	Terms with the definition and analysis	Code/word used	Sources, authors, main ideas	Content details
4	Afghan war which is militarized by three factors: domestic confrontation over power, ethnicity and political differences and regional interference, a proxy war and international invasion under the flag of war on world terror.	Conflict	Afghan Government Could Collapse Six Months After U.S. Withdrawal, New Intelligence Assessment Says <i>Taliban advances prompt agencies to revise outlook for how long Kabul can hold out</i>	1. Retrieved 2 2021, From Euideas: https://euideas.eu/2020/09/28/the-challenges-of-the-afghan-peace-talks/
5	A way out of the Afghan Conflict: Doha Agreement	US- Taliban negotiation -Intra Afghan Negotiation -A process to end war in Afghanistan.	1.To reach a peace deal, Taliban say Afghan president must go	1. Retrieved 2 2021, From Euideas: https://euideas.eu/2020/09/28/the-challenges-of-the-afghan-peace-talks/

The findings of content analysis are correlate with expert's opinions due to the peacebuilding matters.

Expert assessment

Many experts were forecasting that a civil war may happen with the withdrawal of US and Its allies forces from Afghanistan in the near future, others were believing that Kabul Government would not be able to stand against Taliban's spring offensive not more than six months but few were predicting that Kabul may fall into the hands of Taliban easily as the rest of the country. In fact, Vinay Kaura was believing that Afghan conflict is so virulent that any peace plan gets trapped in domestic contradictions, regional rivalries and geopolitical ambitions of the region. (Kaura, 2018).

In addition, Anthony H. Cordesman writes that Peace in Afghanistan is highly uncertain option; because the administration in Kabul doesn't have any official description of the terms for the peace to be prevailed (Cordesman, 2019)

For instance, the fear that the state might be on a path to collapse is higher than ever before. As Jeff Seldin believes that despite a series of cautiously optimistic assessments by high-ranking U.S. military officials and Afghan leaders, a new report from the Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction (SIGAR) portrays the situation as "bleak" and echoes concern that Afghan security forces are not ready to mount any meaningful resistance which proved correct by the mid of August 2021 when Kabul collapsed easily into the hands of Taliban.

The latest intelligence assessment, as reported by Gordon Lubold and Yaroslav Trofimov in June 2021, stated that the Afghan government, led by President Ashraf Ghani, could collapse between six to twelve months after complete withdrawal of American forces which proved to be too early of after the consecutive collapse of district which lead to the fall of provincial centers and then Kabul all in 15 days, beginning with the first of August and completed by 15th of August when the previous president Ashraf Ghani left escaped from Kabul to UAE. Other officials were even more pessimistic. They believed that the Afghan government could potentially fall within three months by Mychael Schnell.

The problems of peaceful settlement of the internal political situation in Afghanistan are in the focus of experts from Central Asian countries. So, for example, within the framework of the scientific forums "Kabul Process", "Moscow Format", the forum "Heart of Asia – Istanbul Process", the International Contact Group on Afghanistan, the SCO–Afghanistan Contact Group, the Conference of Regional Economic Cooperation on Afghanistan (RECCA), opinions were expressed on the need for an early start of direct negotiations between the Government of Afghanistan and the Taliban Movement without preconditions, as well as the basic principles of a political settlement – there is no alternative and inclusiveness of the peace process, readiness for mutual compromises, respect for the sovereignty and territorial integrity of Afghanistan.

Russian researchers note that "the peace process faces a number of serious obstacles, both internal and external to it, both substantive and procedural. Among the most serious problems is the already

mentioned dynamic combination of negotiations with ongoing violence on the part of all parties to the conflict, and the absence (as of December 2019) of direct official negotiations between the main Afghan parties – the central government and the Taliban. Of the other difficulties, two should be particularly noted – one external to Afghanistan, and the other internal. Zigzags of the US administration policy became as a serious external test for negotiations.” (Stepanova E.A., 2019).

Results and Discussion

Peacebuilding Process in Afghanistan

Afghanistan is once again at a crossroad between potential political stability or a worsening crisis. Previously, planned Intra-Afghan Peace Talks, following the US-Taliban agreement of February 2020, which were supposed to pave the way for a possible political settlement among Afghans. However, the negotiations were hampered from the start. The trust and confidence of Afghans in the previous government and its leadership was at an all-time low which prevailed to its collapsed-on 15th of August 2021. The broader political leadership of the country is now in disarray.

In fact, Peacebuilding is the most recent term associated with the peace process. Peacebuilding is the strategy which most directly tries to reverse the destructive process that accompany violence. (Ryan, 1995)

After President Joe Biden’s announcement of unconditional withdrawal of American troops, the complexities of the Afghan Peace Process have become glaringly vivid. The hope that the international community, under the leadership of the United States, would push for a political settlement between the warring sides is fading away. The morale of the Afghan security forces was drastically low. Those on the frontline increasingly wonder what it is they fight for. Are they fighting for the survival of the Afghan state, as they were told? Or are they fighting for the political preservation of the unpopular leaders of Kabul? These concerns amongst the rank and file are believed to have contributed to the fall of Kabul into the hands of Taliban in the mid of August, 2021.

There is a prevailing public perception that the Afghan ‘Republic’ has been systematically reduced to a mere ‘oligarchic enterprise’. This has led to growing distrust between various political leaders, the civil service and the general public. However, the most pressing issue for Afghans was no longer

peace, but the survival of the Afghan state. The latest intelligence assessment, reported by The Wall Street Journal in June 2021, stated that the Afghan government, led by President Ashraf Ghani, could collapse between six to twelve months after complete withdrawal of American forces which proved to be too early of after the consecutive collapse of district which lead to the fall of provincial centers and then Kabul all in 15 days, beginning with the first of August and completed by 15th of August when the previous president Ashraf Ghani left escaped from Kabul to UAE. Other officials were even more pessimistic. They believed that the Afghan government could potentially fall within three months.

The Intra-Afghan peace negotiations that started on Sep 12, 2020, were stalled from the very beginning. As rightly noted by Wolfgang Minatti, that the vision of the two opposing sides for the future of Afghanistan are fundamentally at odds with one another.

The negotiating team representing Kabul, was prudently cherry-picked by President Ghani and his inner circle to ensure that its fully subservient to the President. The negotiators didn’t have any authority and they receive instructions in every step. Any of their potential decisions have to first be approved by the president’s office, which also meticulously dictates all their public and private communication. It was said that Ashraf Ghani’s five-year presidential term, as a result of his controversial victory in 2019’s Presidential Election, was a redline for the negotiating team. Similarly, delaying tactics were applied to stall serious talks until after the US Presidential Elections of 2020. The strategy was to stall progress until the new president is inaugurated in Washington and the new administration’s policy for Afghanistan is outlined. This strategy was predicated on the assumption or hope that the new administration could change the terms of US-Taliban agreement, strengthening the position of President Ghani. Much to Ashraf Ghani’s chagrin, his hopes never materialized. Furthermore, the High Council for National Reconciliation, headed by Abdullah, was comprised of many Afghans political leaders as an authoritative body to pursue a political agreement backed by the international community. The newly found institution never materialized into anything of substance. Internal divisions and opposing visions among leaders in Kabul remain high, leaving them unable to form a unified front against the Taliban during the peace negotiations.

The Taliban negotiating team, on the other hand, didn’t seem to be in any hurry either. This was per-

haps because they believe that time is on their side, and any delay in talks only strengthens their position in the battlefield and around the negotiating table. They seemed particularly to welcome delays from the government side, for which they couldn't be blamed and could also point fingers at the government for. In addition, the Taliban have made it clear that peace would not be possible with President Ghani. For this purpose, the Taliban have indicated on occasions that a peace settlement with the current Government negotiating team may not be feasible. For the insurgents, engagement in talks might have only been for the fulfilment of a condition of US-Taliban agreement or partial achievements such as the release of the remaining of their prisoners. This could be the main reason for the shifting of Taliban's efforts to the battlefield even more.

The peace talks currently were where both sides (The Afghan political parties, influential figures & Taliban) perhaps want them to be under the circumstances: deadlocked. The rhetoric and actions both out of Kabul and also from the Taliban in power now speak of war, not peace. The current Government, led by Taliban, however, is on the losing end both on the international community's trust and also in public perceptions. The fear that the state might be on a path to collapse is higher than ever before. As previously reported by Jeff Seldin that despite a series of cautiously optimistic assessments by high-ranking U.S. military officials and Afghan leaders, a new report from the Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction (SIGAR) portrays the situation as "bleak" and echoes concern that Afghan security forces are not ready to mount any meaningful resistance. He adds that "The overall trend is clearly unfavorable to the Afghan government, which could face an existential crisis if it isn't addressed and reversed," Special Inspector General John Sopko wrote in the report, released Wednesday 29th July 2021.

Recently, some regional countries also, based on that doomed expectation of Afghanistan might be descending into civil war, renewed preparations for prolonged proxy rivalries on Afghan soil. Each is prepared to have its own interests on the ground protected by assets, which would necessitate the re-arming of former armed groups and militias some of whom were active participants in past wars and destruction.

The public optimism about peace has waned significantly both because of the surge in violence and lack of meaningful progress (or expected progress) in peace talks. There has also been the loss of trust and confidence in the leadership of Afghan political parties, civil society leadership and other influential sides. It could be concluded with some confidence that peace talks as they have been so far have a remote possibility of success.

On the other hand, the broader political leadership of the country has also been paralyzed by either excessive risk aversion, or disunity or the pursuance of pity personal objectives or all. Thus, the broader political leadership as well as the parliament in a such a state of inaction cannot serve as saviors on their own.

To conclude, the result of the prevalent status quo points to one direction: continued killings and destruction for Afghans, a massive brain drains, forced migration and a rapid melting down of the state – the consequences of which for regional, neighboring countries 'the rest of the world would also be monumental. If Afghanistan goes down, this time the outflow of refugees to regional and neighboring countries and way beyond will be massive. Afghanistan is already one of the largest producers of narcotics and this problem could further multiply; the country could become a safe haven for terrorists and criminal networks with connections and access to the rest of the world.

Conclusion

In short, there are still concerns that Afghanistan will become an international catastrophe of an epic scale. Nevertheless, the intra-Afghan peace talks was a historic opportunity for Afghanistan to find a durable peace agreement to end almost half a century of war which has devastated the country and cost millions innocent lives. The negotiation process and political events after the Taliban came to power mean the entry of the conflict into a new stage, which requires rethinking both by the Afghan society and the world community as a whole. But, above all, the Afghans themselves must take primary responsibility for their own future. Yet finding a compromise between all Afghan sides will prove a difficult task for all parties involved, and even then, its successful implementation is far from guaranteed.

References

- Afghanistan Study Group Final Report. A Pathway for Peace in Afghanistan. -2021/-URL:// https://www.usip.org/sites/default/files/2021-02/afghanistan_study_group_final_report_a_pathway_for_peace_in_afghanistan.pdf
- Cordesman, A. H. Center For Strategic and International Studies.-2019/-URL:// CSIS.Org: www.csis.org
- Gannon, K. A blow to morale: Afghan generals worry about US withdrawal. – 2018.- URL:// <https://apnews.com/article/fa26e48675c7470b9161e645f4136441>
- Gannon, K. To reach a peace deal, Taliban say Afghan president must go. – 2021/- URL:// <https://apnews.com/article/middle-east-only-on-ap-taliban-fbce635cf19ce4874700fd2d81a0f39>
- <https://www.france24.com/e/-2021n/asia-pacific/20210414-live-biden-announces-afghan-withdrawal-says-time-to-end-america-s-longest-war>
- Kaura, V. Understanding the complexities of the Afghan Peace Process. // Observer Research Foundation- 2018. pp. 11-34.
- Laurel E. Miller, Jonathan S. Blakee. Envisioning a Comprehensive Peace Agreement for Afghanistan-2019/URL://https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2900/RR2937/RAND_RR2937.pdf
- Lubold, G., & Trofimov, Y. Afghan Government Could Collapse Six Months After U.S. Withdrawal, New Intelligence Assessment Says -2021/- URL: //https:// www.wsj.com/articles/afghan-government-could-collapse-six-months-after-u-s-withdrawal-new-intelligence-assessment-says-11624466743
- Minatti, W. The Challenges of the Afghan Peace Talks. – 2020. -URL:// <https://eui.eu/2020/09/28/the-challenges-of-the-afghan-peace-talks/>
- Ryan, S. (1995). Peace-building and Conflict Transformation. Dartmouth: Brookfield. Dartmouth Publishing, 1995, pp. 129-152.
- Seldin, J. Afghan Government Facing 'Existential Crisis'. – 2021. URL: <https://www.voanews.com/a/us-afghanistan-troop-withdrawal-afghan-government-facing-existential-crisis/6208874.html>
- Кирхнер М., Казанцев А. Европейский и российский взгляд на ситуацию в Афганистане. – Фонд Ф.Эберта.- 2020 // URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16491.pdf>
- Степанова Е.А. Динамика диалога в конфликтах: второй трек//Пути к миру и безопасности. 2019. № 1(56). С. 144–145.
- Эксперты ИСМИ: государства ЦА выступают активными поборниками установления мира на афганской земле.-2021/ URL://<https://strategy2050.kz/ru/news/eksperty-ismi-gosudarstva-tsentralnoy-azii-vystupayut-aktivnymi-pobornikami-ustanovleniya-mira-i-pro>

Д.С. Калиев^{1*}, А. Вентсель²

¹Өл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Тарту университеті, Эстония, Тарту қ.

*e-mail: dosekenty@gmail.com

ТӘУЕЛСІЗДІКТІҢ АЛҒАШҚЫ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДА ҰЛТ ҚҰРЫЛЫСЫ

Тәуелсіздік алғаннан кейін Қазақстан өзінің жаңа ұлттық мемлекеттің қалыптасуына ықпал ететін өз ресми тарихнамасын қайта құра бастады. Басқа посткеңестік елдер секілді Қазақстан тәуелсіздік алған жылдары территорияны ұлттандыру немесе ұлттық территорияны қалыптастыру мәселесін қолға алды. Өз мемлекеттілігін күшейткеннен кейін билік элитасы азаматтық бірегейлікті әлеуметтік және саяси қоғамның кепілі ретінде таңдағаны белгілі. Отандық және шетел зерттеушілердің пікірінше Қазақстанда азаматтық және этностық бірегейлік ұлт құрылысында қатар қолданылады. Мақалада тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында осы бірегейлік аясында Қазақстан қандай бағытты таңдағаны талданады. Зерттеу жұмысында қазақтар мемлекет құраушы негізгі этникалық ұлт екенін дәлелдеуі, Қазақстан жерінде ежелден қазақ этносы тұрғанын заңдастыру әрекеттері, мемлекет құраушы ұлт ретінде қазақ этносының тарихы мен символын қолданысы сипатталады. Тәуелсіздіктің алғашқы жылында осы этнобағытты таңдау себептері талқыланады. Зерттеу методологиясы ретінде отандық және шетел зерттеушілердің еңбектерін қарастыру, тарих оқулықтары, ұлттық мемлекеттік құжаттарды, бағдарламаларды салыстыра анализ жасау болды. Зерттеу нәтижесінде Қазақстан тәуелсіздіктің алғашқы жылында этнобағытты саясатын жүргізгені байқалды. Бұл саясат қазақ этносының ежелден бері осы аймақта мекен етіп келе жатқан халық екендігін дәлелдеуімен, тәуелсіздіктің алғашқы күндерінен бастап елдің саяси басшылығы жүргізген ұлттық саясатының негізгі мақсаты этникалық және азаматтық бірегейлік арасындағы тепе-теңдікті ұстап тұруымен көрініс тапты. Негізгі ұлт құрылысы бағытын мемлекет, билеуші саяси элита тікелей беріліп отырғаны көрінді. Жаңа Конституция қабылданған кезеңнен бастап, ұлт құрылысында қоғамның азаматтық және этникалық бірегейлігін қалыптастыру мәселелері айқындалғаны байқалды. Жұмыстың нәтижесінде алынған қорытындылар Қазақстандағы ұлт құрылысына байланысты ғылыми жұмыстардың жазылуына және оны әрі қарай зерттеуіне септігін тигізеді.

Түйін сөздер: Ұлт құрылысы, тарихнама, символ, этнос, бірегейлік.

S.D. Kaliyev^{1*}, Aimar Ventsel²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²Tartu University, Estonia, Tartu

*e-mail: dosekenty@gmail.com

Nation-building in Kazakhstan in the first years of independence

After gaining independence, Kazakhstan began to reorganize its official historiography, which contributed to the formation of a new national state. Kazakhstan, like other post-Soviet countries, has taken up the issue of nationalization of the territory or the formation of a national territory during the years of independence after strengthening its statehood, it is known that the ruling elite chose civic identity as a guarantee of social and political Society. According to domestic and foreign researchers, civil and ethnic identity in Kazakhstan is used in parallel in the construction of the nation. The article analyzes what direction Kazakhstan chose in the first years of independence against the background of this identity. The study describes the evidence that Kazakhs are the main ethnic nation that forms the state, attempts to legalize the existence of the Kazakh ethnic group on the land of Kazakhstan from time immemorial, the use of the history and symbol of the Kazakh ethnic group as a state-forming nation. The reasons for choosing this ethno-cultural center in the first year of independence will be discussed. The methodology of the study was the study of the works of domestic and foreign researchers, comparative analysis of history textbooks, national state documents, and programs. As a result of the study, it was noted that in the first year of independence, Kazakhstan pursued an ethno-oriented policy. This policy is reflected in the fact that the Kazakh ethnic group has been a people living in this region since ancient times, and the main goal of the national policy pursued by the country's political leadership since the first days of inde-

pendence is to maintain a balance between ethnic and civic identity. It seemed that the main direction of nation-building was directly transferred to the state, the ruling political elite. Since the adoption of the new Constitution, it has been noted that the issues of forming the civil and ethnic identity of society have been identified in the construction of the nation. The results obtained as a result of the work contribute to the writing of scientific papers related to nation-building in Kazakhstan and its further study.

Key words: nation-building, historiography, symbol, ethnos, identity.

Д.С. Калиев^{1*}, А. Вентсель²

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Тартуский университет, Эстония, г. Тарту

*e-mail: dosekenty@gmail.com

Нациестроительство в Казахстане в первые годы независимости

После обретения независимости Казахстан начал перестраивать свою официальную историографию, способствующую становлению нового национального государства. Как и другие постсоветские страны, Казахстан за годы независимости взялся за национализацию территории или формирование национальной территории, т. к. после укрепления своей государственности властная элита выбрала гражданскую идентичность в качестве гаранта социального и политического общества. По мнению отечественных и зарубежных исследователей, Гражданская и этническая идентичность в Казахстане используется параллельно в построении нации. В статье анализируется, какое направление Казахстан выбрал в первые годы независимости в рамках этой идентичности. В исследовательской работе описываются доказательства того, что казахи являются основной национальностью государства, попытки легализации испокон веков казахского этноса на казахстанской земле, использование истории и символики казахского этноса как государствообразующей нации. Методологией исследования явилось рассмотрение трудов отечественных и зарубежных исследователей, сравнительный анализ учебников истории, национальных государственных документов, программ. В результате исследования было отмечено, что в первый год независимости Казахстан проводил политику этнической идентичности. Эта политика выразилась в доказательстве того, что казахский этнос, населяющий этот регион с незапамятных времен, с первых дней независимости основная цель национальной политики, проводимой политическим руководством страны, заключалась в поддержании баланса между этнической и гражданской идентичностью. Казалось, что направление строительства основной нации непосредственно передано государству, правящей политической элите. С момента принятия новой Конституции в построении нации были определены вопросы формирования гражданской и этнической идентичности общества. Выводы, полученные в результате работы, будут способствовать написанию и дальнейшему изучению научных работ, связанных со строительством нации в Казахстане.

Ключевые слова: нациестроительство, историография, символ, этнос, идентичность.

Кіріспе

Әлемде ұлт құрылысы процесс ретінде ешқашан аяқталған емес, этнос, ұлт, мемлекет мәселелері әрқашан сұрақ туындатқан өз шешімін таппаған десе болады. Қазақстанда азаматтық бірегейлік, ұлтшылдық, ұлтаралық конфликт салалары ең өзекті тақырыптарының бірі болып саналады. Ұлттық бірегейлік, ұлт құрылысы, азаматтық қоғам, этносаралық келісім, ұлттық құрылыс мәселелері зерттеу жүргізіп келе жатқан отандық ғалымдар Р.Қ. Қадыржанов (Қадыржанов, 2014) М.Ж. Сеңгірбаев (Сеңгірбай, 2019). Н.И. Айтымбетов (Айтымбетов, 2015). Ә.Н. Нысанбаев (Нысанбаев, Машан, Мурзалин, Турегулов, 2011)

В.Ю. Дунаев (Дунаев, Курганская, 2014) С.Ш. Мұсатаев (Мұсатаев, 2003). Д. Құдайбергенова (Құдайбергенова, 2016) Ә.Б. Асылтаева (Асылтаева, 2013) т.б. еңбектерінде осы ұлт құрылысын зерттеуде ерекше үлес қосты.

Сонымен қатар, Қазақстанның ұлт құрылысын қалыптастыруда тарихи аспектілерін қарастырған К.М. Байпақов (Байпақов, 2014). М.Қ. Қойгелдиев (Қойгелдиев, 2009). Н.М. Масанов (Масанов, 2002) Х.А. Арғынбаев (Арғынбаев, 2007) және тағы басқа ғалымдарды айтып өтсе болады.

Сонымен бірге, Қазақстан ұлт құрылысы мәселесі бойынша батыстық тұжырымдамаларды да кеңінен пайдаланылды. М.Ларюэль (Laruelle, 2015) Р. Брубейкер (Brubaker, 1999) Е. Смит

(Smith, 2002), Б.Андерсен (Anderson, 1992), С. Абашин (Abashin, 2012) т.б. сынды ғалымдар посткеңестік елдердің тәуелсіздік алғаннан кейінгі ұлт құрылысында таңдаған модельдерін зерттейді.

XX ғ. 90 – жылдары Орта Азия мемлекеттері өз ұлт құрылысын бастап кетті. Посткеңестік елдердің сол кезде ұлт құрылысына таңдаған моделі ұқсас болды. Посткеңестік елдер өз «ұлттық мемлекеттігін» дәлелдеуге, ұлттық территориясын заңдастыруға тырысты. Тарихын қайта жаза бастады. Әсіресе Орталық Азия мемлекеттері үшін тіл, тарих, территориясын ұлттандыру мәселелері өте маңызды болып саналды. КСРО ыдырағаннан кейін оның құрамында болған мемлекеттердің элиталары, тұрғын халықтарының мәдениеті, тілі, аймақтары бөлінген күйде қалды. Кеңес үкіметі жүргізген ұлт пен экономикалық саясаты халықтың көп бөлігін бөлінген титулдық ұлттарды мұраға қалдырды. Посткеңестік елдер арасында тәуелсіз алған кезеңде бірқатар этносаралық конфликттер болып өтті. Бұл этносаралық жанжалдардың себебі ретінде зерттеушілер Кеңес үкіметінің 1920-30 жылдарда жүргізген ұлттық-территориялық саясатына байланысты екенін алға тартады. Кеңес үкіметі кезінде бұл этносаралық қайшылықтардың қатты өршімеу себебі ретінде «кеңестік идеология» саясатын жатқызады.

Осындай шарттарда тәуелсіздік алған посткеңестік мемлекеттер жаңа ұлттық мемлекеттің қалыптасуына ықпал ететін өз ресми тарихнамасын қайта құру шараларын бастап кеткен болатын. Уилл Кимлицтің айтқанындай, барлық мемлекеттер ертелі-кеш өздерінің негізгі, титулдық мәдениетін (яғни «мәдени гегемонияны»), мемлекеттік тілін, символдарын мен ресми тарихнамасын анықтайтынын (Kymlicka, 1996: 65) көрсеткен. Қазақстан алғашқы тәуелсіздік алған жылдары ең алдымен ұлттық мәселелер алға шыққан болатын. Қазақстан тәуелсіздіктің алғашқы күнінен бастап тиімді ұлт құрылысы моделін, елдің даму бағыттарын айқындауға тырысты.

Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарындағы ұлт құрылысын бағытын қарастыру маңызды болып табылады. Өйткені сол кезеңде таңдалған бағыт Қазақстанның ұлт құрылысын негізгі жолын жасап берді. Зерттеудің мақсаты тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында Қазақстан қандай бағыттағы ұлт құрылысын жүргізгенін анықтау. Неліктен алғашқы жылдары этнобағытты жол-

ды ұстанғандығы мәселелері бұл жұмыста талқыланады. Соған байланысты автордың міндеті:

- Қазақстанның алғаш тәуелсіздік жылдарында неліктен қазақ этносының мемлекет құраушы негізгі этникалық ұлт екенін дәлелдеу саясатын жүргізгенін анықтау.

- Мемлекеттің Қазақстан жерінде ежелден қазақ этносы тұратынын заңдастыру саясатын талқылау.

Осы міндеттерді зерттеу арқылы Қазақстан алғаш тәуелсіздік алғанда ұлттық мемлекет ретінде, халықаралық аренада бекітілу маңызды болды, соған байланысты мемлекет құраушы ұлт ретінде қазақ этносы таңдалғандығын автор болжайды. Өз мемлекеттілігін күшейткеннен кейін билік элитасы азаматтық бірегейлікті әлеуметтік және саяси қоғамның кепілі ретінде таңдағаны белгілі.

Зерттеу методологиясы

Отандық және шетелдік зерттеушілердің еңбектерін анализ жасалды. Қазақстанның ұлт құрылысындағы оның даму тенденциясы мен заңдылықтарын табу әдістері қолданылады. Тарих оқулықтарын, мемлекет қабылдаған бағдарлама, құжаттарды салыстыра анализ жасалды.

Нәтижелер мен пікірталас

Ұлт құрылысындағы бағыттар

Қазақстан қазақ тілді, орыс тілді қоғамды Кеңес үкіметінен мұра етіп алды. Сонымен қатар қазақтар арасында өз тілін жетік білмейтіндер бар еді. Осындай шарттарда Қазақстан үшін біріншіден алғаш тәуелсіздік алған жылдарда ұлт құрылысында қазақтар тарихнамада түбірлі «ұлт» және мемлекеттіліктің негізін құраушы ретінде дәлелдеу маңызды болды. Екіншіден этнотілдік қауымдастықтардың арасындағы балансты сақтауға тырысты. Бұл әсіресе тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында этникалық және тілдік қарама-қайшылықтарды шиеленістірмеуге мүмкіндік берді.

Тарихнамада қазақтар мемлекетте түбірлі ұлт екендігі айтылды. Отаршылдық дәуірде қазақтар ассимиляцияның құрбаны болды. Сонымен қатар Қазақстан халқы этнос артықшылығына қарамастан біртұтас халық болып табылатыны айқындалды. Қазақи этно-мәдени өзекке негізделген азаматтық ұлтты қалыптастыру ұлт құрылысының басты бағытын билік оңтайлы

деп есептеді. 1995 жылы жаңа Конституцияның қабылдануы ұлт құрылысын қалыптастыруда этностық және азаматтық бірегейлік арасындағы тепе-теңдікті сақтауға тырысқандығы байқалады. Қазақстан ұлт құрылысында ел басшы-

лығы мықтап қолға алынғаны байқалады. Ресми тарихнаманы қалыптастыру ел билеуші элиталарының қолында болды. Тәуелсіздікке қол жеткізуде саяси элита мен халық біртұтас болды.

1-кесте – Ұлт құрылысындағы ұстанымдар

	Ұлт құрылысындағы бағыттар	Ресми тарихнаманы қалыптастыру
1	Қазақтар мемлекет құраушы негізгі этникалық ұлт.	1990 жылғы «Тәуелсіздік туралы Декларация» 1991 жылғы «Мемлекеттік тәуелсіздік туралы» заңы. 1993 жылғы Конституция
2	Қазақтар отаршылдық саясаттың құрбаны болды. Тәуелсіздік үшін күрес жүргізді. Тәуелсіздік алысымен өз мәдениетін, дәстүрін қайта жаңғыртты. Қазақстан жерінде ежелден қазақ этносы тұрады	Аумақты ұлттандыру, тарихты қайта жазу, Отандық тарихты қайта қарау, көшелер мен елді мекендердің атауларын өзгерту, символдарды қайта жаңғырту, ұлттық стильдегі мемлекеттік нышандар. 1993 жылы 14 сәуірде қабылданған «Саяси қуғын –сүргін құрбандарын ақтау туралы» заң. Қазақстан Республикасының мемлекеттік нышандары туралы» Қазақстан Республикасының Конституциялық заңы (1996,2007)
3	Басқа этникалық топтар Қазақстанға белгілі кезеңдерде қоныс аударылды. Қазақстан осы этникалық топтардың үміттерін ескереді, компромистік саясат жүргізеді. Азаматтық бірегейлік бағытындағы ұлт құрылысын жүргізеді.	1995 жылғы ҚР Конституциясы, Ел доктринасы, Қазақстан-2050 стратегиясы. Қазақстан халықтарының Ассамблеясы

Қазақтар мемлекет құраушы негізгі этникалық ұлт екенін дәлелдеу

1989 жылғы халық санағы бойынша 16 миллионнан астам болса, қазақтардың үлес саны 39,7% болды (Козина, 2007) Сондықтан тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында мемлекеттің заңды мұрагері қазақтар екенін дәлелдеу маңызды болды. 1-суреттегі бірінші бағытта көрсетілгендей қазақтар Қазақстанда түбірлі ұлт екендігі айтылды қазақ этникалық қауымдастығын мемлекеттіліктің негізі ретінде жариялады. Тәуелсіздіктің алғашқы күндерінен бастап елдің саяси элитасы қазақ халқының мемлекет құруын заңды екенін таныту үшін өзінің ұлттық нышандарын (мәдениет, тарих, тілін) қайта жаңғыртты. Осылайша қазақтардың ерекше рөлін көрсету – тәуелсіздік алған жылдардағы этнобағытты саясаты байқалды. Елдегі билік жаңа идеологиялық іргетасты қалыптастырды. Қазақстан кеңес дәуірінен кейін пайда болған елдер секілді ұлттық мемлекетті құру жолын ұстанды.

1991 жылғы «Мемлекеттік тәуелсіздік туралы» заңында «қазақ ұлтының өзін-өзі билеу хұқын растай отырып», «Тарихи тағдыр ортақтастығы қазақ ұлтымен біріктірген Республиканың барлық ұлттарының азаматта-

ры Қазақстанның біртұтас халқын құрайды» деп жазылған. Осылайша, 1991 жылы қабылданған «Мемлекеттік тәуелсіздік туралы» Конституциялық Заңда қазақ ұлтының өзін-өзі билеу құқығы жарияланған. Сол кездегі билік элиталарының ортақ мақсаты ұлттық тәуелсіздікке қол жеткізу болды. Бұл кезеңде қоғамдық бірлестіктер, ұйымдар өте белсенді әрекет еткен еді. Этностық ерекшеліктері бойынша қарама қарсы тұрған элиталарда болды. Соған байланысты қазақтар мемлекет құраушы негізгі этникалық ұлт екенін бекіту маңызды болды. «Тәуелсіз тарихы» ұлттық мерекесі Қазақстанда жылсайын аталынып өтіліп келеді. Бұл мереке қазақтардың мемлекеттілігін және елдігін көрсетті. Қазақстанда алғашқы ұлт құрылысындағы этномәдени моделінің басымдылығы ең алғышқы 1993 жылғы Конституцияда көрінді. Конституцияда «Қазақстан – демократиялық, зиялы және біртұтас мемлекет. Өзін-өзі билейтін қазақ ұлты мемлекеттілігінің түрі ретінде Қазақстан Республикасы өзінің барлық азаматының құқық теңдігін қамтамасыз етеді» дей отырып, этнобағытты жолын көрсеткен болатын. Қазақ ұлтының төңірегіне Қазақстан халқын топтастыру идеологиясы тұрғындар

арасында кеңінен қолдау таппады. 1995 жылы жаңа Конституция қабылданды. Бұл Конституция бойынша Қазақстан ұлт құрылысында этностық және азаматтық бірегейліктің арасында тепе-теңдікті ұстауға тырысқандығы байқалды. Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарынан бастап Елбасы Н.Ә. Назарбаев ел бірлігі, тәуелсіздік, өзара келісім мәселелерін жиі айтып, елдің ең негізгі құндылығына айналдыруға күш салды. «Бірегейлендірудің бірінші деңгейі – біздің азаматтық әрі саяси бірлігіміз деп айтуға болады. Біздің қазақстандықтарда біртұтас саяси құндылықтар бар. Міндет осы құндылықтарды Қазақстан халқының азаматтық санасындағы басты да басым тетікке айналдыру болса керек» деп жазады Елбасы «Тарих толқынында» деген еңбегінде (Назарбаев, 2010). Қазақстан Республикасы 1991 жылы тәуелсіздігін алғалы бері өз ерекшеліктеріне сай ұлттық саясат жүргізіп келеді. Бұл тұрғыда Қазақстан Республикасының Конституциясы, «Қазақстан-2030», «Қазақстан-2050» стратегиялық даму бағдарламасы, Қазақстанның Ұлт бірлігі доктринасы, Қазақстан Республикасы Президентінің Қазақстан халқына жыл сайынғы жолдаулары ұлтаралық қарым-қатынастың ерекше қазақстандық моделін қалыптастыруға жол ашты. Бұл мемлекетте бір этностың жоғары тұруына жол бермей, көпұлтты қоғамда этностық қақтығыстар мен наразылықтың алдын алуы еді.

Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында Қазақстан аумағын қазақ этносы мұраға алғанын айқындайтын ресми тарихнама қылыптастыру маңызды болды. Сөйтіп аумақты ұлттандыру процесі жүргізілді. Қазақ ұлтының ежелден осы аймақтар тұратыны туралы тарихнама қалыптасты.

Қазақстан жерінде ежелден қазақ этносы тұрғанын заңдастыру

Тәуелсіздіктің алғашқы кездерінен бастап ақ қоғамда азаматтардың санасында ұлттық сана және ұлттық бірегейлікті анықталуы мен қалыптасуы басты жолға қойылды. Ұлтты қайта жаңғыртуда республикада тұратын халықтарды біріктіретін ортақ естеліктер, нақты жерлер мен белгілі бір аумаққа байланысты тиістілік сезімі болуы тиіс.

Орталық Азияның жаңа тәуелсіз мемлекеттері қазіргі уақытта өзара байланысты екі майданда (сыртқы және ішкі) өз заңдылығын нығайту мүддесінде өз тарихын жасайды. Алдымен барлық мемлекеттер сияқты, посткеңестік елдер сыртқы легитимділікке ұмтыла білді. Бұл

әр елдің қазіргі аумағының бірден-бір қожайын иегері ретінде аумақтық ұлт меншігіне алу үрдісінен байқауға болады. «Жер ол – «этникалық ландшафт», аумақ ол – «тарихи отанға» оны «жадты территорияландыру» (territorialization of memory)», – деп атауға болатынына Смит дәлелдеме келтірген (Смит, 1996: 453). Осылайша жаңа тәуелсіздік алған посткеңестік елдерде территорияны ұлттандыру немесе ұлттық территорияны қалыптастыру процесі жүргізілді.

Мемлекеттің аумағы ұлт құрылысын бастаған титулдық ұлттың негізгі шекарасымен жиі сәйкес келе бермейді. Мемлекет аумағының шекаралары сол ұлттың негізгі шекараларымен жиі сәйкес келмейтін болғандықтан, жеке автономия алу мәселелері талқыланып, ұлтаралық жанжалдарға себеп болуы ықтимал. Осыған орай «Мемлекет өз аумағының, территориясының бірден бір қожайыны екендігін дәлелдеу, заңдастыру үшін тарихқа жүгінеді. Әсіресе саяси жағынан территорияға деген басымдығын (онда бірінші кім келді) және ұзақтығын (кім барлығынан ұзағырақ болған) (Diener, 2002: 633) дәлелдеуге тырысады. Қазақстан басқа да тарихнамалық жобалармен қатар, мемлекеттік элиталар өзінің ұлттық бірегейлігін, қазақ этникасының қазіргі республика аумағының негізгі мұрагері ретінде тарихты қайта қалыптастыруға тырысты. Оған себеп ретінде мемлекетке түрлі тарихи кезеңде көшірілген автохтонды емес халықтардың қоныстануын айтуға болады. 1996 жылы Елбасы Қазақстан Тәуелсіздігінің бес жылдығында көне заманнан бастап Ресей отарлауына дейінгі қазақ халқының тарихын қозғады. XIX ғасырда қазақ даласындағы отаршылдыққа қарсы көтерілістері туралы айтты. Сонымен қатар, Елбасы Қазақстан халқының көпұлтты құрамының «бастауын» отарлаумен байланыстырды (Назарбаев, 2009: 262-263). Қазақстан тарихы оқулықтарында казак әскерінің қоныстанған кезеңін сипаттайды. XVIII ғасырда Қазақстанда және онымен шектес аумақтарда төрт казак әскері болды. Олар Жайық, Сібір, Орынбор және Жетісу казак әскерлері еді. XIX ғасырдың 60-90 жылдарла патша үкіметі Қазақстан аумағына славян тілді шаруаларды жаппай қоныс аударған болатын. Ал XIX ғасырдың 70-80 жылдары патша үкіметінің бастамасы бойынша ұйғырлар мен дүнгендер Жетісу жеріне қоныс аудара бастады Бұған дейін олар Қытайдың Іле өлкесінің аумағында тұрып келген еді деп ресми тарихнамада бекітілген (Асылбеков, 2010). Осы арқылы қазақтардан басқа этностардың Қазақстан

аумағына қалайша пайда болғаны туралы тарихнама қалыптасты. Осылайша қазақтардың осы аймақта қожайыны екендігі дәлелденеді, ұлт құрылысында негізгі ұйытқысы болатыны айтылады. Қазақстан қамқор, мейірімді ана ретінде, қазақтар-жомарт, қонақжай халық ретінде, басқа халықтарға өзінің құшағын ашқаны жазылды, айтылды.

Жалпы Орталық Азия халқының өз тарихнамасында шекара, аумақ, жердің қожайыны, иегері ретінде заңдастыру әрекетін, жерге деген көзқарасын ерекше екенін байқауға болады. Түркіменстандағы жылқының орны, Қырғызстанда Ыстықкөл, Өзбекстан рәміздерінің бірі ретінде мақта, Тәжікстандағы таулар, Қазақстанның шексіз даласы – осының барлығы Орта Азиялық ұлтшылдықтың жеке-леген түрлерінің визуалды иконалары болып табылады. «Орталық Азия мемлекеттері үшін территория, жер, аумақ – ұлт орналасқан кеңістік ғана емес, ұлттық символдың, шабыттың негізгі байлық көзі. Оған ландшафт, климат, флора және фауна – барлығы жатады» (Abashin 2012). Аумақ – ұлтты өз өлкесінің табиғатымен байланыстырады және адамдарға өз үйінде, ата-бабаларының жерінде, олар дүниеге келген және оларға тиесілі жерде өмір сүру сезімін береді.

Ұлт құрылысында мемлекеттер өзіндік тарихнама қалыптастыруда, әсіресе көпұлтты қоғамда анағұрлым сақ және икемді болуға мәжбүр болады. Бұрынғы Кеңестік Орталық Азия мемлекеттері ұлт құрылысында этникалық топонимдерді пайдалануда гегемонистік тарихнамаға және «этникалық ұлт» процесіне бейімділігі көрінеді. Қазақстан, Өзбекстан мен Түркіменстан сияқты мемлекеттерде көрініс тапқан осындай үдерістің нәтижелері сол: өзге автохтонды емес қауымның едәуір бөлігі өздерін шеттетілген сезінеді. Хеннаяк болжағанындай, аумақты, территорияны ұлттандыру, тарихи негіздемелері арқылы титулдық қоғамдастықтарды территорияландыру әрекеттері титулды емес топтардың ұлтқа жату сезімінің негізділігіне күмән тудырды. Титулды емес халық өз кезегінде титулды халыққа қарсылық ретінде өткен батырларын, бұрынғы егемен мемлекеттерін сипаттайды (Ненпауаке, 1992: 526). Этносаралық жанжалдардың туындауына өз аумағын ұлттандыру әрекеттері әсер етуі мүмкін. Бұл ретте әр түрлі қоғамдық-саяси күштер арасында шебер әрекет еткен Н.Назарбаевтың рөлін атап өтуге болады. Өйткені Қазақстанда алғаш тәуелсіздік жылда-

ры айтарлықтай елді дүр сілкіндіретін, ұзаққа созылған этникалық қайшылықтар орын алмады. Елбасы өз елінің мемлекеттік құрылысы процесінде шешуші тұлға болды. Қазақстан-қазақтардың байырғы жері ретінде айқындалды. Сонымен қатар Қазақстан елді мекен ететін барлық этностардың ортақ үйі ретінде тарихнама қалыптастырылды. Қазақтардың ежелден бері осы аймақта мекен етіп келе жатқан халық екендігін дәлелдеу, Қазақстан тарихын қайта жазу арқылы заңдастыруы шаралары іске асырылды. Бұл шараларды іске асыруда тарих және символ орны ерекше болды.

Ұлт құрылысында тарих және символ

Ұлт құрылысында маңызды орын алатын тарихнаманың тағы бір саласы ретінде тарихты атап өтуге болады. Тарих ұлт құрылысында ең маңызды құрамдас бөліктерінің бірі болып табылады. Тарих идеология ретінде қоғамда ұлтты және ұлттық саясатты қалыптастыруда зор қызмет атқарады. Қазақстандық белгілі археолог ғалым К.М. Байпақов: «Өткеннің объективті бейнесін жасау Қазақстан Республикасының ұлттық бірлігін қалыптастыруға, оның мемлекеттілігінің пайда болуына және егемендігінің күшеюіне ықпал етуші бірден – бір фактор болып табылады» (Байпақов, 2014: 117). Өйткені тарихи санада тек өткені емес, қазіргі және болашағына деген көзқарас қалыптасады. Титулдық ұлт өздерінің алтын дәуірге ие болғанын дәлелдеу үшін әдетте өткен шаққа жүгінеді. Тарих белгілі бір ұлттың өткенін, даму, құлдырау кезеңін түрлі жолдармен баяндай отырып, ұлттық сезімге әсер беріп, ұлттық болмысты жасауына ықпал етеді. «Этникалық топ бұрын болған кемсітушілікке ұшырап, өз тілін, мәдениетін, символикасы мен тарихын қайта құруға тырысады. Сонымен қатар, осы ұлтшылдық процесс шеңберінде ол этникалық азшылықтарды «ассимиляциялауға» немесе «ажыратуға» тырысады» (Smith, 2002). Яғни, мемлекет өзінің ұлттық идеологиясында тарихты қоғамдық санаға әсер ету үшін пайдаланады. Тарих ғылымы қоғамдық сананы тәрбиелеуде ерекше орынға ие. Кеңес үкіметі ыдырағаннан кейін посткеңестік елдер тарихын қайта жаза бастады.

Қазақстан элитасының тарих жазуда мән берген тұсы тарихи оқиғаларды қайта жаңғырту, тұлғаларды ұлттық символдар негізінде қайта ұлықтау болды. Тәуелсіздік алған тұста тарихты революцияға дейінгі кезең қайтадан қарастырыла, жазыла бастады. Қазақтардың қалыптасуын андрон кезеңінен басталғаны айтылады тарих

оқулықтарында. Кейін сақтар, сарматтар, түркі халықтары, монғол шапқыншылығы, кейінерік пайда болған хандықтар және олардың мұрасын алған, жалғастырушы қазақтар екені жазылады. Осылайша қазақ халқының өзіндік этникалық болмысын айқындауда ежелгі заманғы тарихы назарға алынды.

Тәуелсіздік алған кезеңде тарихты революцияға дейінгі кезең қайтадан қарастырыла, жазыла бастады. Тарихты болашақ ұрпақ үшін қайта жазу және қайта ашу ғана емес, жер, аумағын легитимациясы үшін де, ұлттың өзін-өзі анықтауы үшін де маңызды маңызды болды. Мысалы, Маргуш, Хорезм, Соғды, Ферғана, Шаш, Сырдария жазирасы, Шығыс Түркістан аумақтарын Қазақстанда мекен еткен халықтардың игергені туралы жазылды. Ғұндарды тарихта алдыңғы қатарға шығарды, олардың Азия мен Еуропаны байланыстырушы ретінде қарастырды. Түркі мәдениеті, қыпшықтардың әлем өркениетіне ықпалы болғандығы тарихнамада алдыңға қатарға шығарылды. Ғұн, қыпшақтарды Қазақстан территориясында ғана емес, басқа аймақтағы халықтың қалыптасуына үлес қосқаны туралы айтылды. Сонымен қатар символ, миф, тұлғаларды қайта жаңғыртуын елтаңбадан, жалау, ту, теңге шығарылғанда көрінді. Осылайша, ұлт құрылысында тарихты жаңадан құрастыру, қайта жаңғырту байқалды.

Тәуелсіздік жылдары ең өзекті тақырыптар ретінде: Қазақстанның Ресейге қосылуының жекелеген мәселелері, 1916 жылғы көтерілістер, ашаршылық, сталинизм, 1937-1938 жылдардағы қазақ зиялыларының жаппай қуғын-сүргінге ұшырауы, репрессия жылдары, жоңғар шапқыншылығы, Патша үкіметіне қарсы көтерілістер, тың игеру, 1986 жылғы желтоқсан оқиғалары талқыланды. Осы орайда, Қазақстанда «Жаппай саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау туралы» Қазақстан Республикасының заңы қабылданды. 1937-38 жылдардағы қуғын сүргінге ұшыраған зиялылар ақталды. Тәуелсіздік алған тұстағы тарихтың талқыланған тақырыптары қазақ халқының түп тамырына оралу, қайта жаңғырту мақсаты көрінеді. Бірақ Қазақстан-Ресей арасындағы байланыстар мәселесінде Қазақстан тарихында өте сақ жазылғаны байқалады. Ашаршылық, қазақтардың Ресей патшалығына қол астына мәселелері сұрақтары ашық күйде қалды, бекітілмеді.

Ұлт құрылысында, ұлттық бірігейлікте символдарды, мифті қайта жаңғыртуда тарих-

тың орны ерекше. Тәуелсіздігін алған елдер өзінің тарихтағы ұлттық символдарын қайтадан жаңартады және қолданысқа енгізеді. «Мифтерсіз, естеліксіз және символдарсыз, олардың көмегімен топ мүшелерін «бөтен адамдардан» ажырату, ұлт мүшелерін ұйыстыратын мәдени элиталарсыз нақты этнос болуы мүмкін емес (Smith 2002). Қазіргі заманның бейнесін өткен тарихта бейнелеу үшін тарихты, тарихнаманы мифтендіреді. Халықтарды біріктіретін жаңа ұлттық бірегейлікті қалыптастыру жолында мифке жүгінбеу мүмкін емес. Мифтер топтың ортақ тағдырын түсінуді оятады. Осылайша ұлт құрылысы жаңа қиялы қауымдастықты жаңғырту және сипаттау үшін өткен шақты негізге алады. Жалпы мифтер мен естеліктер этникалық өмір сүрудің маңызды сипаттамалары болып табылады. Ұлттың «алтын ғасыр», жаумен азап пен соғыстар жазылған тарихы болуы тиіс екенін көрсетеді. Бұл фольклор түріндегі естеліктер «тарихи этносимволизм» деп аталатын ұлттық құрылыстың барлық процесіне қолданылуы мүмкін (Smith, 2002b: 14).

Сонымен қатар, посткеңестік елдер өздерінің тәуелсіздігін алысымен жаңадан ұлттық және мемлекеттік құрылысты қалыптастыруда кеңестік символдарды жаппай жоюмен айналысты. Посткеңестік елдер қалалар мен көшелердің атын өзгертуден бастады. Коммунистік қоғам қайраткерлерінің есімдері бірте-бірте алмастырыла бастады. «Қала атауы» қоғамның дүниетанымын қалыптастыруға бағытталған репрезентация жүйесі ретінде жұмыс істейді (Palonen, 2008: 220). Қаланың атауын өзгерту-«Халықтың географиялық естелігін қайта қалыптастыруда биліктің қоғамдық жадты қайта жаңғыртуы» болып табылады (Azaryahu, 1996: 328). Қырғызстанның астанасы Бішкек қаласының бұрынғы атауы Фрунзе болған. Қырғызстан тәуелсіздік алысымен, қалаға бұрынғы XIX ғасырдағы өз атауын берді. Тәжікстанның ірі қаласы Худжандтың бұрынғы атауы Ленинабад еді. Қазақстанның астанасы Нұр-Сұлтан қаласының бұрынғы атауы Целиноград болатын. Бұл символдар ұлттар мен халықтың тарихи және ұлттық санасының қайта оянуына үлесін қосады. Қазақстан ұлт құрылысында халықтың санасынан кеңестік қалдықтардан тазарту мақсатында кеңестік символдардан деидеологизациялаудан бастады. Осылайша Қазақстанда саяси, мәдени, тарих салаларында кеңессіздендіру үрдісі байқалды. Қазақстанның барлық өңірлерде, және көше

атаулары өзгертілді. Бұрынғы кеңестік қайраткерлердің орнына Қазақтан тарихи тұлғаларының аттарымен атала бастады. Қазіргі таңда Қазақстанда қуғын сүргінге ұшыраған азаматтар толықтай ақталып, олардың есімдері көшелерге, елді мекендерге қойылды. Сонымен қатар кейбір кеңестік мерекелерді мемлекеттік деңгейде тойлау тоқтатылды. Қазақстандағы ұлттық мәселелерді зерттеумен айналысатын ғалым Р.Қ.Қадыржанов (Қадыржанов, 2014) (Қадыржанов, 2014: 131) ұлттық бірегейліктің қалыптасуын ұлттық идея, патриотизм, ұлттық тарих, миф, тіл және басқа да мәселелермен тығыз байланыста қарастырады. Тарихи символизм ұлт құрылысында өз орнын ойып тұрып алатынын білеміз. Әр мемлекет қоғам қайраткерлерін, батырларын, елге рух беретін бірегейлігін күшейтетін тұлғаларды өз тарихында тарихи символдар ретінде қалыптастырады. Көпұлтты елдерде тарихтың жазылуындағы міндет үлкен күрделі жұмыстар жүргізіп, этно-символдарды дұрыс қоя білу. Ұлт құрылысын тек біржақты ашық ұлттық саясат жүргізу деп түсінбеу керек. Сондықтан, ресми тарихнаманы, тарихты, символдарды құрастыру өте жоғары, сақ жасалуы тиіс. Ұлттық мәселе саяси-саяси кеткен кездегі Грузиядағы, Әзірбайжан мен Армения арасындағы қақтығыстарға алып келгенін бәрімізге белгілі. Тарихшылар белгілі бір ұлттың тарихын жазу мен түсіндіру кезінде барынша шынайы, объективті түрде баяндауы абзал болып табылады. Сонымен Қазақстан ұлт құрылысында тарихи символдар, мифтер, тарихи оқиғалар қоғамда тарихи санада зор қызмет атқарады. Өйткені әрбір жеке тұлға мемлекеттің символикасы негізінде сол елдің азаматы ретінде өзін-өзі толықтай сезінеді. Символдар ұлттың өткені, бүгіні, болашағы арасын байланыстырушы ерекше белгі.

Талқылау және нәтижелер

Қазақстанның тәуелсіздікті жаңадан алуына байланысты, ұлттық бірегейленудің жаңа бағыттың, бағдардың пайда болғанын байқаймыз. Осы кезеңде жаңа құндылықтар пайда болды. Тәуелсіздік жылдарындағы жүргізілген бағыт мемлекет құрушы негізгі этностың ұлттық санасының нығаюына және дамуына әсер етті. Халықаралық аренада ұлт ретінде мемлекеттігі дәлелденді. Отарлық саясаттың әсерінен даралығын жоғалтуға шақ қалған қазақ халқының элитасы қазақ ұлтының мемлекеттің

бірден-бір қожайыны иегері ретіндегі ұлт құрылысын жүргізуін талап етеді. Сондықтан жаңадан тәуелсіздігіне қол жеткізген Қазақстан барынша қазақ ұлтының ұлттық сана-сезімін жаңғытуды күн тәртібіне қойды. (Асылтаева, 2013) Ал қазіргі кезеңде әр этностың құқықтық, саяси мәртебесі 1995 жылғы заңда анықталған, жалпы ұлттық Қазақстан азаматын құру идеясы алдыңғы орында.

Қорытынды

Қазақстандағы тарихнаманың ерекшелігі ол елдің сыртқы және ішкі саясатқа, қоғамдық санаға байланысты екені байқалады. Ресми билік тарихты саяси және қоғамдық, экономикалық шешімнің кілті ретінде қарастырады. Қазақстанда Тәуелсіздіктің алғашқы күндерінен бастап ұлт құрылысы мәселелері ел басшылығының ерекше бақылауында болды. Қазақ халқының ұлт құрылысында негізгі ұйытқысы болатыны айтылады. Ұлт құрылысында негізгі бағытты билік элиталары беріп отырды. Қазақстанда жалғыз ұлт құрылысын «Мемлекет» қана іске асыру керек деген түсінік қалыптасты. Бұл жерде «мемлекет»- ұлт құрылысының бағытын беретін билік элиталарын айтамыз. Ұлт құрылысындағы негізгі міндеткерлікті мемлекет алғанын, жаңадан тәуелсіз алған елдерден немесе тоталитарлық режимнен демократиялық режимге өткен мемлекеттерден байқауға болады.

Қазақстан мемлекеті тәуелсіздікке қол жеткізгеннен бері дербес мемлекет ретінде саяси сананы мен ұлттық сананы кеңессіздендіру үрдісін жұмсақ және болса да қолға алынды. Алғаш тәуелсіздік алған жылдарда төл этностың негізінде ұлттық мемлекет құру бекерге тағдалған жоқ. Қазақстан халықаралық саясатта өзін субъективті, ұлты бар мемлекет екендігін дәлелдеуін мақсат етті. Тәуелсіздіктің алғашқы күндерінен бастап елдің саяси басшылығы жүргізген ұлттық саясатының негізгі мақсаты этникалық және азаматтық бірегейлік арасындағы тепе-теңдікті ұстап тұру болды.

Көпұлтты елдерде ұлтаралық қатынас ең өзекті мәселе болып табылады. Қазақстан ұлт құрылысы процесі әлі жалғасуда. Ұлт құрылысы мемлекеттің саяси, әлеуметтік, мәдени саласын қамтыды. Тәуелсіздігін бекіткеннен кейін ұлт құрылысындағы ұстаным Қазақстанның барлық этникалық топтарын бірыңғай азаматтық қауымға біріктіруді мақсат етті. Этностық белгілерге негізделген негізделген азаматтық

бірегейлікті қалыптастыруды көздеді. Елдегі әр халықтың мәдениеті мен тілдеріне дамуына барынша жағдай жасала отырып, ұлттық бірегейлікті қадыптастыру қажет екенін байқауға болады. Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарынан бастап билік элитасы ел бірлігі, тәуелсіздік, өзара келісім мәселелерін жиі айтып, елдің ең

негізгі құндылығына айналдыруға күш салды. Әрине көпұлтты мемлекетте ұлт құрылысын жасау өте күрделі екенін ұмытпауымыз шарт. Қазақстандағы бүкіл ұлттар Қазақстанды отаным деп сезініп, тілін, тарихын мойындап атсалысқан кезде ұлт құрылысының жемісті жүргізгенін айтуға болады.

Әдебиеттер

- Abashin, S. (2012). Nation-construction in post-Soviet Central Asia. *Soviet and Post-Soviet Identities*. M. Bassin, C. Kelly (eds.), *Cambridge University Press*, p.150–168.
- Anderson, B. (1992). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. 2nd ed. London: Verso.
- Alexander, C. Diener. (2002). National Territory and the Reconstruction of History in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*, 43(8), 632-650.
- Azaryahu, M. (1996). The Power of Commemorative Street Names. *Environment and Planning D: Society and Space*, 14(3), 311-333. <https://doi.org/10.1068/d140311>
- Brubaker, R. (1999). The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between ‘Civic’ and ‘Ethnic’ Nationalism,” in Hanspeter Kriesi, ed., *Nation and National Identity: The European Experience in Perspective*, 55–71.
- Diana, T. Kudaibergenova (2016) The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 68(5), 917-935
- Masanov, N., Karin, E., Chebotarev, A., & Natsuko, O. (2002) *The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan*. (Reports № 51) Jetro, Institute of developing economies. <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Reports/Mes/51.html>
- Laruelle, M.(2015)The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan: Kazakhness, Kazakhstanness, and Transnationalism,” in Mariya Omelicheva, ed., *Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions* (Lanham, MD: Lexington Books).
- Palonen, E. (2008). The City Text in Post-Communist Budapest: Street Names, Memorials, and the Politics of Commemoration. *GeoJournal*, 73(3), 219-230
- Senggirbay, M. (2019). Ethnic Identity of Kazakhstani Russians: The Dynamics of Change and the Place of Russia as a Kin State. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics Volume 13*(1), 67-89.
- Shantha, K.Hennayake. (1992). Interactive ethnonationalism An alternative explanation of minority ethnonationalism. *Political Geography*, 11(6), 526-549.
- Smith, A.D. (1996). Culture, Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-)*, 72(3), 445-458.
- Smith, A.D. (2002). When is a Nation. *Geopolitics*, 7(2), 5-32.
- Will Kymlicka. (1996). *Multicultural Citizenship Oxford: A Liberal TheoryMinority Rights*. Clarendon Press, p. 189.
- Айтымбетов Н.Ы. Ұлттық бірегейлік – Қазақстанның саяси мәдениетінің қалыптасу факторы. Философия докторы (PhD) ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация – Алматы, 2015. – 124 б.
- Асылбеков және т.б. Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін). Бес томдық. 3-том. – Алматы: Атамұра, 2010. – 768 б.
- Асылтаева Ә.Б. Қазақстан қоғамының демократизациялануы контексіндегі азаматтық бірегейліктің қалыптасу ерекшеліктері. Философия докторы (PhD) ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. – Алматы, 2013. – 142 б.
- Аргынбаев Х.А.Историко-культурные связи русского и казахского народов/ Ред. кол. Е.М. Арын и р. – 2-ое изд., доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – С.242
- Байпаков К.М. «Известия национальной академии наук Республики Казахстан». Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии. К подготовке 10-ти томной истории казахов и Казахстан. Алматы, 2014. – 226 с.
- Дунаев В.Ю., Курганская В.Д. Экология культуры в национальных картинах мира. – Алматы, 2014. – 280 с.
- Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.
- Козина В.В. Демографическая история Казахстана: Учеб. пос.- Караганда.:Изд-во КарГУ, 2007. – 145 с.
- Қойгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920-1940-х годов. – Алматы, 2009. – 448 с.
- Мұсатаев С.Ш. Қазақстандық жалпыұлттық идеяның азаматтық қоғам қалыптастырудағы рөлі // Саясат. – 2003. – №10. – 24-27 б.
- Назарбаев Н.Ә. Тарих толқынында: монография / Н.Ә. Назарбаев. – Алматы: Жібек жолы, 2010. -149-150 б.
- Назарбаев Н. А. Избранные речи.Том III.- Астана: Изд-во Сарыарка, 2009. – 582 с.
- Нысанбаев А., Машан М., Мурзалин Ж., Түрегулов А. Эволюция политической системы Казахстана.- Алматы, 2011. – 533 с.

References

- Abashin, S. (2012). Nation-construction in post-Soviet Central Asia. *Soviet and Post-Soviet Identities*. M. Bassin, C. Kelly (eds.), Cambridge University Press, p.150–168.
- Anderson, B. (1992). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. 2nd ed. London: Verso.
- Alexander, C. Diener. (2002). National Territory and the Reconstruction of History in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*, 43(8), 632-650.
- Azaryahu, M. (1996). The Power of Commemorative Street Names. *Environment and Planning D: Society and Space*, 14(3), 311-333. <https://doi.org/10.1068/d140311>
- Brubaker, R. (1999). The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between ‘Civic’ and ‘Ethnic’ Nationalism,” in Hanspeter Kriesi, ed., *Nation and National Identity: The European Experience in Perspective*, 55–71.
- Diana, T. Kudaibergenova (2016) The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 68(5), 917-935
- Masanov, N., Karin, E., Chebotarev, A., & Natsuko, O. (2002) The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. (Reports № 51) Jetro, Institute of developing economies. <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Reports/Mes/51.html>
- Laruelle, M.(2015)The Three Discursive Paradigms of State Identity in Kazakhstan: Kazakhness, Kazakhstanness, and Transnationalism,” in Mariya Omelicheva, ed., *Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions* (Lanham, MD: Lexington Books).
- Palonen, E. (2008). The City Text in Post-Communist Budapest: Street Names, Memorials, and the Politics of Commemoration. *GeoJournal*, 73(3), 219-230
- Senggirbay, M. (2019). Ethnic Identity of Kazakhstani Russians: The Dynamics of Change and the Place of Russia as a Kin State. *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics* Volume 13(1), 67-89.
- Shantha, K.Hennayake. (1992). Interactive ethnonationalism An alternative explanation of minority ethnonationalism. *Political Geography*, 11(6), 526-549.
- Smith, A.D. (1996). Culture, Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-), 72(3), 445-458.
- Smith, A.D. (2002). When is a Nation. *Geopolitics*, 7(2), 5-32.
- Will Kymlicka. (1996). *Multicultural Citizenship* Oxford: A Liberal Theory Minority Rights. Clarendon Press, p. 189.
- Aitymbetov N.Y. (2015) Ultyk biregejlik – Kazakstannyn sajasi madenietinin kalyptasu faktory.[National identity is a factor in the formation of the political culture of Kazakhstan]. *Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy (PhD)*, pp. 124.
- Asylbekov zhane t.b. (2010) Kazakhstan tarihy (kone zamannan buginge dejin) [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. Almaty, Atamura, vol.3. pp. 768.
- Asyltaeva A.B. (2013) Kazakhstan kogamynyn demokratizacijalanuy konteksindegi azamattyk biregejliktin kalyptasu erekshelekteri [Features of the formation of civic identity in the context of the democratization of Kazakhstan’s society] *Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy (PhD)*. Almaty, pp. 142.
- Argynbaev H.A. (2007) Istoriko-kul’turnye svyazi russkogo i kazahskogo narodov [Historical and cultural relations of the Russian and Kazakh peoples] *Aryn, Astana, Altyn kitap*, pp. 242.
- Bajpakov K.M. (2014) «Izvestija nacional’noj akademii nauk Respubliki Kazakhstan». Koncepcija stanovlenija istoricheskogo soznaniya v Respublike Kazakhstan i zadachi otechestvennoj arheologii[“Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan”. The concept of the formation of historical consciousness in the Republic of Kazakhstan and the tasks of national archeology]. To prepare a 10-volume history of the Kazakhs and Kazakhstan. Almaty, pp. 226.
- Dunaev V.U., Kurganskaja V.D. (2014) Yekologija kul’tury v nacional’nyh kartinah mira [Ecology of culture in national pictures of the world]. *Almaty*, pp. 280.
- Kadyrzhannov, R.K. (2014) Jetnokul’turnyj simvolizm i nacional’naja identichnost’ Kazakhstana [Ethno-cultural symbolism and national identity of Kazakhstan] / Pod obshh. red. Z.K. Shaukenovoj. – Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies. KN MES RK, pp. 168.
- Koigeldiev M.K. (2009) Stalinizm i represii v Kazakhstane 1920-1940-h godov [Stalinism and repression in Kazakhstan in the years 1920-1940]. *Almaty*, pp. 448.
- Kozina V.V. (2007) Demograficheskaja istorija Kazakhstana [Demographic history of Kazakhstan] Training manuals. Karaganda.KarGU Publishing House, pp. 145.
- Musataev S.S. (2003) Kazakstandyk zhalpyul’ttyk idejany azamattyk kogam kalyptastyrudagy roli [The role of Kazakhstan’s national idea in the formation of civil society]. *Politics*, no 10, pp. 24-27.
- Nazarbaev N.A. (2010) Tarih tolkynynda [On the wave of history] monograph / N.A. Nazarbaev. – Almaty, Zhibek zholy, pp. 149-150.
- Nazarbaev N. A. (2009) Izbrannye rechi [Selected speeches]. *Tom III, Astana, Izd-vo Saryarka*. pp. 582.
- Nysanbaev A., Mashan M., Murzalin Zh., Turegulov A. (2011) Yevoljucija politicheskoy sistemy Kazakhstana [Evolution of the political system of Kazakhstan]. *Almaty*, pp. 533.

МРНТИ 11.07.45

<https://doi.org/10.26577/jpcp.2022.v79.i1.08>**А.Г. Щегорцова*** , **Е.Л. Нечаева**

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан

*e-mail: akimat@rambler.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИАМЕНЕДЖМЕНТ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В публикации проанализированы подходы к пониманию медиаменеджмента в мировой науке. В частности, наглядно продемонстрированы различия в трактовке медиаменеджмента англоязычной наукой (управление медиапредприятием с точки зрения бизнеса в конкурентной среде) и в рамках научного дискурса стран СНГ (микроэкономика – уровень медийного предприятия, макроэкономика – государственный уровень). В связи с этим обосновано употребление термина «государственный медиаменеджмент», предложена авторская дефиниция. Также в схематичном виде обобщены основные вехи периодизации исследований медиаменеджмента в дальнем зарубежье, в СССР и постсоветских странах. Выявлен основной круг проблем, находящихся в поле внимания исследователей сферы государственного медиаменеджмента; приведены примеры основных вызовов и рисков, возникающих в связи со всё ускоряющимся развитием информационно-коммуникационных технологий. Рассмотрены возможности и инструменты государства в части поддержки медиасферы: льготы и ссуды для предприятий СМИ, субсидии для вспомогательных компаний, обслуживающих медийную сферу (например, для почтовых и экспедиторских компаний), финансирование социально значимых СМИ, совершенствование соблюдения прав интеллектуальной собственности и т. д. Намечены перспективы для дальнейших исследований, а также показана связь государственного медиаменеджмента и образования, как на уровне государственного заказа на подготовку медиаменеджеров, так и в связи с утверждением основных компетенций, наличие которых важно для данной профессии.

Ключевые слова: медиаменеджмент, государственный медиаменеджмент, управление медиасферой, информационные технологии, масс-медиа, СМИ.

A.G. Shchegortsova*, E.L. Nechaeva

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan

*e-mail: akimat@rambler.ru

State media management: nature of subject and main approaches to it's definition

The publication analyzes approaches to understanding media management in world science. In particular, the differences in the interpretation of media management by English-speaking science (management of a media enterprise from the business perspective in a competitive environment) and within the framework of the scientific discourse of the CIS countries (microeconomics – the level of the enterprise, macroeconomics – the state level) are clearly demonstrated. In this regard, the use of the term “state media management” is justified, author offers it's definition. Also, in a schematic form, the main milestones of the periodization of media management research in the far abroad, in the USSR and post-Soviet countries are summarized. The article reveals the main circle of problems that are in the field of attention of researchers of the state media management sphere; it shows examples of the main challenges and risks arising from the ever-accelerating development of information and communication technologies. The possibilities and tools of the state in terms of supporting the media sphere are considered: e.g., benefits and loans for media enterprises, subsidies for auxiliary companies serving the media sphere (for example, for postal and forwarding companies), financing of socially significant media, improving compliance with intellectual property rights, etc. Prospects for further research are outlined, and the connection between state media management and education is shown, both at the level of the state order for the training of media managers, and in connection with the approval of core competencies, the presence of which is important for this profession.

Key words: media management, state media management, media sphere management, information technologies, mass media, mass media.

А.Г. Щегорцова*, Е.А. Нечаева

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

*e-mail: akimat@rambler.ru

Мемлекеттік медиаменеджмент: мәні және оны анықтаудың негізгі тәсілдері

Басылым әлемдік ғылымдағы медиаменеджментті түсіну тәсілдерін талдайды. Атап айтқанда, медиа менеджментін ағылшын тілді ғылымның (бәсекелестік ортадағы бизнес тұрғысынан медиа-кәсіпорынның менеджменті) және ТМД елдерінің ғылыми дискурс шеңберіндегі (микроэкономика – медиа кәсіпорын деңгейі, микроэкономика – мемлекеттік деңгей) түсіндіруіндегі айырмашылықтар анық көрсетілген. Осыған байланысты «мемлекеттік медиаменеджменті» терминін қолдану негізделді, оның авторлық анықтамасы ұсынылады. Сондай-ақ, схемалық түрде алыс шетелдегі, КСРО және посткеңестік елдердегі медиаменеджментті зерттеулерінің кезеңділігінің негізгі кезеңдері жинақталған. БАҚ менеджменті (медиаменеджменті) зерттеушілердің назарын аударатын мәселелердің негізгі шеңбері ашылды; ақпараттық-коммуникациялық технологиялардың үдемелі дамуының нәтижесінде туындайтын негізгі қиындықтар мен тәуекелдердің мысалдары келтірілген. Мемлекеттің БАҚ саласын қолдаудағы мүмкіндіктері мен құралдары қарастырылады: БАҚ кәсіпорындарына жеңілдіктер мен несиелер, медиа саласына қызмет көрсететін қосалқы компанияларды субсидиялау (мысалы, пошта және экспедиторлық компаниялар үшін), әлеуметтік маңызы бар БАҚ-ты қаржыландыру, зияткерлік меншік құқықтарын сақтау және т.б. Одан әрі зерттеу перспективалары белгіленді, сонымен қатар, мемлекеттік БАҚ менеджменті (медиаменеджменті) мен білім берудің өзара байланыс – БАҚ менеджерлерін даярлауға мемлекеттік тапсырыс деңгейінде де, осы мамандық үшін маңызды болып табылатын негізгі құзыреттерді бекітуге байланысты да – көрсетілген.

Түйін сөздер: медиаменеджмент (БАҚ менеджменті), мемлекеттік медиаменеджменті, медиа саласын басқару, ақпараттық технологиялар, масс-медиа, БАҚ.

Введение

В современном обществе неоспорима роль средств массовой информации (СМИ) как «совокупности каналов распространения информации, адресованной неограниченному кругу лиц, социальных групп, государств, с целью оперативного информирования их относительно событий и явлений в мире, конкретной стране, определенном регионе, а также для выполнения специфических социальных функций» (Средства массовой информации, 2000). Синонимом СМИ стало англоязычное понятие «масс-медиа», которое в последнее время все чаще употребляется наряду с русскоязычным его аналогом и служит для образования производных понятий, таких как медиасфера, медийный дискурс, медиаправо или масс-медийное право и т. д.

Как и любая иная сфера деятельности, масс-медиа нуждаются в специальных управленческих подходах. Так, в мировой науке получил распространение термин «медиаменеджмент», обозначающему им феномену посвящен значительный корпус работ зарубежных авторов, а также ряда казахстанских ученых. Вместе с тем подходы к пониманию медиаменеджмента, и в том числе роли в нем государства, разнятся, в связи с чем целесообразно обобщить и проана-

лизировать основные наработки по данному направлению.

Кроме того, независимо от общественного строя государство так или иначе участвует в вопросах, связанных с управлением и развитием медийной сферы, это присутствует даже в самых демократизированных странах. Вопрос взаимодействия СМИ и государства (в частности, государственной политики) рассматривается исследователями под различным углом. Так, например, Г. Штротмайер, политику и масс-медиа соотносит на макро-, мезо- и микроуровне, при этом рассматривая СМИ как (Средства массовой информации, 2000) инструмент политики; (Сазонова, 2014) как феномен, от которого зависят властные структуры; (Назарбетова, 2014) как часть жизни общества, с которой политика находится в отношениях взаимозависимости (Сазонова, 2014). Соответственно, в демократических странах СМИ могут влиять на принятие политических решений, в то время как в авторитарных странах СМИ находятся под контролем со стороны государства, подвергаются цензуре и используются для пропаганды идей правящего строя.

В то же время, по наблюдению казахстанской ученой А. Назарбетовой, не все исследователи согласны с таким поляризованным пред-

ставлением о государственно-медийном взаимодействии и видят СМИ лишь как средство отражения общественной жизни и множества мнений (Назарбетова, 2014).

Тем не менее, практика позволяет говорить о целесообразности выделения особого направления – государственного медиаменеджмента, четкое определение которого, однако, в литературе отсутствует, а разрабатывающие связанный с ним круг вопросов авторы ограничиваются отсылками к другим понятиям или рассматривают его лишь в контексте типологических и иных особенностей медиаменеджмента в целом. Это обуславливает актуальность проведения исследований в данном направлении, чему и посвящена настоящая публикация.

Материалы и методы

В статье проводится изучение отечественных и зарубежных научных работ по вопросам медиаменеджмента, опубликованных в виде статей в научных журналах и сборниках, монографических изданий, диссертаций. Автором статьи применены методы сравнительного и структурно-функционального анализа, а также терминологический и дискурсивный анализ, позволяющие раскрыть основные подходы к пониманию сущности и содержания медиаменеджмента.

Результаты исследования

Анализ зарубежных и отечественных источников показывает существование различных подходов к пониманию медиаменеджмента как сферы научного знания и практической деятельности. В дальнем зарубежье (в основном в англоязычных публикациях) принято говорить о медиаменеджменте преимущественно в контексте управления СМИ на уровне самих медийных предприятий, креативных, маркетинговых, финансово-экономических и иных процессов в деятельности конкретных СМИ (Murschetz & Tsourvakas, 2019) или персонала медиасферы – журналистов и др. (Killebrew, 2003).

Кроме того, хотя печатные и электронные СМИ, работающие со словом, выступают ядром той сферы, которая является объектом медиаменеджмента, однако все чаще исследователи включают в поле своего внимания также аудиовизуальные формы медийной коммуникации (кино, телевидение, радио и др.). Данная тенденция в изучении медиаменеджмента является об-

щей как для дальнего зарубежья, так и для постсоветских стран.

В то же время в Казахстане и других странах, ранее входивших в состав СССР, а также в иных странах с более сильной степенью взаимодействия государства и СМИ (например, в Китае, Индии и др. (Shaoqing, Duan, 2020)). Признается существование форм медиаменеджмента, субъектом которых является государство, а предметом – государственное управление медийной сферой.

Так или иначе, для проведенного нами исследования справедливым является утверждение А. В. Вырковского о многослойности, мультисубъектности и мультиобъектности медиаменеджмента (Вырковский, 2016), хотя оно и сформулировано им в ином контексте – в связи с сочетанием управленческого и креативного начал в медиаменеджменте, в связи с возможностью применения данного термина на уровнях принятия решений и их исполнения – в контексте самоменеджмента структурных подразделений и отдельных сотрудников внутри конкретного СМИ.

В связи с этим хотим обратить особое внимание на позицию российских исследователей, среди которых нам ближе всего мнение Е.В. Вартановой, которая разграничивает макро- и микроуровни в медиаменеджменте: на первом из них речь идет о СМИ как общественном институте, а на втором – о СМИ как о предприятии.

С учетом того, что на макроуровне субъектом менеджмента выступает государство, полагаем целесообразным говорить о данном направлении с использованием термина «государственный медиаменеджмент». Под ним мы предлагаем понимать управление медийной сферой со стороны государства для обеспечения эффективной деятельности СМИ посредством формулирования и реализации информационной политики, совершенствования соответствующих областей национального и международного права по вопросам медиа и информационно-коммуникационных технологий, а также за счет разработки и применения различных инструментов поддержки СМИ и мер по регулированию медиасферы.

Обсуждение результатов

Медиаменеджмент выступает объектом научного интереса на протяжении всего XX века и вплоть до настоящего времени. История его изучения в дальнем зарубежье и постсоветских

странах (с учетом их советского прошлого) берет начало еще в 1920-е годы, однако широкое распространение исследования по данной тематике получили лишь с 1960-х годов. При этом, в отличие от стран с рыночным укладом хозяйствования, в СССР в силу его политических и

экономических особенностей сформировались совершенно иные подходы к управлению СМИ (Выровский, 2016:25), что также нашло отражение в истории исследований в области медиаменеджмента. Эволюция мировой науки о медиаменеджменте показана на рисунке 1.

Рисунок 1 – Периодизация исследований медиаменеджмента в дальнем зарубежье и в СССР / постсоветских странах

Примечание – Составлено по источнику (Выровский А.В., 2016:11–28).

Если говорить о сути зарубежных исследований медиаменеджмента, в них на протяжении всего периода становления и развития данного научного направления принято под медиаменеджментом понимать управление СМИ как предприятиями. Например, медиаменеджмент определяется через соотнесение его с целенаправленными процессами планирования, организации и контроля в области генерации и распространения контента в СМИ как организациях (Wirtz, 2011:15); либо как совокупность управленческих способностей, применяемых в отношении персонала, бюджетов и иных ресурсов (Sherman,

1995) и при этом специфичных именно для медиасферы (Albarran, 2006).

Медиапредприятие (организацию) отличают от остальных организаций три черты: производство либо агрегация редакционного контента, обработка и размещение его на некоем носителе, дистрибуция контента. В. Л. Иваницкий в своем анализе медиаиндустрии вводит в качестве базовой экономико-организационной единицы концепт «предприятие (фирма) массмедиа» и определяет его как «предприятие, функционирующее в общей рыночной среде, но управляемое на основе внутрифирменной иерархии и ис-

пользующее в своей работе контракт для минимизации неопределенностей рыночной среды» (Иваницкий, (2010:31).

Медиапредприятие понимается как организованная структура, производящую специфический продукт – результат креативной деятельности, хотя в условиях мультиплатформенности и развития Интернета от генерирования контента СМИ переходят отчасти к его ретрансляции и дистрибуции. Исходя из этого, Т. Хесс определяет медиакомпанию как «организатора публичной, основанной на медиа, коммуникации» (Hess, 2014:5).

Тем не менее, даже исследователи, которые рассматривают СМИ с точки зрения рыночных отношений, признают, что нельзя не принимать во внимание социальный и политический контекст (Deuze, 2005), поскольку, в отличие от других бизнес-направлений, медиакомпаниям необходим баланс между их коммерческими интересами (Achtenhagen, 2020:9), содержательной идеологией (направлением) их деятельности и внешними факторами (Girija, 2020:84), в числе которых – государственно-правовое регулирование и многие другие.

Постсоветские исследователи чаще, чем их западные коллеги, склонны признавать многозначность термина «медиаменеджмент». Так, например, по Н. Б. Кирилловой, это 1) социальный и экономический институт, влияющий на образ жизни, сферу политики и культуры, предпринимательскую деятельность; 2) совокупность лиц, занятых управленческим трудом в сфере не материального, а духовного производства и распространения медиапродукции (газет, журналов, книг, фильмов, теле- и радиопрограмм, товаров типа DVD, CD, мультимедиа и др.); 3) научная дисциплина, изучающая технико-организационные и социально-экономические аспекты управления медиасферой, процессами производства и потребления информации, воздействия ИКТ на общество и т. д. (Кириллова, 2008).

Если в советское время и в начале 1990-х исследования по вопросам медиаменеджмента в основном проводились в рамках социологических и филологических наук, то в настоящее время ученые признают междисциплинарный характер данной дисциплины, охватывающей такие сферы, как политика, государственное управление, юриспруденция, экономика, социология и др. (Кириллова, 2014:96).

Сущность медиаменеджмента определяет структуру его системы. Он состоит из таких ком-

понентов, как: субъекты управления, объекты управления, процесс управления и механизмы управления. К субъектам управления относятся органы власти (центральные или региональные, местные), определяющие медиаполитику, гражданские институты общества (творческие союзы, гильдии, ассоциации), институты информационного менеджмента и финансово-промышленные группы, субсидирующие СМК. Объекты управления – потребители (читатели, зрители, слушатели), информационные процессы, медиасфера и медиаресурсы разных уровней.

Механизмы медиаменеджмента определяются целями и задачами государственного регулирования: политическими, юридическими, экономическими, социальными (Кириллова, 2014:96). В рамках медиаменеджмента осуществляется планирование, проектирование, создание медиаорганизаций (издательств, телерадиокомпаний, редакций, киностудий и т. д.), их постоянное инновирование, технологическое совершенствование, расширение медиaprостранства и медиарынка, реализация творческого потенциала, профессиональная подготовка специалистов, медиаобразование потребителей и т. д.

Все это доказывает, что медиаменеджмент – это интегрирующая система, отвечающая за взаимодействия разных медиаструктур и организаций с государством и обществом, внешней средой, рынками сбыта, системой маркетинга и PR-технологиями, наукой и образованием и т. д. (Кириллова, 2014:95).

В этой связи хотим обратить особое внимание на позицию российской исследовательницы Е. В. Вартаковой, считающей необходимым рассматривать «менеджмент СМИ как комплексную сферу, включающую в себя процесс принятия решений на макро- и микроэкономическом уровне для обеспечения эффективного функционирования СМИ одновременно и как экономического, и как социального институтов, а также для эффективного функционирования отдельных фирм» (Вартанова, 2007). Схематично данный подход отражен ниже на рисунке 2.

С одной стороны, как отмечают исследователи, медиаменеджмент охватывает разные направления управленческой деятельности в области средств массовой коммуникации: медиаполитику государства и правовую сферу, издательскую деятельность, систему управления теле- и радиоэфиром, кинопроизводство и кинопрокат, выпуск мультимедийной продукции; в объек-

те медиаменеджмента – интернет-маркетинг и интернет-реклама, а также организация медиаобразовательного процесса и фестивалей, аудиовизуального творчества (Кириллова, 2014:165).

С другой стороны, СМИ признаются научной средой в качестве инструмента для идеолого-политического воздействия государства на население (Назарбетова, 2014).

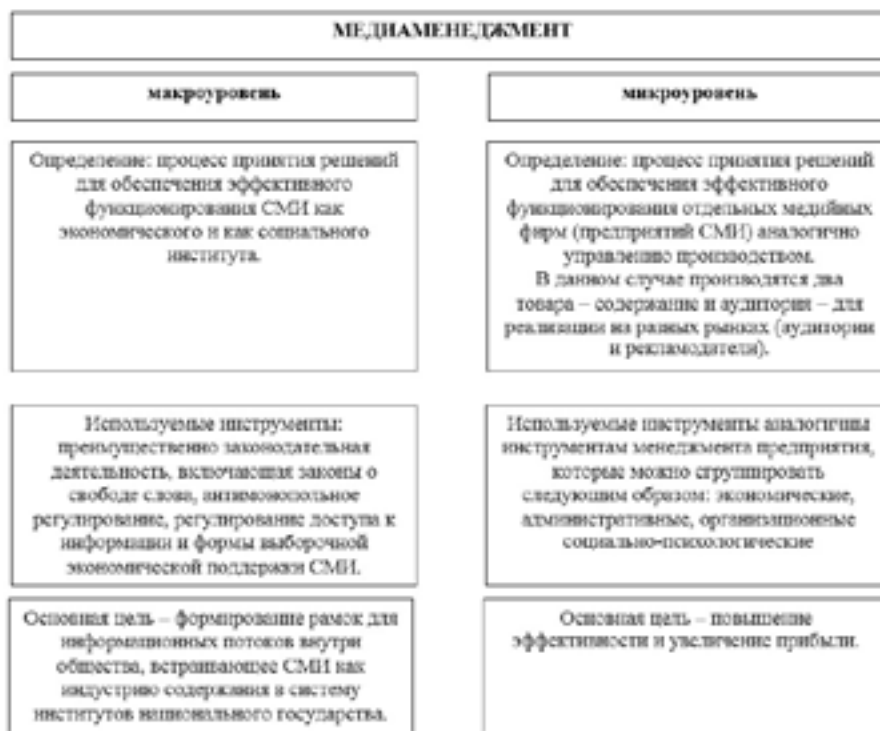

Рисунок 2 – Понимание медиаменеджмента по Е. В. Вартановой
Примечание – Составлено по источнику (19).

Соответственно, при исследовании медиаменеджмента целесообразно говорить не только о менеджменте медиапредприятий, но и о **государственном медиаменеджменте** как феномене управления медийной сферой со стороны государства для обеспечения эффективной деятельности СМИ посредством формулирования и реализации информационной политики, совершенствования соответствующих областей национального и международного права по вопросам медиа и информационно-коммуникационных технологий, а также за счет разработки и применения различных инструментов поддержки СМИ и мер по регулированию медиасферы.

Предложенное определение учитывает, что управление медиаиндустрией осуществляется в рамках политики государства по отношению к СМИ: в странах рыночного типа основной упор делается на экономические вопросы, такие как поддержание конкуренции на медиарынке, в то время как в иных странах – в большей степени

на идеологию (Вартанова, 2007). По утверждению британского ученого Дж. Дойла, политика должна определять роль государства в обеспечении СМИ и творческих индустрий, а также желаемых форм государственного вмешательства в медиа и творческие индустрии, подходящей нормативной среды для технологических и рыночных условий и т. д. (Doyle, 2016).

Медиаполитика включает в том числе позицию государства в отношении авторского права, защиты конфиденциальности, распределения субсидий, ограничений собственности, выдачи разрешений, прямого вмешательства государства в деятельность СМИ и т. д. Посредством медиаполитики государство определяет, насколько коммерциализированными и инновационными могут быть СМИ в каждой конкретной стране (Labafi, Tokbaeva & Jalalpoor, 2020).

От того, насколько информационная (медийная) политика учитывает текущее состояние СМИ в конкретной стране, а также проблемы и

потребности в данной сфере, зависит состояние общественно-политического, экономического, культурного, военного и иных аспектов безопасности государства (Нуртазина, 2011:2). При этом уровень принятия политических решений включает также ответственность за адаптацию традиционных политических подходов к современным условиям мультиплатформности, информационной открытости, к темпам развития информационно-коммуникационных технологий и иным инновациям в сфере медиа (Labafi, Tokbaeva & Jalalpoor, 2020:558).

В рамках государственного медиаменеджмента может осуществляться государственная поддержка медиасферы, включающая, например, налоговые, таможенные, социально-страховые льготы; выделение ссуд предприятиям СМИ (Su & Zarea, 2020:585-586); ежегодные субсидии для почтовых компаний в поддержку института подписки; нулевая ставка НДС на печатную продукцию (например, в Великобритании, Дании, Албании, Норвегии, Украине, Тунисе, Мексике, Бельгии, Индии, Венесуэле и др. (Яковлев, 2014:129-130); государственные программы по финансированию социально значимых СМИ или отдельных программ/рубрик в конкретном СМИ, а также по созданию и поддержанию в Интернете сайтов, имеющих социальное или образовательное значение (Яковлев, 2014:145); попытки развивать рынок СМИ посредством институционального вмешательства; совершенствование соблюдения прав интеллектуальной (Su & Zarea, 2020:585-586) и т. д.

Изменения в общественной жизни, в сфере информационно-коммуникационных технологий и т. п. ставят перед государственным медиаменеджментом ряд вопросов и являются источником новых вызовов. В качестве примеров можно привести:

- устаревание нормативных актов, которые не могут отвечать на новые вызовы в области СМИ, потребность в своевременной актуализации нормативных правовых механизмов регулирования СМИ (25).
- обеспечение инфраструктуры, необходимой для творческих индустрий, особенно в Интернете, в связи с необходимостью совершенствования соблюдения прав интеллектуальной собственности (Su & Zarea, 2020);
- невозможность разработать детальную политику в отношении сектора социальных сетей в отличие от традиционных медиа, а также трансформация таких принципов политики, как

авторское право, конфиденциальность и управление контентом (Labafi, Tokbaeva & Jalalpoor, 2020:560); и т. д.

Решению перечисленных и иных проблем и вопросов способствует проведение исследований в области оперативного и стратегического государственного медиаменеджмента (Яковлев, 2014:172);

Заключение

Медиаменеджмент является сравнительно молодым направлением в научной парадигме, охватывающим преимущественно вторую половину XX и начало XXI века. По результатам проведенного исследования установлено, что в мировой науке медиаменеджмент трактуется различным образом, при этом в дальнейшем зарубежье акцент в дефиниции данного термина делается на менеджменте медийных предприятий, в то время как в постсоветских странах наряду с таким пониманием отмечается также родственный ему феномен на макроуровне (т. е. на государственном уровне).

При этом, несмотря на различия в трактовках, общим аспектом для науки о медиаменеджменте является признание определенной степени участия государства в вопросах, связанных с медиасферой, и такое участие варьируется в зависимости от страновых особенностей. В связи с изложенным целесообразно говорить о государственном медиаменеджменте, который является разделом медиаменеджмента как науки (в широком смысле) и коррелирует с другим его разделом, охватывающим «микроуровень», – менеджментом медиапредприятий (или медиаменеджментом в узком понимании).

Государственному медиаменеджменту присущи специфические особенности, механизмы и инструменты, также он сталкивается с определенными проблемами и вызовами, во многом обусловленными эволюцией информационно-технологического общества. Например, с развитием интернет-коммуникаций и распространением онлайн-мессенджеров государства всего мира сталкиваются с новыми проблемами и вызовами в части управления массовыми коммуникациями, в то время как нормативная правовая база для данного проблемного поля еще находится в процессе развития.

Наконец, отметим, что государственный медиаменеджмент связан не только с политическими решениями и законодательными новеллами,

напрямую затрагивающими медийную сферу, но также находит отражение и в сфере образования. В частности, после перехода от плановой к рыночной экономике усложнились потребности в подготовке кадров для СМИ. В частности, помимо собственно журналистов, редакторов и др. участников процесса создания СМИ стали особо востребованы высококвалифицированные медиаменеджеры, которые способны управлять медиапредприятиями в конкурентной среде и обладают знаниями не только медийных производственных процессов, но также специфики

политико-правовых, финансово-экономических, социологических, маркетинговых, PR- и иных аспектов в своей профессиональной сфере.

Поддержка со стороны государства в данном случае может выражаться как в форме государственного заказа на подготовку медиаменеджеров в отечественных вузах, так и в части утверждения компетентностных требований (рамки компетенций, см. (26, с. 10–11]) применительно к данной профессии, которые, разумеется, должны составляться с привлечением представителей самой отрасли.

Литература

- Средства массовой информации (2000): В: Политическая энциклопедия. Т. 2.
- Сазонова Ю. А. (2014) Герд Штрмайер: масс-медиа как политический посредник. Гуманитарные научные исследования. № 4, <http://human.snauka.ru/2014/04/6225>.
- Назарбетова А. (2014). Политические функции масс-медиа. Аль-Фараби, 3 (47), 70–78.
- Murschetz, P. C. & Tsourvakas, G. (2019) Media management. In: D. Merskin (Ed.) The SAGE International Encyclopedia of Mass Media and Society. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Killebrew K. C. (2003) Culture, creativity and convergence: Managing journalists in a changing information workplace. International Journal on Media Management. 5:1, 39–46.
- Shaoqing, Duan. (2020). On the Transmutation of Media Management Concept under the Trend of Media Fusion. Journal of Finance Research, 4, 156.
- Вырковский А. В. (2016). Теоретические представления о медиаменеджменте: основные подходы и проблемные зоны. Вопросы теории и практики журналистики. 1, 29–44.
- Вырковский А. В. (2016). Редакционный менеджмент в печатных и онлайн-массмедиа: процессный подход. МедиаМир.
- Wirtz B. W. (2011). Media and Internet Management. Gabler Verlag.
- Sherman B. (1995). Telecommunications management, broadcasting. In: Cable and the New Technologie. 2nd ed.
- Albarran A. (2006). Historical trends and patterns in media management research. In: Albarran A., Chan-Olmsted S. (ed.). Handbook of Media Management and Economics. Lawrence Erlbaum Associates, 3–22.
- Иваницкий В. Л. (2010). Основы бизнес-моделирования СМИ.
- Hess T. (2014). What is a media company? A reconceptualization for the online world. International Journal on Media Management, 16:1, 3–8.
- Deuze, M. (2005). What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered. Journalism, 6(4), 442–464.
- Achtenhagen, L. (2020). Entrepreneurial Orientation – an Overlooked Theoretical Concept for Studying Media Firms. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 7–21.
- Girija, S. (2020). Political Economy of Media Entrepreneurship: Power, Control and Ideology in a News Media Enterprise. Nordic Journal of Media Management, 1(1), 81–101.
- Кириллова Н. Б. (2008). Медиаменеджмент как интегрирующая система. Академический Проект.
- Кириллова Н. Б. (2014). Медиакультура и основы медиаменеджмента. Издательство Уральского университета.
- Вартакова Е. Л. (2007). Чем управляют менеджеры СМИ? О природе современного медиаменеджмента. МедиаСкоп, 1, www.mediascope.ru.
- Doyle, G. (2016). Creative economy and policy. European journal of communication, 31(1), 33–45.
- Labafi S., Tokbaeva D., & Jalalpoor M. (2020). Media Innovation and its Influence on Policy-making in the Social Media Sector. Nordic Journal of Media Management, 1(4), 557–573.
- Нуртазина Р. А. (2011). Республика Казахстан: СМИ и политика. Азия Принт баспаханасы.
- Su Z & Zarea H. (2020). Policy for Fostering Entrepreneurship and Innovation in Creative Industries. Nordic Journal of Media Management, 1(4), 583–588.
- Яковлев И. П. (2014). Стратегическое управление медиасферой. Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Рубцова Е. В., Девдариани Н. В. (2018). Сравнительный анализ систем правового регулирования средств массовой информации в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Европейском союзе. БГЖ, 4 (25), 256–358.
- Зельдович Б. З. (2019). Медиаменеджмент. 2-е изд., испр. и доп. Издательство Юрайт.

References

- Sredstva massovoy informatsii [Media] (2000): V: Politicheskaya entsiklopediya. T. 2.
- Sazonova YU. A. (2014) Gerd Shtromayyer: mass-media kak politicheskii posrednik [Gerd Strohmeier: mass media as a political mediator]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*. № 4, <http://human.snauka.ru/2014/04/6225>.
- Nazarbetova A. (2014). Politicheskiye funktsii mass-media [Political functions of mass media]. *Al'-Farabi*, 3 (47), 70–78.
- Murschetz, P. C. & Tsourvakas, G. (2019) Media management. In: D. Merskin (Ed.) *The SAGE International Encyclopedia of Mass Media and Society*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Killebrew K. C. (2003) Culture, creativity and convergence: Managing journalists in a changing information workplace. *International Journal on Media Management*. 5:1, 39–46.
- Shaoqing, Duan. (2020). On the Transmutation of Media Management Concept under the Trend of Media Fusion. *Journal of Finance Research*, 4, 156.
- Vyrkovskiy A. V. (2016). Teoreticheskiye predstavleniya o mediamenedzhmente: osnovnyye podkhody i problemnyye zony. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical ideas about media management: main approaches and problem areas. Questions of the theory and practice of journalism]. 1, 29–44.
- Vyrkovskiy A. V. (2016). Redaktsionnyy menedzhment v pechatnykh i onlaynovykh massmedia: protsessnyy podkhod [Editorial management in print and online media: a process approach]. MediaMir.
- Wirtz B. W. (2011). *Media and Internet Management*. Gabler Verlag.
- Sherman B. (1995). Telecommunications management, broadcasting. In: *Cable and the New Technologie*. 2nd ed.
- Albarran A. (2006). Historical trends and patterns in media management research. In: Albarran A., Chan-Olmsted S. (ed.). *Handbook of Media Management and Economics*. Lawrence Erlbaum Associates, 3–22.
- Ivanitskiy V. L. (2010). *Osnovy biznes-modelirovaniya SMI*.
- Hess T. (2014). What is a media company? A reconceptualization for the online world. *International Journal on Media Management*, 16:1, 3–8.
- Deuze, M. (2005). What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered. *Journalism*, 6(4), 442–464.
- Achtenhagen, L. (2020). Entrepreneurial Orientation – an Overlooked Theoretical Concept for Studying Media Firms. *Nordic Journal of Media Management*, 1(1), 7–21.
- Girija, S. (2020). Political Economy of Media Entrepreneurship: Power, Control and Ideology in a News Media Enterprise. *Nordic Journal of Media Management*, 1(1), 81–101.
- Kirillova N. B. (2008). *Mediamenedzhment kak integriruyushchaya Sistema* [Media management as an integrating system]. Akademicheskii Proekt.
- Kirillova N. B. (2014). *Mediakul'tura i osnovy mediamenedzhmenta* [Media culture and basics of media management]. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Vartanova Ye. L. (2007). *Chem upravlyayut menedzhery SMI? O prirode sovremennogo mediamenedzhmenta* [What do media managers manage? On the nature of modern media management]. Mediaskop, 1, www.mediascope.ru.
- Doyle, G. (2016). Creative economy and policy. *European journal of communication*, 31(1), 33–45.
- Labafi S., Tokbaeva D, & Jalalpoor M. (2020). Media Innovation and its Influence on Policy-making in the Social Media Sector. *Nordic Journal of Media Management*, 1(4), 557–573.
- Nurtazina R. A. (2011). *Respublika Kazakhstan: SMI i politika* [Republic of Kazakhstan: media and politics]. Aziya Print baspakanasy.
- Su Z & Zarea H. (2020). Policy for Fostering Entrepreneurship and Innovation in Creative Industries. *Nordic Journal of Media Management*, 1(4), 583–588.
- Yakovlev I. P. (2014). *Strategicheskoye upravleniye mediasferoy* [Strategic management of the media sphere]. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Rubtsova Ye. V., Devdariani N. V. (2018). *Sravnitel'nyy analiz sistem pravovogo regulirovaniya sredstv massovoy informatsii v Rossiyskoy Federatsii, Soyedinennykh Shtatakh Ameriki i Yevropeyskom soyuze* [Comparative analysis of media legal regulation systems in the Russian Federation, the United States of America and the European Union.]. BGZH, 4 (25), 256–358.
- Zel'dovich B. Z. (2019). *Mediamenedzhment*. 2-ye izd., ispr. i dop. Izdatel'stvo Yurayt.

А.К. Жунусова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
e-mail: zhunusova.aigerim.polit@gmail.com

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В КАЗАХСТАНЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Институциональное доверие является одним из важнейших факторов социально-политической стабильности государства, поэтому его изучение является актуальным в любых условиях. Другой причиной, по которой важно изучать институциональное доверие может являться возможность определить отношение граждан к политической власти и прогнозировать политическое поведение. На сегодняшний день существует множество исследовательских работ на тему доверия к различным политическим институтам. Но малоизученным остаётся региональный аспект доверия казахстанских граждан, поэтому данная статья ставит своей целью рассмотреть и проанализировать региональные особенности институционального доверия в Казахстане. Теоретические научные труды позволили изучить феномен доверия, его роль и функции в политической системе. Данные исследования Всемирного Обзора Ценностей (WVS) позволили определить уровень институционального доверия респондентов разных областей Казахстана и сопоставить его с удовлетворённостью жизнью и материальным положением опрошенных, а также с политическим участием и с оценкой респондентов о причастности органов государственной власти к коррупции. В результате была выявлена специфика того, как доверие к институтам может отражаться на участии в различных формах политических действий. Статья написана в рамках научного проекта AP08857524 «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды».

Ключевые слова: институциональное доверие, политический протест, политические ценности, политическое участие.

A.K. Zhunusova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: zhunusova.aigerim.polit@gmail.com

Institutional Trust in Kazakhstan: Regional Specifics

Institutional trust is one of the significant factors of the stability of the state, so its study is pertinent in all conditions. Another reason why it is essential to research institutional trust may be the ability to determine the attitude of citizens to political power and to predict political attitude. There are many research papers on the topic of trust in various political institutions these days. But the regional aspect of trust of Kazakhstani citizens remains understudied. Therefore, this article aims to consider and analyze the regional characteristics of institutional trust in Kazakhstan. Theoretical scientific works have allowed to study the phenomenon of trust, its role and functions in the political system. Data from the World Values Survey (WVS) made it possible to determine the level of institutional trust of respondents in different regions of Kazakhstan and compare it with life satisfaction and financial situation of respondents, as well as with political participation and respondents' assessment of the involvement of public authorities in corruption. As a result, the specifics of how trust in institutions can be reflected in participation in various forms of political action were revealed. The article was written within the framework of the scientific project AP08857524 "Protest potential in Kazakhstan: features, factors, and trends".

Key words: institutional trust, political protest, political values, political participation.

A.K. Жунусова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: zhunusova.aigerim.polit@gmail.com

Қазақстандағы институционалдық сенім: аймақтық ерекшеліктер

Институционалдық сенім мемлекет тұрақтылығының маңызды факторларының бірі болып табылады, сондықтан оны зерттеу кез келген жағдайда өзекті болып табылады. Институционалдық сенімді зерттеудің маңыздылығының тағы бір себебі, азаматтардың саяси билікке қатынасын анықтау және саяси мінез-құлықты болжау мүмкіндігінің болуы. Бүгінгі

таңда әртүрлі саяси институттарға сенім білдіру аясында көптеген ғылыми еңбектер бар. Бірақ Қазақстан азаматтарының сенімінің аймақтық аспектісі осы күнге дейін жеткілікті деңгейде зерттелмеген, сондықтан бұл мақала Қазақстандағы институционалдық сенімнің аймақтық ерекшеліктерін қарастыруға және талдауға бағытталған. Ғылыми теориялық еңбектер сенім құбылысын, оның саяси жүйедегі рөлі мен функцияларын зерттеуге мүмкіндік берді. Дүниежүзілік құндылықтар шолуының (ДҚЖ) зерттеу деректері Қазақстанның әр түрлі аймақтарынан келген респонденттердің институционалдық сенім деңгейін анықтауға және оны респонденттердің өмірімен және материалдық жағдайымен қанағаттанумен салыстыруға мүмкіндік берді, сонымен бірге саяси қатысу және мемлекеттік органдардың сыбайлас жемқорлыққа қатысуын респонденттердің бағалауымен қарастырылды. Нәтижесінде, институттарға деген сенімділіктің саяси іс-әрекеттің әр түрлі формаларына қатысуда қалай әсер етуі мүмкін екендігі анықталды. Мақала AP08857524 «Қазақстандағы наразылық әлеуеті: ерекшеліктері, факторлары мен трендтері» ғылыми жобасы аясында жазылған.

Түйін сөздер: институционалдық сенім, саяси наразылық, саяси құндылықтар, саяси қатысу.

Введение

Институциональное доверие — это доверие граждан к существующим социальным и политическим институтам, которое представляет собой особую значимость в любом государстве, а его изучение раскрывает целый пласт отношений, как между властью и обществом, так и внутри самого общества. Связано это с тем, что доверие, как и само может выступать в качестве политической ценности, так и в его основе лежат определённые ожидания, ценностные установки и убеждения (Castaldo, 2003). Данная тема для Казахстана особенно актуальна в контексте реализации Концепции «Слышащее государство», а также в рамках изучения протестного потенциала. Именно поэтому особое внимание в статье обращено на доверие к институтам власти, которое во многом определяет поддержание диалога между властью и обществом, отсутствие которого может привести к повышению политической протестности.

Институциональное доверие является выражением того, что граждане считают определённые институты эффективными, и вероятно положительно оценивают работу данных институтов, как способных выполнить возложенные на них социальные функции. Другими словами, в основе доверия лежит понимание того, что институты защищают интересы граждан и учитывают их мнение. Доверие зависит от многих факторов, одним из которых является экономическая ситуация в стране. Как правило, высокий уровень доверия к институтам и организациям формируется при благоприятной экономической обстановке, показателями которой могут выступать высокий уровень дохода в регионе, низкий уровень безработицы и множество других социально-экономических показателей. Если ин-

ституты способны обеспечивать равенство в доходах, то уровень доверия к ним также растёт. Зачастую, низкий уровень доверия к институтам обусловлен мнением граждан о причастности этих институтов к коррупции, поэтому данный аспект также является значимым для изучения. Институциональное доверие – это необходимое условие реализации любых реформ, потому что при отсутствии доверия снижается эффективность реформ, для которых необходима консолидация между обществом и властью.

Методы: В статье применяются такие методы как: структурно-функциональный метод, сравнительный, анализ результатов социологических данных. Интерпретируются данные исследования Всемирного Обзора Ценностей (WVS), которое проводится по всему миру и на сегодняшний день представляется единственным и самым масштабным проектом по изучению ценностей. Всего было проведено семь волн исследований во главе с социологом Р.Инглхартом. Казахстан присоединился к проекту в 2011 году в рамках шестой волны исследований, а в 2018 году было проведено новое исследование с выборкой 1276 респондентов со всех территориальных областей государства, результаты которого стали опубликованы только в конце 2020 года. В данной статье внимание акцентировано именно на региональном срезе доверия к институтам и связи с другими показателями.

Данная статья не претендует на полное и углубленное рассмотрение доверия к социальным и политическим институтам в Казахстане, но является попыткой выявить некоторые региональные особенности. Таким образом, общие задачи данной статьи включают в себя: изучение сущности феномена доверия; рассмотрение уровня институционального доверия в Казахстане; выявление наличия связи между уровнем

институционального доверия и такими показателями, как: удовлетворённость жизнью и материальным положением; оценка причастности к коррупции органов государственной власти; политическое участие респондентов разных областей.

Гипотезы данного исследования состоят в том, что уровень институционального доверия по регионам зависит от уровня удовлетворённости жизнью, а также материальным положением. Другой гипотезой является то, что уровень доверия влияет на политическое участие граждан: чем выше уровень институционального доверия, тем выше институциональное (конвенциональное) участие граждан, низкий уровень доверия может означать либо пассивное политическое участие вследствие разочарования, либо потенциальное участие в протестных акциях.

Для начала были изучены классические труды, посвящённые теме доверия, чтобы определить подходы к исследованию. Затем был рассмотрен общий уровень институционального доверия в Казахстане, с целью определения того, какие институты пользуются наивысшим доверием среди казахстанцев. Следующий этап исследования состоял в том, чтобы определить высокий и низкий уровень доверия к различным институтам и организациям в региональном разрезе, чтобы затем соотнести и проанализировать эти данные с уровнем удовлетворённости жизнью и материальным положением, оценкой респондентов причастности к коррупции органов государственной власти, а также политическим участием респондентов разных областей.

Роль доверия в политической системе

Феномен доверия изучается множеством социальных наук: философией, психологией, социологией, политологией и др. Проблема доверия в обществе поднимается учеными и исследователями на протяжении многих лет. Такие представители политической мысли как Гуго Гроций, Джон Локк, Иммануил Кант смотрели на доверие через призму теории общественного договора. Позже данный феномен стал изучаться в контексте социальных структур и интересов различных социологических школ, которые стали рассматривать доверие как неотъемлемую часть социальных отношений.

Одну из важнейших функций доверия отмечает немецкий социолог Г.Зиммель, который считает, что именно благодаря доверию в обществе возможна интеграция. Он выделяет доверие

как необходимую норму для взаимоотношений, которая возникает благодаря социальному обмену. Такого же мнения придерживаются и другие сторонники обменной теории: Фердинанд Теннис, Джордж Хоманс, Питер Блау и др. Так, например американский социолог П.Блау подчёркивает, что доверие непосредственно связано с риском, появление которого обусловлено выбором доверия или недоверия (Blau, 1964). Каждый раз совершая выбор доверять индивид допускает определённый риск, и как правило, чем выше степень риска или вероятность угрозы, тем сильнее появляется необходимость высокого уровня доверия. Конкретизировал данный аспект Джеймс Коулман (Coleman, 1990), описав доверие через теорию рационального выбора, он отметил, что выбор доверять принимается с учётом выгоды и действий объекта. Следует отметить, что также как П.Бурдьё, Р.Патнэм, М.Вулкок и др., Д.Коулман доверие рассматривал как часть социального капитала (Coleman, 1988). По Р. Патнэму (Putnam, 1996) социальный капитал увеличивает благосостояние общества и способствует демократизации, при этом доверие выступает важным элементом данного процесса, так как влияет на повышение политического участия граждан. Таким образом, мы можем исходить из того, что в странах с демократической направленностью, высокий уровень доверия сопровождается чаще всего высоким уровнем конвенционального политического участия.

Схожую точку зрения о доверии как принятии решения можно встретить в трудах известного социолога А.Селигмена, он считает, что доверие в целом исходит из сценария неопределённости, в то время как уверенность основана на опыте и обретается при наличии каких-либо инструментов контроля над ситуацией (Seligman, 1998). Всё это может говорить нам о том, что доверие со стороны граждан к политическим институтам становится важным инструментом для преодоления кризисных ситуаций, несущих в себе определённые риски.

Мнения о том, что доверие особенно определяется в условиях риска придерживается и социолог Петр Штомпка (Sztompka, 1999). Он отмечает, что доверие формируется из определённых оснований, таковыми могут быть: знание об объекте доверия, склонность индивидов к доверию и прошлый (исторический) опыт. Из этого можно сделать вывод, что на формирование доверия к тем или иным институтам в большой степени влияют средства массовой информации.

Такие исследователи как П.Штомпка, Э.Гидденс, Н.Луман, Ф.Фукуяма прежде всего обосновывали необходимость доверия в контексте модернизационных изменений и в свете глобальных трансформаций особое внимание обращали на аспект безопасности, который неотъемлемо связан с фактором доверия.

П.Штомпка утверждает, что помимо доверия есть и недоверие, которое выражено в ожидании отрицательного поведения объекта. Когда существует недоверие к политической системе, то люди склонны к тому, чтобы доверять отдельным социальным группам или сужать круг доверия до отдельных индивидов. Изучая социальные феномены в условиях модернизации и глобализации, Э.Гидденс также обращает внимание на понятие «недоверие», подразумевая критическое отношение к объекту (Giddens, 1990). Так, недоверие к институтам означает сомнение в компетентности этих институтов.

Ф.Фукуяма социальное доверие характеризует как часть системы ценностей и считает, что развитость того или иного общества напрямую зависит от уровня доверия, которое позволяет сохранять в государстве сплоченность и способствует экономическому процветанию. Доверие, по Ф.Фукуяма, представляет собой ожидание последовательных действий согласно определенным порядкам от государства и членов общества, именно оно является одним из наиболее важных свойств развитого общества, которое в высокой степени влияет на модернизацию этих обществ (Fukuyama, 1992).

Немецкий социолог Никлас Луман в своих трудах описывает поведение при доверии или недоверии и считает, что такие категории как «доверие» и «уверенность» в итоге формируют чувство безопасности и стабильности, однако он разграничивает данные понятия, отмечая, что если утрата уверенности обозначает сужение круга доверия, то утрата доверия приводит к бездействию индивидов (Luhman, 1979). Таким образом, мы можем отметить, что низкое доверие к политическим институтам может формировать апатию к политическому участию со стороны граждан.

Структурно-функциональный подход Т.Парсонса трактует основную функцию доверия как социальную стабильность. Общество ожидает от власти определённого поведения и в случае, если поведение оправдывается, то это укрепляет доверие внутри политической системы. Представители конфликтологических теорий вопросам доверия отводят важную роль при разреше-

нии конфликтов. В свою очередь, Р.Дарендорф считает, что стабильность зиждется скорее не на доверии, а на авторитете. При этом, не исключено, что борьба за авторитет может привести и к конфликтам, которые можно решить в том числе при помощи социального доверия.

Современные исследователи институционального доверия связывают с одним из условий функционирования политических систем и демократических институтов. Ф.Вайнерт пишет, что «в демократическом обществе доверие к институтам является необходимым условием его надлежащего функционирования, поскольку по самой своей природе демократическая система предлагает альтернативы, и, если граждане потеряют доверие к демократическим механизмам, они потеряют веру в саму природу системы» (Weinert, 2018: 8). К похожим результатам пришло другое исследование, проведённое С.Мариен и М.Хуг. Оно выявило, что граждане с низким уровнем доверия к институтам политической системы считают более приемлемым нарушение закона (Marien, Hooghe, 2011). Поэтому политическое доверие имеет решающее значение для функционирования демократий, а низкий уровень доверия связывают с ростом протестных настроений и различных деструктивных движений (Dodsworth, Cheeseman, 2020: 14), также ученые подчеркивают, что низкий уровень доверия способен дестабилизировать проведение выборов (You, Wang, 2020: 72). Ещё один интересный тезис был сформулирован Т.Кристенсеном и П.Лэгрейдом, о том, что доверие людей к правительству носит общий характер: высокий уровень доверия к одному учреждению обычно распространяется на другие учреждения (Christensen, Lægreid, 2005).

Таким образом, теоретики выделяют большое количество социальных функций доверия, а также различные основания для него, главными из которых остаются непосредственно действия самих политических институтов. При этом мы можем видеть, что если раньше традиции и авторитет были более преобладающими основаниями, то с глобализационными тенденциями, демократизацией и модернизацией, всё большее влияние на доверие оказывает информационное поле, сформированное СМИ. Также, как уже отмечали различные ученые, существует связь институционального доверия и политического поведения граждан. Так, мы приходим к мнению, что высокий уровень доверия к органам политической власти может отражаться на высоком уровне конвенционального участия граждан.

Так как граждане в таком случае знают, что их голос и участие в политической действительности будут иметь значение и будут «услышаны» политической элитой. Подрыв доверия, дискредитация власти могут спровоцировать протестные настроения и участие в протестных акциях. Но следует отметить, что низкий уровень институционального доверия не всегда означает готовность выражать протестность, однако может нести накапливающийся эффект. Низкий уровень доверия может влиять на формирование пассивного участия общества в политической жизни.

Уровень доверия в Казахстане

Для начала рассмотрим общий уровень доверия в Казахстане к институтам, осуществляющим политическую власть в стране, отвечающим за безопасность и поддержание закона, несущим информационную и идеологическую функцию, а также к институтам, связанным с неправительственным сектором и с благополучием граждан, в том числе и экономическим.

Замеры уровня доверия к институтам в Казахстане содержатся во многих исследованиях. Так, одним из последних является исследование, проведенное в 2020 году Фондом Фридриха Эберта, в котором последовательность уровня доверия выглядела следующим образом: наибольшее доверие к Президенту (87,5%), затем к Правительству (75,6%) и к религиозным организациям (68,9%), а после уже к армии (68,6%), Парламенту (64,6%), политическим партиям (64,5%), университетам (60,6%), судам (56,8%), профсоюзам (55,1%), полиции (54,8%), крупным национальным компаниям (50,5%), казахстанским неправительственным организациям (50,4%), банкам (50%).

Всемирный обзор ценностей (рисунок 1) показывает, что в целом, доверие к государственным институтам в Казахстане достаточно высокое, с небольшим разрывом между ними, при этом более низкие позиции занимают судебная власть и выборы. Причины этому могут быть, как то, что респонденты сами могли сталкиваться с судебной несправедливостью или нарушениями на выборах, так и данные показатели могут обосновываться влиянием СМИ, отзывами окружения. При рассмотрении более широкого спектра институтов и организаций, мы видим, что наибольшее доверие выражается вооружённым силам и религиозным организациям, что может говорить о высокой ценности безопасности для казахстанцев и духовной сферы общества. Примечательно, что довольно высокую позицию (5 и

6 место в рейтинге доверия) занимают вузы и полиция, обойдя в рейтинге политические партии и различные неправительственные организации. Несмотря на то, что распространение интернета способно влиять на снижение потребления телевизионных каналов, доверие телевидению остаётся высоким и превышает доверие прессе. Низкий уровень доверия к банкам может быть связан с их не всегда устойчивым экономическим положением. Также низкий уровень доверия имеют профессиональные союзы, что характеризует определённые проблемы в эффективности их работы. Недоверие крупным компаниям может быть обусловлено тем, что респонденты связывают такой бизнес с продажей национальных богатств и природных ресурсов, а также с социальным неравенством.

Для того, чтобы определить есть ли связь между доверием к определённым институтам, построена корреляционная матрица (Рисунок 2), которая показала через выведенные коэффициенты корреляции, что отношение к одним институтам идёт «в связке» с отношением к другим институтам. Так, выявлено наличие корреляции между доверием к: телевидению и прессе; системе правосудия и полиции; Парламенту, Правительству и политическим партиям; государственным учреждениям и вузам; вузам и выборам; крупным компаниям и банкам; экологическим организациям, организациям в защиту прав женщин и гуманитарным и благотворительным организациям. То есть, доверие к одним институтам может распространяться на доверие к другим, в основном логически и функционально связанным институтам. Например, доверяя телевидению, казахстанцы доверяют и прессе; доверяя правосудию, чаще доверяют и полиции и т.д.

Теперь рассмотрим, какие области Казахстана выражают наибольшее и наименьшее доверие перечисленным ранее институтам, согласно опросу WVS (2018). В данном случае были суммированы результаты таких вариантов ответа, как «полностью доверяю» и «в некоторой степени доверяю». Затем полученные проценты доверия областей Казахстана были сопоставлены между собой, что позволило сформировать две рейтинговые группы: 5 областей с самым высоким уровнем доверия и 5 областей с самым низким уровнем доверия к определённым институтам (остальные области не представлены в таблице). Таким образом, понятия «области с высоким уровнем доверия» и «области с низким уровнем доверия» относительно друг друга (таблица 1).

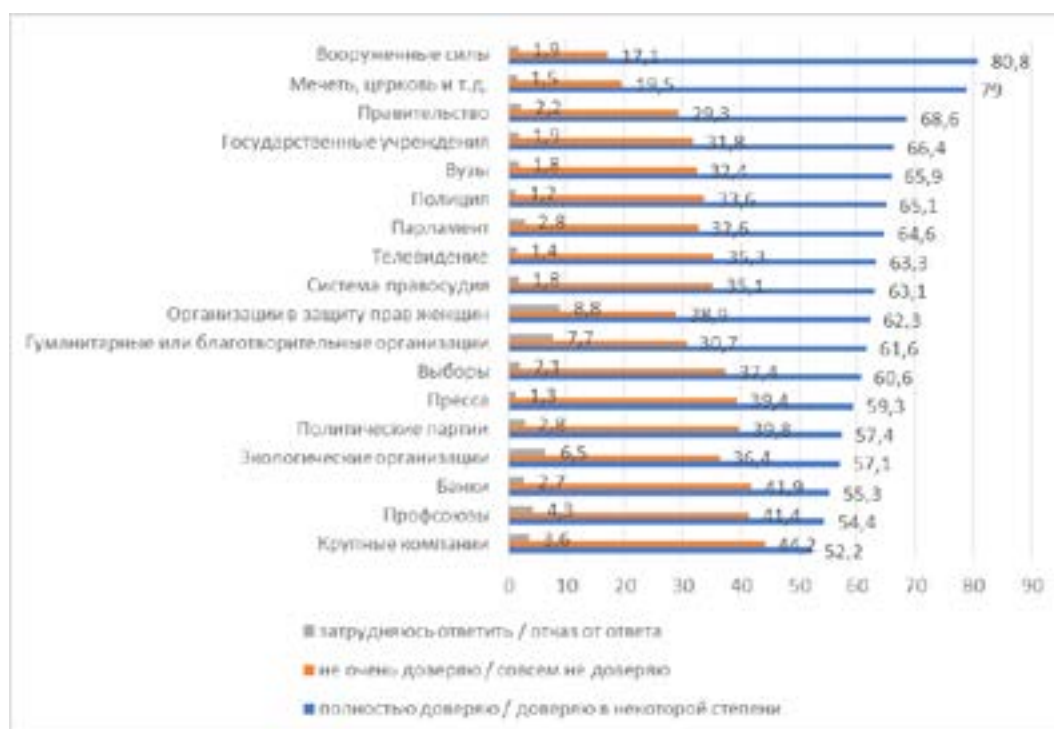

Рисунок 1 – Показатели доверия институтам и организациям (WVS, седьмая волна исследований; N=1276)

	Мечеть, церковь и т.д.	Вооруж. силы	Пресса	TV	Профсоюзы	Полиция	Система правосудия	Правительство	Полит. партии	Парламент	Гос. учрежд.	Вузы	Выборы	Крупные компании	Банки	Эколог. организ.	Организ. в защиту прав женщин	Гуман. и благот. организ.
Мечеть, церковь и т.д.	1	0,5726075	0,379106	0,3069	0,291025365	0,30473918	0,336476193	0,314251388	0,284956	0,311831924	0,3495832	0,3455	0,3451802	0,30540796	0,2829	0,28660368	0,2933346	0,2876533
Вооруженные силы	0,5726075	1	0,471402	0,4085	0,42191159	0,47575133	0,51263944	0,468551247	0,389801	0,444110959	0,4179464	0,4277	0,3533452	0,36448859	0,3454	0,26217965	0,3031206	0,2919072
Пресса	0,3791059	0,4714015	1	0,7177	0,445207945	0,46046618	0,453765603	0,42667051	0,428823	0,403955554	0,4318547	0,374	0,4445068	0,36617825	0,2902	0,31130843	0,2431704	0,2786351
Телевидение	0,306865	0,4085112	0,717716	1	0,483574547	0,4942904	0,484625269	0,477748107	0,405515	0,413388458	0,4064317	0,4013	0,4420797	0,33127566	0,2819	0,27009959	0,2504263	0,2831166
Профсоюзы	0,2910254	0,4219116	0,445208	0,4836	1	0,48505904	0,480826092	0,393800932	0,424797	0,408545197	0,4034097	0,3475	0,3582407	0,37099071	0,2868	0,34243862	0,2890384	0,2975894
Полиция	0,3047392	0,4757513	0,460466	0,4943	0,485059045	1	0,731856306	0,574837931	0,512464	0,497479704	0,5189593	0,4489	0,4943715	0,37579882	0,4372	0,31596509	0,2643339	0,2704947
Система правосудия	0,3364762	0,5126394	0,453766	0,4846	0,480826092	0,73185631	1	0,654972983	0,615062	0,586076728	0,4970577	0,4773	0,5192539	0,4686576	0,461	0,34283352	0,3171548	0,309916
Правительство	0,3142514	0,4685512	0,426671	0,4777	0,393800932	0,57483793	0,654972983	1	0,673694	0,72448109	0,6012691	0,4902	0,5589422	0,43456428	0,4413	0,3738814	0,3710547	0,3796234
Политические партии	0,2849565	0,3898015	0,428823	0,4055	0,424796879	0,512464	0,615062374	0,673694008	1	0,724323919	0,5983482	0,4419	0,5496136	0,45983862	0,454	0,37232083	0,3807041	0,35247
Парламент	0,3118319	0,4441111	0,403956	0,4134	0,408545197	0,4974797	0,586076728	0,72448109	0,724324	1	0,6714836	0,5616	0,5856268	0,50437089	0,4304	0,42950211	0,3649356	0,386061
Гос. учреждения	0,3495832	0,4179464	0,431855	0,4064	0,403409702	0,51895932	0,497057723	0,601269072	0,598348	0,671483578	1	0,6582	0,5392172	0,43290092	0,4445	0,40062412	0,3881671	0,344787
Вузы	0,3454969	0,427718	0,374039	0,4013	0,347533113	0,44892572	0,477257198	0,490195165	0,441938	0,561601762	0,6582185	1	0,6002321	0,53391515	0,4417	0,42861616	0,4109225	0,3576453
Выборы	0,3451802	0,3533452	0,444507	0,4421	0,358240656	0,49437146	0,519253917	0,558942221	0,549614	0,58562677	0,5392172	0,6002	1	0,56323914	0,5042	0,40783234	0,3284711	0,3562579
Крупные компании	0,305408	0,3644886	0,366178	0,3313	0,370990712	0,37579882	0,468657598	0,434564279	0,459839	0,504370891	0,4329009	0,5339	0,5632391	1	0,5614	0,50255537	0,3934721	0,3661811
Банки	0,2829391	0,3453588	0,290211	0,2819	0,286758252	0,43723754	0,461018735	0,441333295	0,454046	0,430354952	0,4444769	0,4417	0,5042253	0,56143804	1	0,48570399	0,3753152	0,3634592
Экологические организации	0,2866037	0,2621796	0,311308	0,2701	0,342438618	0,31596509	0,342833521	0,3738814	0,372321	0,429502106	0,4006241	0,4286	0,4078323	0,50255537	0,4857	1	0,6255739	0,599992
Организации в защиту прав женщин	0,2933346	0,3031206	0,24317	0,2504	0,289038395	0,26433391	0,317154776	0,371054733	0,380704	0,364935561	0,3881671	0,4109	0,3284711	0,39347208	0,3753	0,62557394	1	0,7007415
Гуманитарные и благотворит. организации	0,2876533	0,2919072	0,278635	0,2831	0,29758944	0,27049469	0,30991603	0,379623354	0,35247	0,386061002	0,344787	0,3576	0,3562579	0,36618108	0,3635	0,599992	0,7007415	1

Рисунок 2 – Корреляционная матрица институционального доверия (на основе данных WVS, седьмая волна исследований)

Наиболее высокий уровень доверия большинству институтов присущ таким областям, как: Кызылординская область, Туркестанская область, Жамбылская область, Актюбинская область. На их примере становится понятно, что доверие к институтам может присутствовать не только выборочно, а распространяться на все институты.

Также в несколько меньшей степени и более выборочно институциональное доверие выражают Северо-Казахстанская и Алматинская области. А к областям с низким уровнем институционального доверия, согласно опросам, можно отнести: Западно-Казахстанскую область, Атыраускую область, Мангистаускую область, Павлодарскую область, Шымкент.

Таблица 1 – Высокий и низкий уровень институционального доверия областей Казахстана (на основе данных WVS, седьмая волна исследований)

	Области с высоким уровнем доверия	Области с низким уровнем доверия
Парламент	Кызылординская обл. (84,4%) Туркестанская обл. (82,4%) Алматинская обл. (80,3%) Северо-Казахстанская обл. (79,5%) Жамбылская обл. (77%)	Западно-Казахстанская обл. (4,6%) Атырауская обл. (47,7%) Шымкент (50%) Карагандинская обл. (50%) Мангистауская обл. (51,2%)
Правительство	Кызылординская обл. (89,7%) Северо-Казахстанская обл. (86,3%) Жамбылская обл. (85,2%) Актюбинская обл. (83%) Туркестанская обл. (82,5%)	Западно-Казахстанская обл. (9,1%) Шымкент (46,7%) Атырауская обл. (47,7%) Павлодарская обл. (56,5%) Нур-Султан (58,6%)
Система правосудия	Кызылординская обл. (87,9%) Костанайская обл. (86,8%) Туркестанская обл. (83,3%) Актюбинская обл. (77,9%) Северо-Казахстанская обл. (70,5%)	Западно-Казахстанская обл. (13,6%) Атырауская обл. (23,8%) Павлодарская обл. (46,8%) Шымкент (48,4%) Нур-Султан (55,7%)
Государственные учреждения	Кызылординская обл. (86,2%) Алматинская обл. (82,5%) Туркестанская обл. (82,4%) Жамбылская обл. (78,4%) Актюбинская обл. (74,5%)	Западно-Казахстанская обл. (4,6%) Нур-Султан (44,2%) Северо-Казахстанская обл. (47,7%) Шымкент (50%) Карагандинская обл. (53,9%)
Вооруженные силы	Актюбинская обл. (96,6%) Кызылординская обл. (91,4%) Туркестанская обл. (91,2%) Акмолинская обл. (91,2%) Алматинская обл. (90,5)	Западно-Казахстанская обл. (25%) Шымкент (61,3%) Атырауская обл. (66,7%) Павлодарская обл. (71%) Нур-Султан (71,4%)
Полиция	Кызылординская обл. (93,1%) Туркестанская обл. (81,6%) Костанайская обл. (80,9%) Актюбинская обл. (79,6%) Северо-Казахстанская обл. (77,3%)	Западно-Казахстанская обл. (18,2%) Павлодарская обл. (48,4%) Атырауская обл. (50%) Мангистауская обл. (55,8%) Шымкент (58,1%)
Выборы	Кызылординская обл. (89,7%) Туркестанская обл. (81,6%) Жамбылская обл. (77,1%) Актюбинская обл. (67,8%) Алматинская обл. (67,1%)	Западно-Казахстанская обл. (13,6%) Атырауская обл. (19,1%) Павлодарская обл. (43,5%) Северо-Казахстанская обл. (45,4%) Восточно-Казахстанская обл. (46,7%)
Политические партии	Кызылординская обл. (81%) Туркестанская обл. (78,1%) Северо-Казахстанская обл. (75%) Актюбинская обл. (71,2%) Алматинская обл. (67,1%)	Западно-Казахстанская обл. (4,6%) Атырауская обл. (33,3%) Мангистауская обл. (46,5%) Карагандинская обл. (47,1%) Акмолинская обл. (50,9%)

Продолжение таблицы

	Области с высоким уровнем доверия	Области с низким уровнем доверия
Телевидение	Туркестанская обл. (85,1%) Северо-Казахстанская обл. (84,1%) Актюбинская обл. (76,3%) Карагандинская обл. (74,5%) Алматинская обл. (69,3%)	Западно-Казахстанская обл. (29,5%) Мангистауская обл. (34,9%) Акмолинская обл. (49,1%) Кызылординская обл. (50%) Нур-Султан (50%)
Пресса	Северо-Казахстанская обл. (88,7%) Туркестанская обл. (84,2%) Актюбинская обл. (72,9%) Карагандинская обл. (68,6%) Павлодарская обл. (66,1%)	Мангистауская обл. (23,3%) Западно-Казахстанская обл. (29,5%) Атырауская обл. (38,1%) Акмолинская обл. (40,4%) Нур-Султан (45,7%)
Мечеть, церковь и т.д.	Акмолинская обл. (96,5%) Кызылординская обл. (91,3%) Алматинская обл. (91,2%) Карагандинская обл. (90,2%) Жамбылская обл. (89,1%)	Западно-Казахстанская обл. (27,3%) Северо-Казахстанская обл. (43,2%) Шымкент (64,5%) Мангистауская обл. (67,5%) Нур-Султан (68,6%)
Банки	Кызылординская обл. (93,1%) Туркестанская обл. (79,8%) Актюбинская обл. (67,8%) Шымкент (64,5%) Костанайская обл. (63,3%)	Западно-Казахстанская обл. (9,1%) Атырауская обл. (19%) Павлодарская обл. (27,4%) Северо-Казахстанская обл. (40,9%) Карагандинская обл. (46,1%)
Крупные компании	Кызылординская обл. (82,7%) Туркестанская обл. (80,7%) Алматинская обл. (62,8%) Павлодарская обл. (61,3%) Мангистауская обл. (60,5%)	Западно-Казахстанская обл. (11,4%) Атырауская обл. (16,7%) Акмолинская обл. (33,4%) Нур-Султан (40%) Алматы (40%)
Вузы	Жамбылская обл. (83,8%) Кызылординская обл. (82,8%) Туркестанская обл. (78,1%) Алматинская обл. (77,4%) Акмолинская обл. (77,2%)	Западно-Казахстанская обл. (6,8%) Атырауская обл. (35,7%) Северо-Казахстанская обл. (50%) Нур-Султан (50%) Мангистауская обл. (51,2%)
Профсоюзы	Кызылординская обл. (81,1%) Туркестанская обл. (77,2%) Алматинская обл. (67,1%) Павлодарская обл. (66,1%) Актюбинская обл. (59,4%)	Западно-Казахстанская обл. (13,7) Мангистауская обл. (30,3%) Нур-Султан (32,8%) Жамбылская обл. (44,6%) Акмолинская обл. (45,6%)
Гуманитарные и благотворительные организации	Туркестанская обл. (87,7%) Кызылординская обл. (84,4%) Алматинская обл. (81%) Северо-Казахстанская обл. (75%) Актюбинская обл. (72,9%)	Западно-Казахстанская обл. (11,4%) Атырауская обл. (19,1%) Павлодарская обл. (30,6%) Нур-Султан (50%) Карагандинская обл. (51%)
Экологические организации	Туркестанская обл. (81,6%) Кызылординская обл. (79,3%) Актюбинская обл. (72,9%) Алматинская обл. (71,5%) Северо-Казахстанская обл. (70,5%)	Атырауская обл. (11,9%) Западно-Казахстанская обл. (13,6%) Павлодарская обл. (24,2%) Акмолинская обл. (35,1%) Нур-Султан (35,7%)
Организации в защиту прав женщин	Кызылординская обл. (82,8%) Туркестанская обл. (81,6%) Актюбинская обл. (77,9%) Жамбылская обл. (77%) Алматы (71,8%)	Западно-Казахстанская обл. (13,7%) Атырауская обл. (21,4%) Павлодарская обл. (32,3%) Мангистауская обл. (46,5%) Акмолинская обл. (50,9%)

Таблица 2 – Средние значения по шкале удовлетворённости финансовым положением и жизнью в целом (по областям), где 1 – «Совершенно не удовлетворён»; 10 – «Полностью удовлетворён» (на основе данных WVS, седьмая волна исследований)

Удовлетворённость финансовым (материальным) положением (Среднее значение от 1 до 10)	Удовлетворённость жизнью в целом (Среднее значение от 1 до 10)
Кызылординская область – 8	Кызылординская область – 8,18
Костанайская область – 7,27	Костанайская область – 8,02
Жамбылская область – 7	Алматинская область – 7,69
Алматинская область – 6,74	Жамбылская область – 7,62
Актюбинская область – 6,54	Карагандинская область – 7,57
Восточно-Казахстанская область – 6,29	Актюбинская область – 7,45
Карагандинская область – 6,24	Мангистауская область – 7,30
Мангистауская область – 6,23	Алматы – 7,06
Нур-Султан – 6,13	Нур-Султан – 7,04
Шымкент – 6,10	Туркестанская область – 6,61
Алматы – 6	Акмолинская область – 6,56
Атырауская область – 5,81	Восточно-Казахстанская область – 6,48
Туркестанская область – 5,72	Шымкент – 5,95
Западно-Казахстанская область – 4,57	Павлодарская область – 5,95
Павлодарская область – 5,33	Атырауская область – 5,52
Акмолинская область – 4,81	Западно-Казахстанская область – 5,48
Северо-Казахстанская область – 4,02	Северо-Казахстанская область – 4,52
Среднее значение по всем областям – 6,04.	Среднее значение по всем областям – 6,74

Проверим, существует ли взаимосвязь между институциональным доверием и тем, как казахстанцы оценивают свою удовлетворённость жизнью и материальным положением (таблица 2). Наиболее высокий уровень доверия ко всем предложенным институтам и организациям показывает Кызылординская и Туркестанская области. Кызылординская область больше всего доверяет полиции (93,1%) и банкам (93,1%), а также религиозным организациям (91,3%), а Туркестанская область Вооруженным силам (93,1%) и в равной степени (87,7%) религиозным, гуманитарным и благотворительным организациям. При этом опрошенные с Кызылординской области больше удовлетворены, как своей жизнью, так и материальным положением, чем респонденты с других областей, в том числе и по сравнению с Туркестанской областью.

Жамбылская область в основном имеет высокий уровень институционального доверия, в особенности респонденты доверяют религиозным организациям (89,1%), Правительству (85,2%), вузам (83,8%), Парламенту (77%), государственным учреждениям (78,4%), выборам (77,1%). В целом, большинство респондентов

оценивают своё материальное положение достаточно высоким, как и удовлетворённость жизнью в целом. Следующие области с высоким и средним уровнем институционального доверия – Актюбинская и Костанайская области. Актюбинская область имеет высокие показатели доверия практически ко всем институтам, особенно к Вооруженным силам (96,6%), религиозным организациям (88,2%) и полиции (79,6%). Вместе с тем показатели удовлетворённости материальным положением и жизнью в целом несколько ниже, чем у респондентов с Костанайской области. Респонденты Костанайской области особенно высокие показатели доверия выражают системе правосудия (86,8%), полиции (80,9%) и экологическим организациям (66,2%).

Жители Алматинской области доверяют многим институтам, в том числе: религиозным организациям (91,2%), Вооруженным силам (90,5%), государственным учреждениям (82,5%), гуманитарным и благотворительным организациям (81%), Парламенту (80,3%), вузам (77,4%), а также экологическим организациям (71,5%). В целом, мы видим, что Алматинская область показывает доверие некоторой части

государственных институтов, а также выражает доверие неправительственному сектору. Показатели удовлетворения материальным положением, а также удовлетворенность жизнью в Алматинской области и Алматы в целом, средние относительно других областей.

Высокий уровень институционального доверия присущ опрошенным Акмолинской области к религиозным организациям (96,5%), вооруженным силам (91,2%), вузам и полиции (по 77,2%). Однако низкий уровень доверия выражен прессе (40,4%), экологическим организациям (35,1%) и крупным компаниям (33,4%). Город Нур-Султан в меньшей степени доверяет профсоюзам (32,8%), экологическим организациям (35,7%) и государственным учреждениям (44,2%). Если респонденты города Нур-Султан оценивают собственную удовлетворенность материальным положением на среднем уровне, то жители Акмолинской области испытывают низкую удовлетворенность финансовым положением.

Карагандинская область больше всего доверяет религиозным организациям (90,2%) и телевидению (74,5%). Удовлетворенность жизнью в области в целом, высокая, а также выше среднего уровень удовлетворенности финансовым положением. Среди других областей Восточно-Казахстанская область не отличается каким-либо разрывом в уровне доверия, и представляет средние или несколько выше среднего проценты доверия институтам, при этом меньше всего доверяет институту выборов. Демонстрирует средние показатели удовлетворенности жизнью и материальным положением.

Мангистауская область демонстрирует достаточно высокую удовлетворенность жизнью, данной области характерны средние значения доверия к институтам, однако недоверие к телевидению (34,9%), профсоюзам (30,3%) и прессе (23,3%). При том, что респонденты города Шымкент доверяют институтам на относительно низком уровне, удовлетворенность финансовым положением респонденты оценили на среднем уровне.

Павлодарская область оказывает низкое доверие таким институтам и организациям, как: полиция (48,4%), организации в защиту прав женщин (32,3%), гуманитарные и благотворительные организации (30,6%), банки (27,4%), экологические организации (24,2%). Павлодарская область демонстрирует невысокие показатели удовлетворенности жизнью и финансовым положением.

Атырауская область имеет ниже среднего уровень удовлетворенности жизнью и материальным положением, при том, что в различных рейтингах по финансовому состоянию данная область может занимать первые места. Область оказывает низкий уровень доверия целому ряду институтов: прессе (38,1%), вузам (35,7%), политическим партиям (33,3%), системе правосудия (23,8%), женским организациям (21,4%), гуманитарным и благотворительным организациям (19,1%), банкам (19%), крупным компаниям (16,7%), экологическим организациям (11,9%). Атырауская область, практически также как и Павлодарская, в меньшей степени по сравнению с многими другими областями доверяет полиции (50%), и с небольшой разницей по сравнению с Шымкентом, Павлодарская область оказывает также относительно низкий уровень доверия вооруженным силам (66,7%).

Западно-Казахстанская область, помимо низкого уровня институционального доверия имеет наиболее низкую удовлетворенность жизнью и материальным положением. Регион Северо-Казахстанской области, также как и Западно-Казахстанская область, имеет низкую удовлетворенностью жизнью и финансовым положением, однако, при этом Северо-Казахстанская область показывает высокое доверие Правительству (86,3%), прессе (88,7%) и телевидению (84,1%), Парламенту (79,5%), полиции (77,3%), политическим партиям (75%), гуманитарным, благотворительным (75%) и экологическим (70,5%) организациям, но проявляет низкое доверие государственным учреждениям (47,7%) и религиозным организациям (43,2%).

Таким образом, выясняется, что удовлетворенность жизнью и материальным положением идет в совокупности с институциональным доверием. Это демонстрируют Атырауская область, Западно-Казахстанская, Павлодарская области, которые имеют низкие оценки удовлетворенности и низкий уровень институционального доверия. Кызылординская, Жамбылская, Костанайская области отличаются не только высоким институциональным доверием, но и высоким уровнем субъективной удовлетворенности жизнью и материальным положением.

Рассмотрим взаимосвязь между уровнем институционального доверия и такими показателями, как: оценка респондентами причастности к коррупции органов государственной власти, удовлетворенность жизнью и материальным положением и политическое участие респондентов (рисунки 3).

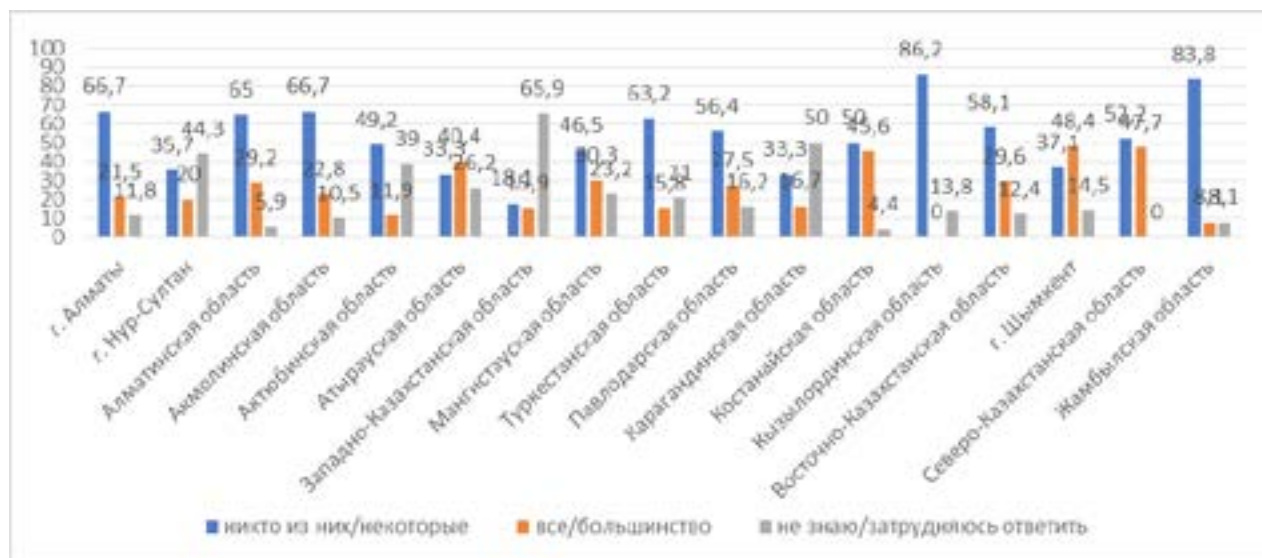

Рисунок 3 – По Вашему мнению, никто из представителей этой группы не вовлечен в коррупцию, только некоторые, большинство или все? / Высшие органы государственной власти (Президент, Мажилис Парламента) (на основе данных WVS, седьмая волна исследований).

Как мы видим, областям с высоким уровнем институционального доверия свойственно считать, что никто или лишь некоторые из представителей высших органов государственной власти вовлечены в коррупцию: Кызылординская область, Жамбылская область, Туркестанская область, Актюбинская область. Среди областей с низким уровнем институционального доверия высокий процент респондентов, которые считают, что все или большинство представителей высших органов власти вовлечены в коррупцию, приходится на Шымкент и Атыраускую область. Примечательно, что Западно-Казахстанская область, хотя и имеет низкие показатели институ-

ционального доверия, при этом на вопрос о коррупции в органах власти в большинстве случаев затрудняется ответить, это может говорить о закрытости, а возможно и о страхе респондентов данной области говорить на данную тему.

Перейдём к рассмотрению того, могли бы респонденты участвовать в той или иной форме политических действий и отражено ли это на институциональном доверии в областном разрезе. Для этого мы в каждой из форм участия выделили 5 областей, внутри которых опрошенные чаще всего выбирали варианты ответа: «делал» / «мог бы» и «ни при каких обстоятельствах не стал бы» (таблица 3).

Таблица 3 – Участие в различных формах политических действий (по областям Казахстана) (на основе данных WVS, седьмая волна исследований)

	«Делал» / «мог бы» (наибольший %)	«Ни при каких обстоятельствах не стал бы» (наибольший %)
Участвовать в подписании петиций	Северо-Казахстанская обл. – 72,7% Мангистауская обл. – 46,5% Шымкент – 40,3% Павлодарская обл. – 33,9% Восточно-Казахстанская обл. – 28,6%	Туркестанская обл. – 91,2% Костанайская обл. – 89,7% Кызылординская обл. – 89,7% Западно-Казахстанская обл. – 86,4% Алматы – 83%
Участие в бойкотах	Северо-Казахстанская обл. – 52,2% Павлодарская обл. – 33,9% Шымкент – 27,4% Атырауская обл. – 23,8% Жамбылская обл. – 16,2%	Алматы – 97,8% Костанайская обл. – 94,1% Западно-Казахстанская обл. – 93,2% Туркестанская обл. – 93% Кызылординская обл. – 91,4%

Продолжение таблицы

	«Делал» / «мог бы» (наибольший %)	«Ни при каких обстоятельствах не стал бы» (наибольший %)
Участие в мирных демонстрациях	Северо-Казахстанская обл. – 70,5% Павлодарская обл. – 33,9% Мангистауская обл. – 32,5% Шымкент – 30,6% Костанайская обл. – 28%	Туркестанская обл. – 93,9% Западно-Казахстанская обл. – 93,2% Кызылординская обл. – 91,4% Нур-Султан – 82,9% Актюбинская обл. – 78%
Участие в забастовках	Северо-Казахстанская обл. – 54,6% Павлодарская обл. – 33,9% Шымкент – 21% Жамбылская обл. – 16,2% Алматинская обл. – 12,4%	Алматы – 94,1% Западно-Казахстанская обл. – 93,2% Кызылординская обл. – 93,1% Костанайская обл. – 92,6% Туркестанская обл. – 92,1%
Обращение в государственные органы	Северо-Казахстанская обл. – 81,8% Мангистауская обл. – 72,1% Акмолинская обл. – 71,9% Алматинская обл. – 70,1% Восточно-Казахстанская обл. – 64,8%	Туркестанская обл. – 77,2% Кызылординская обл. – 65,5% Западно-Казахстанская обл. – 63,6% Жамбылская обл. – 52,7% Костанайская обл. – 51,5%

Стоит сказать, что в целом, политическое участие казахстанцев или возможное участие находится на довольно низком уровне, так, проценты, которые набрали варианты ответов «делали» и «могли бы» на разные формы участия распределились следующим образом: 21,5% респондентов участвовали или могли бы участвовать в подписании петиций, участие в бойкотах – 11,9%, в мирных демонстрациях – 20,7%, в забастовках – 11,2%, обращаться в государственные органы – 51%. Возможно, на подобные вопросы часть респондентов могла отвечать сдержанно. Однако, в данном случае нас интересует именно то, как внутри областей распределились ответы респондентов и есть ли такие области, где в сравнительной степени более выражено участие в перечисленных формах.

Как выяснилось, чаще всего Туркестанская и Кызылординская области не склонны к политическому участию в предложенных формах (таблица 3), а это в основном области с высоким уровнем институционального доверия. Большинство респондентов Костанайской области также не стали бы участвовать во многих формах протеста, однако, в отличие от остальных форм участия мирные демонстрации более приемлемы для данной группы опрошенных, при этом Костанайская область демонстрирует средние и выше среднего показатели институционального доверия, оценивает вовлечённость органов власти в коррупцию как высокую. Респонденты города Алматы склонны доверять большинству институтов и в основном не стали бы участвовать в забастовках и бойкотах, при

этом респонденты Алматы и Алматинской области имеют больше опыта в обращении в госорганы. Особенное внимание стоит обратить на Западно-Казахстанскую область, которая хоть и имеет низкий уровень институционального доверия, согласно опросам, в большинстве случаев респонденты данной области не стали бы участвовать ни в одной из предложенных форм политического участия.

Относительно высокий уровень политического участия продемонстрировали области с низким уровнем институционального доверия, по результатам опроса: Атырауская, Мангистауская, Павлодарская, Жамбылская области, а также город Шымкент. Примечательно, что респонденты с Павлодарской области больше, чем респонденты с других областей, предпочли воздержаться от ответа на вопросы, касающиеся различных форм политической протестности. А наиболее высокое участие в политических действиях показали респонденты с Северо-Казахстанской области, доверие которой различается в зависимости от института, однако в целом, данную область можно отнести к обладающей средним или выше среднего уровнем институционального доверия (таблица 1).

Выводы

Как показывают результаты исследования, институциональное доверие зависит от ряда факторов в совокупности. Области с высоким уровнем институционального доверия по собственным субъективным ощущениям могут

оценивать материальное положение и в целом удовлетворённость жизнью на высоком уровне, однако это не означает, что они обязательно имеют объективные высокие социально-экономические показатели развития.

Подтвердился тезис о том, что высокий уровень доверия к одному институту в области распространяется на доверие к остальным институтам, что заметно на таблице 1. Наибольшее институциональное доверие выражено в южном регионе. Наименьший уровень доверия приходится на западный регион, при этом политическое участие более выражено в юго-западном регионе, также высокое потенциальное участие по опросам приходится на северную часть Казахстана. Как мы видим, можно заметить некоторые закономерности между доверием и протестным потенциалом. Например, Кызылординская, Туркестанская, Актюбинская области имеют высокие показатели доверия большинству институтов и низкое политическое участие во всех приведённых формах. В свою очередь, Атырауская и Павлодарская область имеют не высокий уровень доверия и более склонны к политическому участию, также чуть в меньшей степени сюда можно отнести Мангистаускую область и Шымкент.

Проведённый анализ не показал прямой зависимости между теми или иными показателями, но позволил выявить некоторые характерные особенности областей, их отношение к вопросам доверия и с чем оно может быть связано. Например, Кызылординская область, Жамбылская область, Актюбинская область имеют высокое институциональное доверие, высокую удовлетворённость жизнью и материальным положением, оценивают причастность органов власти к коррупции как низкую и характеризуются низким уровнем политического участия в предложенных формах по результатам опроса. Похожие результаты показали опросы Туркестанской области, однако с разницей в более низком уровне удовлетворённости. Северо-Казахстанская область также имеет высокий уровень доверия и низкую удовлетворённость жизнью и материальным положением, но отличается от Туркестанской области высоким уровнем участия и высокой оценкой причастности органов власти к коррупции. Павлодарская

и Мангистауская области обладают как низким, так и средним уровнем доверия, в зависимости от институтов, оценивают причастность органов власти к коррупции как среднюю, имеют высокий потенциальный уровень политического участия, при этом Павлодарская область менее удовлетворена жизнью и финансовым положением. Другой областью с высоким участием, низким доверием, низкой удовлетворённостью и оцениванием причастности органов власти к коррупции как высокую, является Атырауская область. И наконец, Западно-Казахстанская область с низким институциональным доверием, низкой удовлетворённостью, но при этом отличающаяся от Атырауской области более низким политическим участием согласно опросам. Это отчасти могло бы подтверждать первоначальную гипотезу, что следствием низкого уровня институционального доверия может выступать пассивное политическое участие. Однако, так как респонденты Западно-Казахстанской области в отличие от других областей, в большинстве случаев затрудняются ответить на вопрос о коррупции в органах власти, то ответы на вопросы о различных формах политического участия, с учётом возможности влияния личностных аспектов (например, страх и др.), не обязательно могут говорить о пассивности, поэтому в данном случае не исключается и потенциальное участие жителей данного региона.

Следует отметить, что в данной статье раскрыты не все факторы, которые могут в той или иной степени влиять на институциональное доверие. Так, доверие к институтам политической власти во многом зависит от происходящих в политической системе событий. Большое количество факторов могут возникать как последовательно, так и стихийно, влиять на изменение отношения к институтам и утрате доверия. Предотвратить или препятствовать деструктивным обстоятельствам может построение устойчивых и эффективно функционирующих институтов. Таким образом, дальнейшее изучение проблем регионального развития и сопоставление их с институциональным доверием поможет объяснить многие происходящие политические процессы и совершенствовать коммуникацию между властью и обществом.

References

- Blau P. M. Exchange and power in social life. New-York: Wiley, 1964. – 352 p.
- Castaldo S. Trust Variety: Conceptual Nature, Dimensions and Typologies: Paper presented at the 19th IMP-conference in Lugano, Switzerland. 2003. – URL: <https://www.impgroup.org/uploads/papers/4317.pdf>
- Christensen T., Lægreid P. “Trust in Government: The Relative Importance of Service Satisfaction, Political Factors, and Demography.” *Public Performance & Management Review*, vol. 28, no. 4, 2005, pp. 487–511.
- Coleman J. Foundations of social theory. – Cambridge (Mass.); London: Belknap press of Harvard univ. press, 1990. – 993 c.
- Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. – *The American Journal of Sociology*. – Vol. 94. – Supplement: Organizations and Institutions: Sociological and Economic Approaches to the Analysis of Social Structure. – 1988. – P. 95-120.
- Dodsworth S., Cheeseman N. Political trust: The glue that keeps democracies together. – International Development Department University of Birmingham. – London, May 2020. – p.14.
- Ebert F. Foundation. The values of the Kazakh society in the sociological dimension. – Almaty, 2020 – 143 p.
- Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. – New York. The Free Press, 1992.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. – 101 p.
- Luhman N. Trust and Power. Chichester: Wiley, 1979.
- Marien S., Hooghe M. Does political trust matter? An empirical investigation into the relation between political trust and support for law compliance. – *European Journal of Political Research* (50), 2011. – pp. 267–291.
- Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. – Princeton University Press. – 1993. – 247 p.
- Seligman A. Trust and Sociability: On the Limits of Confidence and Role of Expectations // *American Journal of Economics and Sociology*. – 1998. – Vol. 57. – No. 4. – P. 390-405.
- Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999.
- URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/>
- URL: <https://kursiv.kz/news/tendencii-i-issledovaniya/2018-05/reyting-regionov-kazakhstana-po-versii-kursiv-research>
- URL: <https://wfin.kz/novosti/ekonomika/23267-razvitie-regionov-kazakhstana-v-2018-lidery-i-outsajdery.html>
- Weinert F. The Role of Trust in Political Systems. A Philosophical Perspective. – *Open Political Science*, 2018 (1). – pp. 7–15.
- Yu You, Zhengxu Wang The Internet, political trust, and regime types: a cross-national and multilevel analysis. – *Japanese Journal of Political Science*. – 2020. – 21, pp. 68–89.

М. Азильханов* , Р. Нуртазина

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан

*e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КАЗАХСТАНА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Общеизвестно, что перспективы государств и обществ, как и их проблемы, можно по-настоящему понять только в контексте тенденций мирового развития современной эпохи.

В этом русле в настоящей статье рассматривается вклад Республики Казахстан – важнейшего актора в международных отношениях, в укрепление глобальной, региональной и национальной безопасности за три десятилетия своей Независимости.

На основе комплексного научного подхода в публикации уделяется внимание признанию ключевой роли казахстанского государства, который, несмотря на постоянные изменения/трансформации в мировом конфессиональном пространстве под влиянием тенденций развития глобальной политики, стремится не только оказывать поддержку и действовать, всесторонне развивая и укрепляя диалог между лидерами мировых и традиционных религий во имя мира, согласия и безопасности, но также и на организацию других направлений практической работы в сфере противодействия религиозному экстремизму.

В статье рассматриваются конкретные меры, которые предпринимались светским Казахстаном на протяжении трех десятилетий его суверенитета в противодействии религиозному экстремизму в национальном и международном контексте, и/или так называемого «экстремизма во имя веры» – нового типа идейного оружия в руках субъектов международного терроризма.

Ключевые слова: государство, независимость, глобализация, стратегия, национальная безопасность, мир, религия, международные инициативы, Съезд лидеров мировых и традиционных религий, религиозный экстремизм, международный терроризм.

M. Azilkhanov*, R. Nurtazina

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan

*e-mail: marat.azilkhanov@gmail.com

International initiatives of Kazakhstan to counter religious extremism: political analysis

It is well known that the prospects of states and societies, as well as their problems, can be truly understood only in the context of the trends of the world development of the modern era.

In this context, this article considers the Kazakhstan's contribution as the most important actor in international relations, in strengthening global, regional and national security for three decades of its Independence.

Based on an integrated scientific approach, the publication pays attention to the recognition of the key role of the Kazakh state. Despite the constant changes/transformations in the world confessional space under the influence of trends in global politics, our country strikes not only to support and act, comprehensively developing and strengthening dialogue between leaders of world and traditional religions in the name of peace, harmony and security, but also to organize other areas of practical work in the field of countering religious extremism.

The article discusses specific measures taken by secular Kazakhstan over three decades of its sovereignty in countering religious extremism in the national and international context, and/or so-called "extremism in the name of faith" – a new type of ideological weapon in the hands of subjects of international terrorism.

Key words: state, independence, globalization, strategy, national security, peace, religion, international initiatives, Congress of Leaders of World and Traditional Religions, religious extremism, international terrorism.

М. Азильханов*, Р. Нуртазина

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

*e-mail: marat.azilkhhanov@gmail.com

Қазақстанның діни экстремизмге қарсы іс-қимыл жөніндегі халықаралық бастамалары: саясаттанулық талдау

Мемлекеттер мен қоғамдардың келешегін, олардың проблемаларын қазіргі дәуірдің әлемдік даму тенденциялары арнасы мен аясында ғана шынайы түсінуге болатындығы барлығына белгілі.

Осы тұрғыдан қарастырғанда, бұл мақалада халықаралық қатынастардың аса маңызды акторы болып табылатын Қазақстан Республикасы өз Тәуелсіздігінің үш онжылдығы ішінде жаһандық, аймақтық және ұлттық қауіпсіздікті нығайтуға қосқан үлесі талқыға түседі.

Басылым интеграцияланған кешенді ғылыми көзқарас негізінде әлемдік саясаттың даму тенденциялардың пәрменді ықпалымен әлемдік конфессионалдық кеңістікте ұдайы жүзеге асып тұратын түрлі өзгерістерге, түрленулерге қарамастан бейбітшілік, келісім және қауіпсіздік жолындағы әлемдік және дәстүрлі діндер көшбасшылары арасындағы диалогты насихаттау, жан-жақты дамыту және нығайту, сонымен қатар діни экстремизмге қарсы іс-қимыл саласындағы практикалық жұмыстың басқа да бағыттарын ұйымдастыру үшін қолдау көрсету және әрекет етудегі Қазақстан мемлекетінің негізгі рөлін тануға басты назар аударады.

Мақалада зайырлы Қазақстанның егемендігінің үш онжылдығы барысында ұлттық және халықаралық контексте діни экстремизмге қарсы және/немесе идеологиялық әрекеттің жаңа түрі болып табылатын «сенім атын жамылған экстремизмге» халықаралық терроризм субъектілерінің қолындағы жаңа типтегі идеялық қаруға қарсы тұруда қабылдаған нақты шаралары талқыланады.

Түйін сөздер: мемлекет, тәуелсіздік, жаһандану, стратегия, ұлттық қауіпсіздік, бейбітшілік, дін, халықаралық бастамалар, Әлемдік және дәстүрлі діндер лидерлерінің съезі, діни экстремизм, халықаралық терроризм.

Введение

Строго говоря, третье десятилетие XXI века входит в летопись современной истории крупными переменами на всем пространстве планеты.

Республика Казахстан, как и все человечество, вступившее в новый период общественно-исторического развития, стремится стать надежным партнером международного сообщества в глобальных и региональных проектах и действиях, призванных сохранить и обеспечить безопасность всех государств и обществ, продвигая прогресс в экономической, социальной, экологической, гуманитарной и других сферах.

Это свидетельствует о том, что Казахстан в современном мире, как многоэтническое и многоконфессиональное государство, расположенное в самом сердце Евразийского континента – это геополитическая реальность, которая имеет свою, пусть не очень долгую, длиною в три десятилетия независимости, историю и накопленный определенный опыт в реализации и продвижении конструктивной внешней политики в сфере безопасности, доверия и мира.

При этом, Казахстан также основное внимание уделяет всемерному и незыблемому отстаиванию своих исконных национальных интересов, выстраиванию диалога по конструктивному

продвижению внешнеполитических и внешнеэкономических и гуманистических приоритетов, заложенных в стратегических документах государства.

Стоит подчеркнуть, что конструкт миролюбивой политики казахстанского государства формируется и выстраивается на фоне холодной войны, нарастающих темпов смертельно опасной гонки вооружения, других проявлений соперничества ядерных держав.

Заметным фактором современной эпохи стала религия. Религиозный ренессанс приобрел широкие масштабы, хотя прежде обществом и государственными органами недооценивалось, игнорировалось, превратно интерпретировалось.

«Религиозный парадокс» сказался как в непредвиденном стремительном возрождении духовного и религиозного самосознания, так и обострении противоречий в конфессиональном пространстве в разных странах, росте проявлений религиозного экстремизма в отдельных обществах.

Одним из мотивов, побуждающих обращаться к международным инициативам Казахстана по противодействию религиозному экстремизму, является собственно нарастание глобальных угроз и вызовов в мировом конфессиональном пространстве.

Религия в современную эпоху преобразовывается в триггер глобальной значимости, с которым вынуждены считаться все государства мира и их политическое руководство при определении стратегии устойчивого развития и процветания. Отсюда у политического руководства государства рождается идея о создании своего рода уникальной глобальной площадки в столице светского Казахстана для переговорного/диалогового процесса современных духовных иерархов в начале первого десятилетия XXI века.

Одним из мотивов, побуждавших актуализировать обращение к обозначенной проблематике данной статьи является то, что для Казахстана угрозы распространения радикальных экстремистских идей детерминированы такими факторами, как: установление «прозрачных границ» между республиками Содружества Независимых Государств (СНГ), миграция представителей различных религиозных течений из депрессивных и густонаселенных регионов Центральной Азии, присутствие на территории соседних государств (Кавказа и Центральной Азии) псевдорелигиозных исламских группировок, пропагандирующих радикальный фундаментализм и создание единого халифата в регионах Кавказа и Средней Азии (Азильханов, 2019:7).

Отсюда и проистекает необходимая предпосылка разумного вмешательства нашей страной в эти вышеизложенные процессы.

Введение общих целей в государственную политику посредством принятия стратегического документа «Концепции государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы» (Концепция государственной..., 2017) в 2017 году и иных общеизвестных нормативных правовых документов внесло элементы сознательного контроля в процессы дискредитации духовных ценностей, нарастания религиозного фанатизма, воинствующего экстремизма и радикализма, наносящих ущерб конституционным устоям государства, светским принципам развития общества, традиционным духовным и культурным ценностям всего казахстанского народа ((Концепция государственной..., 2017).

Широко признается, что проблемы мирового сообщества невозможно решить по частям, ибо они настолько переплетены и взаимосвязаны. В этой связи, стратегия казахстанского государства заключается в том, чтобы «не оставаться на обочине истории», а принимать в нем активное практическое участие.

Наша цель в этой статье – внести свой вклад в прояснение международных инициатив Республики Казахстан по противодействию религиозному экстремизму.

Для реализации цели поставлены следующие задачи:

1. Определение базового понятия «религиозный экстремизм», используемого в работе.

2. В рамках исследования проблемы противодействия религиозному экстремизму, изложение авторского видения моделирования типологии религиозных рисков, особо значимых для конфессионального пространства государства, с обозначением их структурных признаков в перспективе ближайших 10-ти лет.

3. Изложение исходных теоретических представлений о международных инициативах Казахстана по противодействию религиозному экстремизму.

4. Изучение разнообразных реакций внешних держав/акторов на международные инициативы казахстанского государства и его ценностную роль в современной геополитике.

Методология исследования

Строго говоря, глобализационные процессы в современную эпоху способствуют трансграничному распространению религиозного экстремизма, поэтому в будущем следует ожидать новых штормов данного явления, что означает высокую актуальность проблематики.

В работе использованы следующие методы исследования:

1. Исторический метод, который позволяет определить причины и факторы возникновения религиозного экстремизма, а также исследовать предпосылки его распространения на территории казахстанского государства.

2. Анализ ситуации, который предполагает изучение документов и объективных материальных источников для получения надлежащих сведений как о нормативной правовой основе государства по вопросам религиозной политики, так и программам и/или проектам противодействия религиозному экстремизму.

3. Дискурс-анализ текстов и материалов масс-медиа, результаты которых значимы для оценки искомого явления «религиозный экстремизм» в экспертном восприятии и общественном сознании.

4. Сравнительный анализ, способствующий выделению критериев религиозного экстремизма.

ма как угрозы для национальной безопасности Республики Казахстан.

Источниками исследования данной проблемы являются указы Президента Республики Казахстан, постановления правительства страны, правовые акты международной значимости, нормативные правовые документы в сфере государственно-конфессиональных отношений, а также государственные программы и национальные стратегии Казахстана.

В ходе исследовательской работы были проанализированы крупные научные труды известных отечественных и зарубежных ученых, которые позволяют по-новому изучить явления и процессы в религиозной сфере, а также данные социологических исследований, публикации в Интернете и материалы, собранные и проведенные автором лично в исследуемой среде.

Результаты исследования

Понятия «религиозный экстремизм» и «противодействие религиозному экстремизму»

Широко признается, что зарождению вызовов и рисков в религиозной сфере способствуют определенные объективные и субъективные факторы, системообразующим ядром которых выступают: глобализация, создание «железных занавесов» и геополитических блоков, холодная война, ренессанс религий, состояние климата и природные катастрофы, социальные бедствия, миграция, религиозный радикализм, международный терроризм и прочее.

Это относится, естественно, и к религиозному экстремизму.

Понятие «религиозный экстремизм»

Нормативное определение понятия «религиозный экстремизм» четко представлено в Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» (Закон Республики Казахстан..., 2015), принятого в 2005 году, согласно которому действия могут быть признаны экстремистскими, если физическое или юридическое лицо, объединение физических или юридических лиц организуют или совершают действия от имени запрещенных в стране экстремистских организаций (Закон Республики Казахстан..., 2015).

В настоящей статье кратко изложено авторское видение ключевых/базовых составляющих понятия религиозный экстремизм, как-то:

- «приверженность к крайним взглядам, действиям, формам поведения, жизненным стратегиям с использованием религиозных догм;

- приверженность к крайним толкованиям догматики веры, использование манипулятивных технологий при распространении радикальных взглядов и реализации на практике деструктивных стратегий;

- готовность пожертвовать своей жизнью для доказательства верности идеи;

- искаженное толкование своих вероучений и действий, основанных на нетерпимости к представителям других конфессий;

- культурный изоляционизм, неуважительное/пренебрежительное отношение к сложившимся нормам и традициям взаимодействия в обществе;

- принудительное/насильственное навязывание чуждых псевдорелигиозных ценностей, «веры», «традиций» нелегитимными, вне юридическими средствами;

- понимание и восприятие религии как «сакрального и чистого»;

- столкновение «правильных» и «неправильных» идентичностей «богов», «новой религиозности» и «истинных» вероучений;

- культивирование ксенофобии и религиозно мотивированного насилия;

- неприятие инакомыслия в вопросах веры, демонстрация исключительности и превосходства своих религиозных убеждений в сфере ближайшего окружения;

- специальное/намеренное нанесение ущерба/урона;

- разрушающее целенаправленное воздействие, несущее угрозу существованию общества и окружающего мира;

- возбуждение розни и пропаганда исключительности, фундированные на основе некоей идеологии исключительности;

- использование насильственных действий/методов, направленных для достижения предписаний своей религиозной общины;

- склонность к применению силовых/насильственных методов, приемов и средств достижения цели;

- использование религиозных канонических оправданий насилия;

- выезды «воинов духа» в зоны боевых действий (Сирия, Пакистан, Афганистан);

- призывы и иные действия под прикрытием религиозных лозунгов к насильственной смене власти, нарушению территориальной целостности государства» (Азильханов, 2019:25-26).

Что касается дефиниции «противодействие религиозному экстремизму», то оно имеет ши-

рокий смысл. Под ним следует понимать и осмысливать широкий и комплексный пакет специальных государственных программ и мер, направленных на предотвращение/профилактику и противодействие религиозному экстремизму.

Данные превентивные действия государства ориентированы на консолидацию усилий страны и общества по недопущению радикализации граждан и дерадикализации лиц, как указывается в Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018-2022 годы – «разделяющих экстремистские идеи по разжиганию религиозной вражды или розни» (Об утверждении Государственной программы..., 2018). В соответствии с этим, с 2006 года в Казахстане составляется список запрещенных террористических и экстремистских организаций (Список террористических..., 2019).

Между тем обострившаяся в первом квартале текущего 2021 года международная обстановка делает очевидным дополнительные исследования и анализ мировой религиозной ситуации, в том числе – с точки зрения проблематики роста радикализации религии и религиозного экстремизма, которые приобретает всемирный характер.

Существенным моментов в этом отношении выступает утвержденный указом Президента Республики Казахстан Национальный план развития страны до 2025 года, в котором «...отражено стратегическое видение по развитию важнейших отраслей, ориентиры по совершенствованию ключевых политик, направленных на нивелирование последствий коронакризиса и обеспечение устойчивого, инклюзивного и качественного развития экономики в условиях новой экономической реальности и текущих глобальных тенденций» (6).

Так, Глава государства, выступая в режиме видеоконференцсвязи на саммите глав государств «Центральная Азия – Китай», приуроченном к 30-летию установления дипломатических отношений между странами Центральной Азии и Китаем (7), рассказал о беспрецедентной по своей дерзости и жестокости агрессии террористов, с которой столкнулась наша страна в начале текущего года (7).

В своем выступлении Президент Казахстана обозначил важный тезис: «Как государство, как нация мы извлекли из этих трагических событий необходимые уроки и, безусловно, быстро восстановимся. Сейчас энергично работаем над

переформатированием и реформой государственного управления, системы национальной безопасности и экономической политики. Таким образом, мы начали строительство нового Казахстана» (7).

Актуализация и постановка вопроса о новом пути общественно-политической эволюции Казахстана также предполагает обновление и утверждение новой Концепции внешней политики казахстанского государства на 2020-2030 годы (8).

В основу ключевого фактора данного основополагающего документа положен тезис о нарастании в глобальном мире центристских тенденций, которые безусловно отражаются на системе международных отношений, переживающих сложную трансформацию» (8).

В самом общем плане названы её негативные/нетривиальные последствия, как-то:

- кризис доверия и повышение конфликтности;
- столкновение в мировом масштабе двух основных тенденций – глобализма и национализма, что создаёт серьёзные риски для средних и малых государств;
- обострение традиционных вызовов и угроз безопасности: терроризма, гонки вооружений, изменения климата;
- новые факторы – кибервойны и т.д. (8).

В Концепции отмечается, что Казахстану необходимо закрепить статус лидирующего государства в регионе Центральной Азии» и в этом русле – продвигать международные инициативы нашей страны на базе выверенного, последовательного, системного анализа в целях получения конкретных результатов для государства и всего мира (8).

Постановка вопроса о казахстанских международных инициативах по противодействию религиозному экстремизму предполагает осуществление экскурса в его историю.

Строго говоря, за тридцать лет Независимости Республика Казахстан, благодаря своей последовательной и взвешенной многовекторной, прагматичной и проактивной внешней миротворческой политике и уникальным глобальным инициативам, направленными на укрепление глобальной, региональной безопасности и стабильности, продвижению в государствах и обществах ценностей межкультурного, межрелигиозного и межконфессионального диалога, согласия и мира, обрела весомый политический вес и международный престиж.

Отметим, что определенный вклад в систематизацию фундаментальных международных инициатив Казахстана внесло научно-экспертное сообщество информационно-аналитического портала «Strategy2050», разработав и предложив сообществу тематическую матрицу под эгидой: «Топ-30 глобальных инициатив Казахстана: вклад в международную безопасность» (9).

В ней проиллюстрированы перечень и краткое содержание весьма значимых международных инициатив Казахстана по укреплению мер доверия между государствами в условиях обеспечения международной безопасности государств и обществ, которая потребует дальнейшей доработки в плане расширения и обогащения контента.

Время показало очевидность реформаторства Первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева и востребованность проводимой им превентивной дипломатии на мировом ландшафте, которые можно по-настоящему понять и осмыслить только в контексте тенденций мирового развития.

Нурсултан Назарбаев в своем труде «Критическое десятилетие» подтверждает приверженность суверенного государства к сотрудничеству, при этом особо подчеркивая, что «...с самых первых дней своей независимости и становления государственности Республика Казахстан является не просто участником интеграционных процессов, но и выступает как один из главных инициаторов объединения стран в целях обеспечения безопасности и стабильности» (Назарбаев, 2003:60).

Внимательный обзор и анализ международных инициатив Казахстана за прошедшие три десятилетия показывают, что они в основной своей массе оказались результативными. В этом плане наше государство обладает отличной репутацией на мировой арене.

По мнению Н.Назарбаева, «за плечами нашей дипломатии многие внешнеполитические инициативы глобального измерения. Казахстан впервые в СНГ добился места непостоянного члена Совета безопасности ООН. Казахстан также был инициатором многих международных, значимых интеграционных объединений. Таких, как СНГ, которое образовалось именно у нас, как Шанхайская организация сотрудничества, Совещание по мерам доверия в Азии и Евразийский экономический союз. Мы впервые проводили в стране саммит ОБСЕ и Организации исламского сотрудничества. Всё это находится в нашем

активе и заставило звучать имя нашей страны в международном сообществе» (Назарбаев, 2016).

При этом государство избежало участи отдельных стран, связанной с потерей территориальной целостности, революциями и государственными переворотами, войнами, прочими вызовами и конфликтами. Следует отметить, что достижению этих позиций в немалой степени способствовал тот факт, что благодаря политической воле руководства государства и мирным инициативам суверенной страны, Казахстан смог создать предсказуемый, благоприятный и относительно безопасный внешний фон для своего устойчивого развития.

Есть веские основания говорить о том, что в инициировании крупных, ответственных программ международного плана наша республика не ограничивалась узкими страновыми рамками. Так, Казахстан ратифицировал 16 из 19 конвенций ООН по терроризму; содействует реализации уникального регионального формата – Глобальной Контртеррористической стратегии ООН для Центральной Азии (12).

С первых лет самостоятельного развития Казахстан отличился выдвижением целого ряда инициатив глобального уровня. Среди таковых уместно подчеркнуть лидерство нашего государства в области ядерного разоружения. Фактически, 30 лет тому назад политическое руководство страны приняло поистине историческое беспрецедентное решение о добровольном отказе от ядерного оружия, закрыв четвертый по мощности в мире ядерный комплекс под Семипалатинском.

За этим стоят другие значимые процессы: участие и личный вклад Президента Назарбаева в деятельность многих международных саммитов по ядерному вопросу; написание им в 2016 году «Манифеста «Мир. XXI Век» ко всем народам и лидерам мира (13), получившее одобрение прогрессивной части человечества и вошедшее в когорту официальных документов ООН.

Для Казахстана – активного и ответственного актора мирового сообщества, особым вопросом выступило создание и укрепление единого оборонительного пространства на азиатском континенте. Идея созыва СВМДА была озвучена Первым Президентом страны на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1992 году.

Фактически это предложение стало первой уникальной глобальной инициативой молодого государства. Спустя 10 лет, то есть в 2002

году в городе Алматы состоялся первый саммит СВМДА, ставший символом уникального/нового/ разумного формата взаимодействия и сотрудничества в вопросах обеспечения безопасного мира в континентальной Азии, коллективного поиска решений в вопросах обеспечения противодействию религиозному экстремизму и международному терроризму.

В настоящее время в Организацию входят 27 государств, еще девять стран имеют статус «наблюдателя».

Согласно достигнутой договоренности, члены СВМДА могут осуществлять меры доверия на двусторонней и/или многосторонней основе. При этом выработанный в СВМДА Каталог мер доверия и указанные в нем меры носят рекомендательный характер. Это означает, что любое из государств-членов может выбрать определенные меры для применения, где это оправдано и соответствует его целям (14).

Сам факт, что в формате участвуют страны, находящиеся в состоянии конфронтации друг с другом (Иран-Израиль, Индия-Пакистан и т.д.) делают СВМДА уникальным международным органом. Более того, ряд экспертов замечали, что фрагментарные периоды, которые приводили к разрядке напряженности между противоборствующими сторонами, в том числе были связаны с деятельностью СВМДА и прямыми контактами первых лиц (15).

Отдельной строкой можно указать председательство Республики в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в ходе которого состоялся первый и пока единственный саммит этой структуры в XXI веке.

К этому же ряду относятся международные инициативы Казахстана по процессам «удержания мира». Речь идет о миротворческих усилиях по прекращению гражданской войны в Таджикистане, вооруженного конфликта в Карабахе между Азербайджаном и Арменией, миротворческих операциях в Ираке, межсирийском урегулировании, а также в качестве военных наблюдателей в ряде стран Восточной Африки.

В отечественные учебники по политологии и истории, думается, должны войти события о готовности Казахстана предоставить Астанинскую площадку для проведения переговоров о прекращении боевых действий между противоборствующими сторонами в Сирии; о том, что с января 2017 г. до 2019 г. в столице страны состоялись более 12-ти международных встреч по сирийскому урегулированию (16). Теперь также

окончательно ясно, что операция по вывозу казахстанцев из зоны конфликта в Сирии – весьма беспрецедентна и значима.

Реальная политика независимого казахстанского государства учитывала кардинальный факт, что проблема противодействия религиозному экстремизму и терроризму становится одной из ключевых в глобальной повестке современной эпохи.

В составе стран-участников Шанхайской организации сотрудничества, миссия которой направлена против «трех зол» – сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма, Казахстан активно участвует в работе Региональной антитеррористической структуры (РАТС), позволившей значительно сократить активность террористических организаций на территории государств – членов ШОС, тем самым внося свой фундаментальный вклад в трансформацию сотрудничества под влиянием новых вызовов и угроз (12).

В этой складывающейся новой геополитической атмосфере возрастает и актуализируется инициатива Президента К.К. Токаева по созданию Центра ШОС по информационной безопасности (17).

Как отмечает Глава нашего государства, «проблема терроризма дает о себе знать также в глобальной сети и требует дополнительных мер по обеспечению кибербезопасности. Создание Центра ШОС по информационной безопасности стало бы важным вкладом в дело защиты информационного пространства организации. С учетом опыта и специфики основную роль в продвижении данного вопроса способен взять на себя совет РАТС ШОС» (17).

Перечень уникальных международных инициатив, можно продолжить. Но важно другое.

Во-первых, Независимый Казахстан четко продемонстрировал миру меседж, что выдвижение глобальных инициатив не является прерогативой лишь т.н. «великих держав».

Во-вторых, международные инициативы казахстанского государства, в том числе направленные на противодействие религиозному экстремизму, существенно повлияли на преодоление кризиса доверия на пространстве того же ОБСЕ, запуска диалога цивилизаций, культур и религий.

В-третьих, каждая из соответствующих программ и проектов подчинялись задаче продвижения именно долгосрочных национальных интересов Казахстана. Так, сближение взглядов Вашингтона и Брюсселя – с одной стороны и

конкурирующего постсоветского блока во главе с Москвой – с другой стороны, было призвано снизить уровень рисков, в том числе и для нашего государства. Прекращение кровопролития в Сирии помимо прочего, имело ввиду пресечение расползания религиозного экстремизма в регионе Центральной Азии. Важно иметь в виду, что Казахстан становился не одной из сторон конфликта, а скорее медиатором, пользующимся

обоюдным доверием и уважением. Последнее преимущество позволило казахстанской столице городу Нур-Султан стать, наряду с городами Женевой и Хельсинки, одной из ключевых глобальных диалоговых площадок в нынешнем мире. За годы независимости, благодаря реализуемой взвешенной государственной политике в Казахстане наблюдается снижение террористической активности.

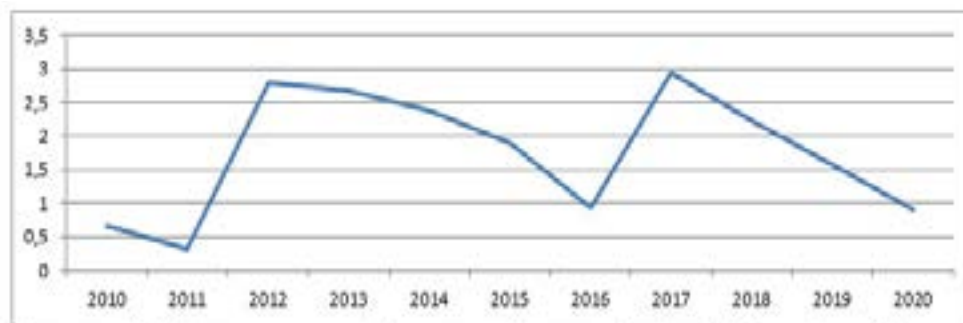

Диаграмма 1 – Индекс в Казахстане

Например, в рейтинге стран по ежегодному Глобальному индексу терроризма до 10 (статус – «наибольшее воздействие»), Республика Казахстан заняла нижнюю строку. Для сравнения приведем следующие такие показатели: в 2020 году ГИТ в России составил 4,5, в Китае – 3,5, что оценивает влияние терроризма как «очень низкое» (12).

Безусловно, все это время в зоне первостепенного внимания Казахстана находились проблемы, связанные с угрозами религиозного экстремизма и международного терроризма. Шаги, которые предпринимались в этом направлении внутри самого Казахстана – тема для отдельного рассмотрения.

В данной же работе есть смысл подробнее остановиться на политических и дипломатических усилиях официального Нур-Султана именно в части международной кооперации.

Динамика политизации религии во многом подчиняется логике напряжения, существующего между глобализацией и принципом национального суверенитета. Все более прозрачными становятся межгосударственные границы, а коммуникации – доступными, что, в конечном итоге, «приводят» религиозные идеи и установки в «броуновское движение», заставляя их ми-

грировать из одного региона в другой, из континента – в континент.

В этом плане нами поддерживается тезис исследователя Дмитрия Узланера, который отмечает, что результатом оказывается осязаемое перекраивание религиозного ландшафта. Появляются транснациональные религии, которые используют «артерии» глобального мира для быстрого распространения и эффективного поиска новых приверженцев (18).

Этот триггер особенно остро наблюдается в мусульманском мире, с его не устоявшимися либо забытыми традициями государственности, социально-экономическими неурядицами, безответственностью элит. Именно в них радикальные течения, спонсируемые влиятельными фондами, устремлены взять верх над традиционным верованием.

Парадокс в том, что помимо перечисленных выше мотивов, в процесс стремительного взлета религиозного экстремизма внесли влиятельные круги Запада и Востока.

Так, заигрывания с моджахедами в Афганистане в угоду сокрушения геополитического соперника – СССР привели к зарождению Аль-Каеды и движения Талибан в 1990-х годах. Низвержение нежелательного Вашингтону режима

Саддама Хусейна в Ираке нарушило хрупкий баланс в регионе и породило целый ворох террористических организаций, начиная с Исламского государства. Потворство властей Саудовской Аравии, Ливии, Йемена и прочих религиозным экстремистам выпустила этого «джина из кувшина», которого загнать обратно пока не представляется возможным.

Проблема заключается в том, что главным отличием религиозного экстремизма от прочих религиозных течений является убеждение в «своем превосходстве над другими». Это убеждение, по их разумению, дает им «моральное право» нарушать законы государства, нормы светского общества, и расправляться со своими оппонентами, не только идеологически, но и физически.

Что касается терроризма, то его идейным обоснованием служат те разновидности религиозных учений, которые носят тоталитарный характер. Стоит при этом отметить, что многие из этих разновидностей религиозных учений отпочковываются от традиционных религий, подвергая их определенной ревизии. Подвергаются тенденциозной трактовке основные догматические послы/положения, вырываются из контекста сущностные теологические смыслы, что наносит ущерб традиционному вероучению.

Глубинные процессы, сопровождающие религию, ее ценности и традиции, демонстрируют важность изучения для нее рисков через призму учета культурологических особенностей общества, в том числе от культурных установок и практики, целей, ценностей и интересов индивида в момент восприятия идеологии религиозного экстремизма как риска (19).

Питательной же средой для религиозного экстремизма являются маргинальные слои общества, социальные аутсайдеры, представители разного рода псевдо-националистических движений. Вовлеченными в их орбиту оказывается часть студенчества и интеллигенции, недовольные существующим порядком, некоторые группы из числа военных.

В качестве способов достижения своих целей по разрушению и дестабилизации действующей политической системы религиозные экстремисты используют демагогию, устраивают беспорядки, акты гражданского неповиновения, террористические акты и партизанскую войну. Такие действия безусловно парализуют возможности организации и проведения переговоров, соглашений и/или компромиссов, основываю-

щихся на принципах взаимопонимания и взаимоуступках.

В свою очередь нестабильность, бедность, войны, «двойные стандарты» в политике привели к радикализации религии и западофобии в мусульманском мире. Одним из ее проявлений стал терроризм, который уже в Америке и Европе спровоцировал исламофобию, превратившись в очень серьезную проблему и угрозой стать «новым антисемитизмом».

Однако, говоря об этом, подчеркнем и то, что мусульмане в Америке, Европе и во всем мире глубоко озабочены такой диффамацией религии. При этом западные политики, рассматривая религиозные движения, уделяют слишком много внимания фундаментализму вообще и радикальному исламу – в частности. Тогда как по результатам эмпирических и социологических исследований большинство мусульман очень хорошо интегрировались в современном обществе. Что не означает потерю самобытности, но и не противопоставляет ислам современному обществу (20, 14).

С другой стороны, рост исламской цивилизации сопровождается миграционными процессами и столкновением ценностей, в чем США и Европейский союз усматривают угрозу для западной цивилизации. Однако они же отмечают отсутствие стержневого государства в Исламской цивилизации и ее разобщенность (21).

В этом смысле диалог религий, диалог лидеров мировых и традиционных религий – это не просто богословские диспуты, но и обсуждение аспектов взаимопроникновения культур, поиск ответов на глобальные вызовы, связанные с сохранением стабильности, обеспечением экологического и духовного равновесия, борьбы с бедностью и эпидемиями, предотвращением конфликтов и угроз.

При этом мировая религия Ислам ныне уже не просто «восточное явление»; она путем сложным, а в какой-то мере и органичным, уже входит в «ткань» общественной жизни западного мира.

В этом плане для нас представляет определенный интерес публикация журналиста ТАСС Александра Пахомова, где показано, что только в США численность мусульман в США сегодня достигла 3,45 млн человек, причем это число непрерывно растет. Ожидается, что количество мусульман в стране к 2050 году увеличится до 8,1 млн человек. Ранее эксперты исследовательского Центра им. Пью предсказывали, что чис-

ленность мусульман на планете возрастет к 2060 году до 3 млрд человек, и к концу столетия их станет больше, чем христиан (22).

В этом же русле казахстанский политолог Расул Жумалы отмечает, что «...в Европе мусульманская диаспора превысила 30 миллионов человек, а в такой крупной европейской стране, как Франция, ислам вышел на второе после католицизма место по числу приверженцев. Это говорит о стремительно меняющихся условиях существования Запада и Востока, когда без постоянной сверки часов и учета взаимных интересов, двигаться вперед невозможно» (23).

Все это не пустые слова, практика их уже доказала. Достаточно привести в качестве примера результаты исследования американского Центра устойчивых и инклюзивных обществ о том, что пандемия коронавируса резко повлияла на характер и объем онлайн-обмена сообщениями ультраправых групп и отдельных лиц в Австралии (24).

Тот факт, что социальная и деловая жизнь людей в настоящее время в значительной степени осуществляется в Интернете, увеличивает масштабы экстремистского влияния в социальных сетях. Для многих радикальных псевдорелигиозных групп и их влиятельных лиц, пандемия COVID-19 представляет собой среду, которая способствует их долгожданным ожиданиям – приходу к власти, развалу демократических сообществ.

Как правило, участники таких групп мобилизуются через онлайн-платформы, чтобы доставлять заинтересованной аудитории многочисленные планы, проекты и модели, которые направлены на социальное разделение или привитие исключительности за счет мультимодального контента. Усилия по смягчению социального влияния таких групп путем удаления, например, агрессивного экстремистского контента с онлайн-платформ и замены его просоциальным контентом, затрудняются возникающей перекрестной динамикой вербовки в насильственный религиозный экстремизм на пересечении онлайн-взаимодействия и реальный, автономный контакт.

К примеру, колумбийские боевики в Южной Америке, филиалы ИГИЛ на Ближнем Востоке и в Афганистане, крайне правые экстремисты в США – все эти и многие другие не только наблюдают за разрушительными последствиями, вызванными пандемией COVID-19 и ее новыми

штампами, но уже пользуются этим преимуществом.

В ряду кардинальных проблем находится выяснение соотношения пандемии с ускоряемой цифровизацией, в результате которого централизованные цифровые сервисы приводят к замещению традиционной социализации – онлайн-социализацией масс, особенно молодежи, подрастающего поколения. Недавно анонсированная основателем социальной сети Facebook М. Цукербергом новость о том, что им создается виртуальная вселенная Meta – MetaVerse, которая заменит уже устаревшее видение социальных сетей – лишь тому яркое подтверждение.

Как видно, на фоне пандемии коронавирусной инфекции наступает время онлайн-социализации, что влечет за собой создание в т.ч. новых форм «цифрового радикализма и экстремизма» на религиозной почве.

В политических и интеллектуальных элитах разных стран ширится понимание, что альтернативы межцивилизационному, межрелигиозному и межконфессиональному диалогу нет.

Однако, к сожалению, действующие с XX века по настоящее время механизмы, начиная от ООН и ее международных структур, заканчивая инициативами отдельных государств, не справляются с большинством вызовов, относящихся к этой столь деликатной религиозной сфере. А это означает, что назрели объективные предпосылки для возникновения постоянно действующей международной площадки для диалога цивилизаций и религий с выработкой единых правил сосуществования.

И здесь одним из ярких начинаний, сфокусированных на укреплении взаимопонимания между религиями, стала уникальная глобальная инициатива Первого Президента Казахстана о диалоге цивилизаций и религий. Самым значимым новшеством эпохи становится то, что современные религиозные иерархии впервые сели за «круглый стол» переговоров и начали честно вести диалог.

Как известно, в сентябре 2003 года эта уникальная инициатива оформилась в полноценный и масштабный международный институт – Съезд лидеров мировых и традиционных религий.

Нурсултан Н.Назарбаев, выступая на открытии пленарного заседания первого саммита духовных иерархов в столице казахстанского государства, засвидетельствовал ценность постоянного религиозного диалога, который на практике создает «территорию мира и согласия, время

гармонии и ясности» (25). Сегодня это осознают лидеры мировых религий, главы государств, народы и парламенты в различных регионах нашей огромной планеты.

Успех состоявшегося мероприятия был закреплён в историческом решении о созывах межрелигиозного саммита на регулярной основе, раз в три года.

В межсъездовский период были созданы руководящий орган Съезда – Совет религиозных лидеров, а также его институты – Секретариат Съезда и Рабочая Группа Секретариата, в состав которых входят представители лидеров разных религий и конфессий.

Казахстанский формат глобального межрелигиозного и межконфессионального диалога вызвал в мировом сообществе большой интерес.

Глобальная инициатива Казахстана и его политического руководства о проведении на международном уровне Астанинского межрелигиозного саммита была поддержана главами крупнейших держав мира – России, США, Великобритании, Франции, Египта, влиятельными политиками и духовными лидерами различных религиозных конфессий современной эпохи.

Это не только свидетельствовало о том, что руководство Казахстана ясно ощущает пульс времени, но и способно раньше остальных предвидеть потенциальные риски и предложить пути их преодоления.

На шести межрелигиозных саммитах (2003-2018 гг.) в Нур-Султане практически за два десятилетия функционирования Съезда как уникальной глобальной межрелигиозной диалоговой площадки, существенное значение отводилось вопросам противодействия религиозному экстремизму. При этом прошедшие форумы религиозных лидеров обозначили массу накопленных проблем в религиозной сфере, хоть многие ещё и не решены, что, наверное, и невозможно, но все же позитивно влияют на процесс сближения взглядов, диалога и согласия по столь тонкой и деликатной религиозной проблематике.

Обращает на себя внимание активизация современными духовными пастырями поиска общечеловеческих ориентиров в мировых и традиционных религиях; ведение ими откровенного и открытого обмена мнениями о роли религии в современную эпоху и общечеловеческом характере ее основных моральных ценностей; актуализация важнейших и злободневных проблем, связанных с выявлением причин конфликтности на религиозной почве, необходимости совер-

шения межрелигиозной гармонии, взаимного уважения, умения учиться на традициях и высокой этике человеческой цивилизации.

В ходе состоявшихся шести межрелигиозных саммитов рефреном звучит мысль участников о том, что крайне важно исключить использование религиозной идеологии ради оправдания сомнительных политических целей. Откровенные дискуссии проходят по проблеме религиозного экстремизма и терроризма, которые имеют основу для распространения в любых государствах мирового сообщества, одинаково уязвимые для новых угроз.

Съезды духовных лидеров продемонстрировали глобальную потребность в замене постулата «идеология противостояния» на постулат «культура мира».

Большим достижением казахстанского государства, инициировавшего созыв уникальнейшего глобального межрелигиозного диалогового саммита в начале третьего тысячелетия стало то, что независимая, светская Республика Казахстан предстала перед всем миром страной, где достигнуто подлинное общественное единство, межконфессиональный и межрелигиозный диалог и согласие.

Параллельно большая работа проводится в направлении единства действий с другими международными организациями. Казахстан активно участвует в контртеррористической деятельности в ОДКБ, является членом Антитеррористического центра СНГ, в сотрудничестве с ОБСЕ проводит обучающие мероприятия, тренинги по борьбе с экстремизмом и терроризмом (12).

Немалое значение имеет то, что Казахстан сам активно участвует в процессе выработки коллективных решений. Один из последних таких примеров – соавторство Казахстана Резолюции 2396 Совета безопасности ООН о возвращении и передислокации иностранных террористов.

Данный документ получил свое практическое воплощение в ходе операций «Жусан» и «Русафа» в 2018-2019 гг., позволившим вернуть на родину около 600 граждан Казахстана.

Налицо объективный факт: Казахстан стал одним из первых государств в мире, принявших такое принципиальное и значимое решение, получив высокую поддержку и среди казахстанцев, и международное признание.

Заинтересованность в нахождении согласованных подходов к решению этих проблем

выразила Специальный докладчик Совета по правам человека по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом ООН Финнуала Ни Илойн. Выступая на 43-й сессии Совета ООН по правам человека, выражая признательность нашему государству за возвращение в страну более 500 женщин и детей, оказавшихся в зонах конфликтов в Сирии и Ираке, особо отметила, что казахстанские власти, рассматривая репатриантов как жертв терроризма, нуждающихся в защите, продемонстрировали приверженность международным обязательствам [26].

В свою очередь Госсекретарь США Майк Помпео высоко оценил лидерство Казахстана в репатриации своих граждан из Сирии и призвал поделиться своим опытом с другими странами (27).

Нужно сказать, что в текущем 2022 году история поставила перед человечеством ряд трудно разрешимых задач. Так, к застарелым конфликтам в мире и на пространстве СНГ добавляются новые. Отдельные страны занимают особую позицию по некоторым ключевым вопросам современности, что напоминает всем нам о хрупкости мира и как стремительно нарушается равновесие сил. Это тем более актуально в условиях, когда международные механизмы, начиная с ООН, утрачивают дееспособность, а на авансцену глобальной геополитики возвращается средневековый принцип – принцип «право сильного».

Сказанное напрямую затрагивает интересы Казахстана. Особенно остро тема региональной и глобальной безопасности высветилась на фоне Афганистана. Стремительный вывод войск НАТО из этой страны вновь актуализировал внимание на теме религиозного экстремизма. Именно такая идеология взята на вооружение Движением Талибан, которое пришло к власти в Афганистане. С этой для многих новой данностью приходится иметь дело большим и малым членам международного сообщества, включая Казахстан. Особую щепетильность проблеме придает тот факт, что Талибан многими странами рассматривается в качестве террористической организации. Тем не менее, в целях сохранения стабильности США, Россия, Китай, Турция, другие центры влияния выстраивают свои отношения с этим режимом.

Довольно прагматичную позицию в отношении талибского Афганистана демонстрирует и Казахстан. Здесь, в первую очередь, задействованы страновые ресурсы, связанные с поиском

точек соприкосновения с Движением Талибан. Среди них – взаимные гарантии безопасности, решение проблем относительно безопасного переезда этнических казахов из Афганистана в Казахстан, увязка перспектив оказания гуманитарной помощи афганскому народу, а также возможного признания талибов в качестве партнера с цивилизованным поведением последних. И, судя по имеющимся данным, подобная тактика приносит свои плоды (28).

Вместе с тем, по афганскому направлению Казахстан активно участвует в коллективных мерах. Сюда можно отнести и Саммит стран Центральной Азии в Ашхабаде летом 2021 года, совместное заседание глав государств-членов Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества. В ходе указанных форумов первостепенное внимание было уделено именно афганской проблематике и путям пресечения негативных сценариев. Обращает на себя тот факт, что региональный офис ООН по Афганистану, ранее дислоцировавшийся в Кабуле, переехал в Казахстан.

Немалое значение имеет то, что Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев на Генеральной Ассамблее ООН выступил с инициативой о базировании международного центра по координации гуманитарной помощи Афганистану в Казахстан, в городе Алматы, выразив также готовность сотрудничать с ООН и иными региональными организациями по данной проблематике (29).

Приведенные факты свидетельствуют о возросшем весе и авторитете казахстанского государства в делах региона и мира, в том числе – столь значимом афганском измерении.

Известно, что в реальной политике нет места романтике и популизму. Следовательно, будучи искусством возможного, политика должна в первую очередь следовать прагматизму и решению конкретных задач в интересах мирной и безопасной жизни всего казахстанского народа.

Время, прошедшее с момента завоевания Независимости Казахстана, дает определенный материал для исследований международных инициатив в области безопасности, в том числе противодействию религиозному экстремизму. Они во многом беспрецедентны.

Заключение

Обобщая результаты проведенного дискурса исследования, следует отметить, что за годы

суверенного становления и развития Республика Казахстан значительно укрепила позиции в международном сообществе по вопросам противодействия религиозному экстремизму.

Свидетельством и признанием высокого международного авторитета Казахстана за эти десятилетия стало председательство в ряде крупных международных и региональных организаций – ОБСЕ, ЕврАзЭС, ШОС, ОИС, ОДКБ, Совет сотрудничества тюркоязычных государств, членство в Совете Безопасности ООН и другие.

Полагаем, что именно в этом сложном сплетении разномасштабных политических процессов современности, несмотря на трудности и сложности исторического времени, Казахстан все эти годы умело справляется с миссией государства-миротворца, предусматривая и блистательно прогнозируя «идеальные штормы» в близлежащем и мировом пространстве.

Окидывая единым взором происходящие события сегодняшнего дня, не исключено, что такой интегрирующей позицией для Казахстана на международном уровне может оказаться новая задача по повышению дальнейшего взаимного доверия и выработке общей/коллективной и эффективной работы по противодействию религиозному экстремизму.

Нынешний всплеск локального религиозного радикализма и экстремизма – не случайность, а отражение общемировой ситуации. Сегодня практически все страны испытывают на себе последствия демонстрационного эффекта, возникающего от конфликтов, вызовов и войн с религиозной подоплекой.

Таким образом, есть веские основания говорить о необходимости новой стратегии по противодействию религиозному экстремизму в национальном и планетарном уровнях на фоне быстро изменяющегося нового мирового порядка.

Сегодня, после драматических уроков январских событий 2022 года, когда государством были приняты срочные и эффективные меры противодействия экстремистским действиям установленных агентов радикальных движений, готовивших осуществление террористических атак, главными задачами Казахстана и государственных структур безусловно должны быть следующие драйверы:

1. Создание благоприятных социально-экономических условий для молодежи и других уязвимых категорий населения.

2. Поиск и определение новой, современной, свежей и актуальной пассионарной общенаци-

ональной идеи, формирование и поддержка институтов гражданского общества и развитие сообществ, которые имеют надлежащий иммунитет к деструктивным/псевдорелигиозным течениям.

3. Формирование и расширение знаний молодежи и подрастающего поколения по вопросам высокой этики и религиозных ценностей/традиций, а также создание условий для либерализации общественной жизни, облегчения доступа к социальным лифтам.

4. Повышение вовлеченности личности и общества в осмысление и продвижение глобальной повестки мироустройства казахстанского государства, заинтересованности и позитивной мотивации по обеспечению его целостной безопасности.

5. Совершенствование внутриказахстанских инструментов противодействия религиозному экстремизму и всеми иными проявлениями радикализма и терроризма. Надо сказать, что вокруг этой проблематики как в Казахстане, так и за его пределами развернута широкая и острая дискуссия, на одной из которой есть смысл остановиться вкратце. Так, в докладе Генерального секретаря ООН «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» отмечается, что «достоверных статистических данных о факторах, приводящих к радикализации отдельных лиц, не имеется. Несмотря на наличие определенных различимых тенденций и моделей поведения в настоящее время среди ученых и исследователей консенсус существует лишь в отношении отдельных аспектов» (30).

6. Упрочение международного сотрудничества, направленного на достижение более высокого уровня коллективной сплоченности и консолидации в противодействии религиозному радикализму и экстремизму.

7. На межгосударственном уровне важным представляется дальнейшее развитие и реализация стратегемы, направленной на повышение консолидации и взаимного доверия государств с целью выработки общей идеологии и тактики противодействия религиозному экстремизму, вплоть до унификации определений искомых понятий и, соответственно, мер противодействия.

8. В связи с тем, что глобальный масштаб неуклонно приобретает угроза терроризма и религиозного экстремизма, ввести в практическое действие уникальное предложение Н. Назарбаева, высказанное на 70-й Генеральной Ассамблее ООН – «учреждение под эгидой ООН единой мировой сети противодействия международному терроризму и экстремизму. Для реализации этой

задачи ...разработать и принять всеобъемлющий документ ООН по борьбе с терроризмом» (31).

Безусловно, данная мега-идея, инициированная Республикой Казахстан, сегодня отвечает и национальным, и региональным, и глобальным интересам цивилизованного развития и расширения связей всего международного сообщества.

Это только часть наших идей и мыслей, навеянных событиями политических дискурсов в Казахстане и за рубежом.

Благодарим всех наших экспертов и сподвижников, разделяющих искренне наши чувства, мысли и идеи по построению мирного человеческого общества.

Литература

- Азильханов М.А. Обеспечение безопасности в религиозной сфере как стратегическая задача Казахстана //Магистерская диссертация на соискание степени магистра по специальности 6М050200 – «Политология». – г.Нур-Султан, 2019 г.
- Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2020 годы. – Астана, 2017. – [ЭР]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36541164#pos=27;-102.
- Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г., №31. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031>
- Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124>
- Список террористических и экстремистских организаций, запрещенных на территории Республики Казахстан. Сайт Комитета по делам религий МИОР РК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/5378?lang=ru>
- Токаев утвердил Национальный план развития страны до 2025 года. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://inbusiness.kz/ru/news/tokaev-utverdil-nacionalnyj-plan-razvitiya-strany-do-2025-goda>
- Токаев К.К. Мы начали строительство нового Казахстана. Выступление на Саммите глав государств «Центральная Азия – Китай», приуроченном к 30-летию установления дипломатических отношений между странами Центральной Азии и Китаем. – [ЭР]. – Режим доступа: https://forbes.kz/process/tokaev_myi_nachali_stroitelstvo_novogo_kazahstana
- Указ Президента Республики Казахстан «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы», от 6 марта 2020 года № 280. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280>
- «Топ-30 глобальных инициатив Казахстана: вклад в международную безопасность» – [ЭР]. – Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/top-30-globalnykh-initsiativ-kazakhstan-vklad-v-mezhdunarodnyu-bezopasnost/>
- Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Изд-во «Атамұра», 2003. – 240 стр.
- Назарбаев Н.А. Внешнеполитическая деятельность Казахстана заставляет звучать имя нашей страны на международной арене. 3 февраля, 2016. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/31432/>
- Казахстан и глобальное противодействие терроризму. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/kazakhstan-i-globalnoe-protivodeystvie-terrorizmu/>
- Манифест. «Мир. XXI Век». – [ЭР]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_other_events/manifest-mir-xxi-vek
- Документы и материалы встречи министров иностранных дел СВМДА, Алма-Ата, 22 октября 2004 год. – [ЭР]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/rso/sovesanie-po-vzaimodejstviu-i-meram-doveria-v-azii-svmda-/1679054/
- Официальные документы СВМДА. – [ЭР]. – Режим доступа: www.s-cica.org
- 30 лет Независимости: Инициативы Елбасы Нурсултана Назарбаева в мировой политике. – [ЭР]. – Режим доступа: <http://inform.kz> https://www.inform.kz/ru/30-let-nezavisimosti-initsiativy-elbasy-nursultana-nazarbaeva-v-mirovoy-politike_a3869798
- Токаев Касым-Жомарт. Создание Центра ШОС стало бы вкладом в дело защиты информпространства. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama>
- Узланер Д. Религия и политика: неразрывный симбиоз? / Обзор современных тенденций. [ЭР]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/religiya-i-politika-nerazryvnyj-simbioz/>
- Douglas, Mary. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. – N.Y.: Praeger, 1966. – 188 с.
- Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе. Государство, религия, церковь в России и за рубежом, №2, 2012. р. –30 с.
- Huntington S.P. The clash of civilizations? – New York: Culture and politics, 2000.
- Пахомов А. Численность мусульман в США достигла 3,45 млн человек. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/4857914>
- Жумалы Р. Исламский вектор в дипломатии Казахстана. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://liter.kz/islamskij-vektor-v-diplomatii-kazahstana/>
- Centre for Resilient and Inclusive Societies Submission to PJCS February 2021. Submission by the Centre for Resilient and Inclusive Societies (CRIS) to the Parliamentary Joint Committee on Intelligence and Security (PJCS) Inquiry into extremist movements and radicalism in Australia. – 41 p.
- Назарбаев Н.А. Выступление на открытии Первого Съезда лидеров мировых и традиционных религий. 2003 год. – [ЭР]. – Режим доступа: <http://religions-congress.org/ru/news/vystupleniya-I/25>
- Эксперт ООН похвалила Казахстан и призвала не допускать нарушений прав человека. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/225243986>
- США призвали Казахстан делиться опытом по интеграции вернувшихся из Сирии. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212913917>

Васильев О. Решение афганского кризиса: позиции и роль Казахстана. – [ЭР]. – Режим доступа: <https://mail.kz/ru/news/kz-news/reshenie-afganskogo-krizisa-pozicii-i-rol-kazahstana>

Токаев К.К. Казахстан готов помочь с логистикой гуманитарной помощи для Афганистана /Заседание Генассамблеи ООН, 23 сентября 2021 г. – [ЭР]. – Режим доступа: – https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12482917?utm_source

«Plan dejstvij po preduprezhdeniyu nasil'stvennogo ehkstrezmizma», doklad General'nogo sekretarya OON. Dekabr', 2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674&Lang=R.

Выступление Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева на Общих дебатах 70-й сессии Генассамблеи ООН. – [ЭР]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nazarbaeva-na-obshchih-debatah-7

References

Azilhanov M.A. Obespechenie bezopasnosti v religioznoi sfere kak strategicheskaya zadacha Kazakhstana [Ensuring security in the religious sphere as a strategic task of Kazakhstan] //Magisterskaya dissertaciya na soiskanie stepeni magistra po specialnosti 6M050200 – «Politologiya». – g.Nur. Sultan_ 2019 g.

Koncepciya gosudarstvennoi politiki v religioznoi sfere Respubliki Kazahstan na 2017_2020 godi [The concept of state policy in the religious sphere of the Republic of Kazakhstan for 2017-2020]. _ Astana_ 2017. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://online.zakon.kz//Document/doc_id=36541164#pos=27;_102.

Zakon Respubliki Kazahstan «O protivodeistvii ekstremizmu» ot 18 fevralya 2005 g. _ №31 [Law of the Republic of Kazakhstan “On countering extremism” dated February 18, 2005, No. 31]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000031_

Ob utverzhenii Gosudarstvennoi programmi po protivodeistviyu religioznomu ekstremizmu i terrorizmu v Respublike Kazahstan na 2018 _ 2022 godi. Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazahstan ot 15 marta 2018 goda № 124[On approval of the State Program to counter religious extremism and terrorism in the Republic of Kazakhstan for 2018-2022. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated March 15, 2018 No. 124]. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124>

Spisok terroristicheskikh i ekstremistskikh organizacii _ zapreschennih na territorii Respubliki Kazahstan [“Top 30 Global Initiatives of Kazakhstan: Contribution to International Security”]. Sait Komiteta po delam religii MIOR RK. URL_ <https://www.gov.kz/memleket/entities/din/documents/details/5378lang=ru>

Tokaev utverdil Nacionalnii plan razvitiya strani do 2025 goda. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://inbusiness.kz/ru/news/to-kaev-utverdil-nacionalnyj-plan-razvitiya-strany-do-2025-goda>

Tokaev K.K. Mi nachali stroitelstvo novogo Kazakhstana. Vistuplenie na Sammite glav gosudarstv «Centralnaya Aziya _ Kitai» _ priurochenom k 30 _letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenii meyu stranami Centralnoi Azii i Kitaem. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://forbes.kz/process/tokaev-myi-nachali-st>

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «O Koncepcii vneshnei politiki Respubliki Kazahstan na 2020_2030 godi» _ ot 6 marta 2020 goda № 280. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280>

«Top 30 globalnih iniciativ Kazakhstana _ vklad v mezhdunarodnuyu bezopasnost» – [ER]. – Rejim dostupa_ https://strategy2050.kz/ru/news/top_30_globalnykh_iniciativ_kazahstana_vklad_v_mezhdunarodnuyu_bezopasnost/

Nazarbaev N.A. Kriticheskoe desyatiletie [Critical decade]. – Almati_ Izd_vo «Atamura»_ 2003. – 240 str.

Nazarbaev N.A. Vneshnepoliticheskaya deyatelnost Kazakhstana zastavlyayet zvuchat imya nashei strani na mejdunarodnoi arene [The foreign policy activity of Kazakhstan makes the name of our country sound in the international arena]. 3 fevralya_ 2016. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://strategy2050.kz/ru/news/31432/>

Kazahstan i globalnoe protivodeistvie terrorizmu [Kazakhstan and global counter-terrorism]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://strategy2050.kz/ru/news/kazahstan_i_globalnoe_protivodeystvie_terrorizmu/

Manifest. «Mir. XXI Vek» [Manifesto. “Peace. XXI Century”]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_other_events/manifest_mir_xxi_vek

Dokumenti i materiali vstrechi ministrov inostrannih del SVMDA _ Alma _ Ata_ 22 oktyabrya 2004 god [Documents and materials of the meeting of CICA Foreign Ministers, Alma-Ata, October 22, 2004.]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovesanie_po_vzaimodejstviu_i_meram_doveria_v_azii_svmda_/1679054/

Oficialnie dokumenti SVMDA [Official documents of the CICA]. – [ER]. – Rejim dostupa_ www.s_cica.org

30 let Nezavisimosti _ Iniciativi Elbasi Nursultana Nazarbaeva v mirovoi politike [30 years of Independence: Elbasy Nursultan Nazarbayev’s initiatives in world politics]. – [ER]. – Rejim dostupa_ [inform.kz https://www.inform.kz/ru/30_let_nezavisimosti_iniciativi_elbasy_nursultana_nazarbaeva_v_mirovoy_politike_a3869798](https://www.inform.kz/ru/30_let_nezavisimosti_iniciativi_elbasy_nursultana_nazarbaeva_v_mirovoy_politike_a3869798)

Tokaev Kasim _ Jomart. Sozdanie Centra ShOS stalo bi vkladom v delo zaschiti informprostranstva [The creation of the SCO Center would be a contribution to the protection of the information space]. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama>

Uzlaner D. Religiya i politika _ nerazrivnii simbioz [Religion and politics: an inextricable symbiosis?] / Obzor sovremennih tendencii. [ER]. – Rejim dostupa_ https://globalaffairs.ru/articles/religiya_i_politika_nerazryvnyj_simbioz/

Douglas, Mary. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. – N.Y.: Praeger, 1966. – 188 c.

Turner B. Religiya v postsekulyarnom obschestve [Religion in a post-secular society]. Gosudarstvo _ religiya _ cerkov v Rossii i za rubejom_ №2_ 2012. p. –30 c.

Huntington S.P. The clash of civilizations? – New York: Culture and politics, 2000.

Pahomov A. Chislennost musulman v SSHA dostigla 3 45 mln chelovek [The number of Muslims in the United States has reached 3.45 million people]. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://tass.ru/obschestvo/4857914>

Jumali R. Islamskij vektor v diplomatii Kazakhstana [Islamic vector in the diplomacy of Kazakhstan]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://liter.kz/islamskij_vektor_v_diplomatii_kazahstana/

Centre for Resilient and Inclusive Societies Submission to PJCIS February 2021. Submission by the Centre for Resilient and Inclusive Societies (CRIS) to the Parliamentary Joint Committee on Intelligence and Security (PJCIS) Inquiry into extremist movements and radicalism in Australia. – 41 p.

Nazarbaev N.A. Vistuplenie na otkritii Pervogo Sezda liderov mirovih i tradicionnih religii [Speech at the opening of the First Congress of Leaders of World and Traditional Religions]. 2003 god. – [ER]. – Rejim dostupa_ http://religions_congress.org/ru/news/vystupleniya_I/25

Ekspert OON pohvalila Kazahstan i prizvala ne dopuskat narushenii prav cheloveka [UN expert praised Kazakhstan and urged not to allow human rights violations]. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://news.myseldon.com/ru/news/index/225243986>

SShA prizvali Kazahstan delitsya opitom po integracii vernuvshihsya iz Sirii [The United States called on Kazakhstan to share its experience in integrating those who returned from Syria]. – [ER]. – Rejim dostupa_ <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212913917>

Vasilev O. Reshenie afganskogo krizisa _ pozicii i rol Kazahstana [Solution of the Afghan Crisis: Positions and Role of Kazakhstan]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://mail.kz/ru/news/kz_news/reshenie_afganskogo_krizisa_pozicii_i_rol_kazahstana

Tokaev K.K. Kazahstan gotov pomoch s logistikoi gumanitarnoi pomoschi dlya Afganistana [Kazakhstan is ready to help with the logistics of humanitarian aid for Afghanistan] /Zasedanie Genassamblei OON_ 23 sentyabrya 2021 g. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://tass.ru/mezhdunarodnaya_panorama/12482917utm_source

«Plan dejstvij po preduprezhdeniyu nasil'stvennogo ehkstremlzma», doklad General'nogo sekretarya OON. Dekabr', 2015. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/70/674&Lang=R.

Vistuplenie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.Nazarbaeva na Obschih debatah 70_i sessii Genassamblei OON [Speech by the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev at the General Debate of the 70th session of the UN General Assembly]. – [ER]. – Rejim dostupa_ https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie_prezidenta_respubliki_kazahstan_nnazarbaeva_na_obschih_debatah_7

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

1-бөлім Философия	Section 1 Philosophy	Раздел 1 Философия
<i>Казанцева Д.Б.</i> Создание условий для самореализации духовно-нравственного потенциала личности в российском социуме		4
<i>Оздемир И., Кельдинова А.Б.</i> Философское осмысление взаимосвязи человека, Бога и природы.....		14
<i>Турарбекова Л.В.</i> Исчезновение объекта: реализация хайдеггерианского ядерного фантазма и интернет вещей.....		22
2-бөлім Мәдениеттану	Section 2 Cultural Studies	Раздел 2 Культурология
<i>Sariyeva A.T., Zholdubayeva A.K., John A. Sweeney</i> The impact of the pandemic on the modern information and educational environment		32
<i>Rystan Zh.K., Kemberbay R.</i> Methods used in the grounding of epistemology in the XX century: the case of heidegger and hartmann.....		41
3-бөлім Саясаттану	Section 3 Political Science	Раздел 3 Политология
<i>Faiz Muhammad Zaland, B.K. Rakhimbekova</i> Complexities of the peacebuilding process in Afghanistan		48
<i>Калиев Д.С., Вентсель А.</i> Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарындағы Қазақстанда ұлт құрылысы		55
<i>Щегорцова А.Г., Нечаева Е.Л.</i> Государственный медиаменеджмент: сущность и основные подходы к определению		65
<i>Жунусова А.К.</i> Институциональное доверие в Казахстане: региональные особенности		74
<i>Азильханов М., Нуртазина Р.</i> Международные инициативы Казахстана по противодействию религиозному экстремизму: политологический анализ.....		88